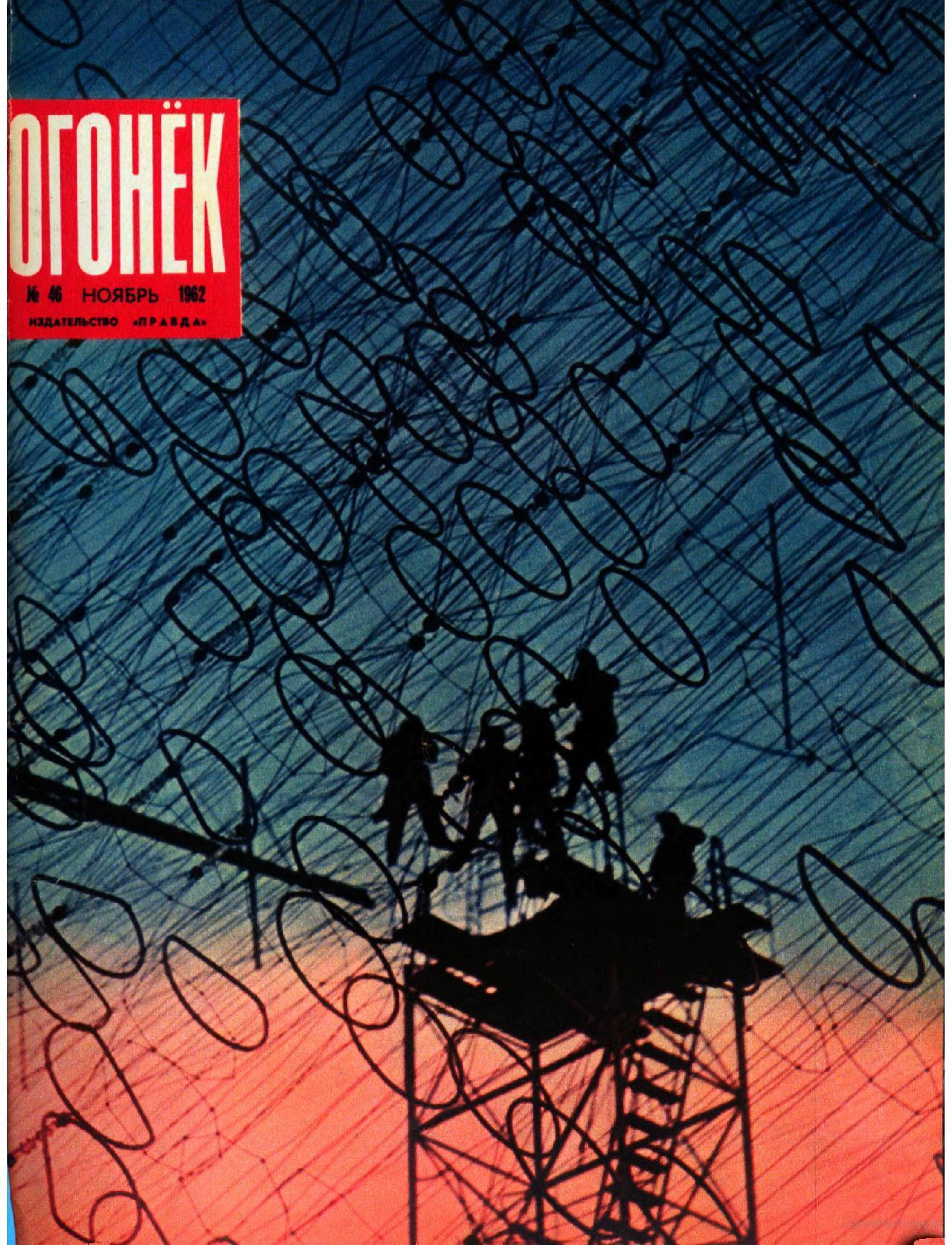

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1847)

11 НОЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Молодость требует: МИР! ДРУЖБА!

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина, В. Генде-Роте.

В НОМЕРЕ:

Радиотелескоп-гигант

Недалеко от Серпухова, на высоком берегу реки Оки, завершается монтаж первой части крупнейшего радиоастрономического телескопа. Подобного грандиозного инструмента еще не создавалось в истории науки.

Фото Я. Рюмкина.

●

С. КОНЕНКОВ:

Художник — это обязательно непреклонный борец.

●

— Да, я и сам понимаю: задание чревато смертельной опасностью. Но у нас нет другого выхода.

Вл. ПАВЛОВ
«ПАРОЛЬ — ПЯТЬ»

●

— Мальчики, знаете ли вы, что я был знаком с Джузеппе Роджеро?

Юрий ЯКОВЛЕВ
«ПОСЛЕДНИЙ ФЕЙЕРВЕРК»

●

— Во-он какое поле! Мое...— Петя Сапунов взмахивает рукой и как бы накрывает ладонью пространство перед собой.

Ким БАКШИ
«ЗЕМЛЯ ОТЦОВ»

●

Не один день продолжался этот необычайный поединок.

М. МАКЛЯРСКИЙ
«МОЛЧАЛИВАЯ СЛУЖБА»

●

Чудесные находки Херсонеса

Из тьмы тысячелетий пришла к нам светлая красота искусства греков.

Она в изящных линиях терракотовой женской статуэтки; в суровой простоте надгробия Поликасты; в пластичности головы юноши из терракоты; в незамысловатой, но удивительно выразительной расцветке кувшина, сделанного в древней гончарной мастерской.

Фото И. Тункеля.

**Москва,
Красная
площадь,
7 ноября
1962 года**

Октябрь — космодром века! Уходит в небо ракета «СССР», символизируя наши великие победы в освоении космоса.

РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

НА ТРИБУНЕ МАВЗОЛЕЯ В. И. ЛЕНИНА.

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1962 ГОДА

Фото Д. Бальтерманца, Л. Бородулина, А. Гостева, Я. Рюмкина, М. Савина, И. Тункеля.

Российский каравай—на с

2.212.000.000 пудов—в

ВСЕМУ ГОЛОВА

На столе Родины — российский каравай. 2 миллиарда 212 миллионов пудов зерна засыпано в закрома старшей из сестер-республик! Хлеб Дона и Поволжья, Кубани и Северного Кавказа, большой хлеб Сибири... Трудный, взятый с боем в нелегкий год, он упрочит и наше могущество и нашу славу.

Ибо не зря сказано в стародавние времена: хлеб — всему голова! И даже в наше время — время проникновения в мир невидимых, неосязаемых микрочастиц, в самую душу материи и в мир межзвездного пространства. Человек рвется к далеким планетам. И человек остается на земле. На той, которая дает хлеб. А хлеб нужен всем: и строителям, и шахтерам, и морякам, и докторам разных наук... Вот почему нельзя не порадоваться большому караваю России!.. Вместе работают на коммунизм и тот, кто пашет, сеет, жнет, и тот, кто послал чудесного гонца к Марсу, и тот, кто стоит на страже наших нив, наших заводов и лабораторий.

В эпоху освоенья космоса,
Когда в руках Вселенной жизнь,
Без красоты и силы колоса
Не обойтись, не обойтись.

Творцам химического синтеза,
Ребятам,
распахавшим степь,
Питомцам МГУ и ГИТИСа —
Всем нужен хлеб,
всем нужен хлеб.

Пусть он теряет роль насущного,
Я восхищаюсь вновь зерном —
Объектом поиска научного
И тайной,
заключенной в нем.

И чем бы там врачи ни пичкали,
Все по сравненью с ним — пустяк.
Я знаю:
хлеб российской выпечки
Разломит на Луне земляк.

Н. БЫКОВ

УРОЖАЙ «ПОБЕДЫ»

Великую трудовую победу одержали хлеборобы Российской Федерации. Небывалое количество зерна засыпано в закрома государства. Только Кубань продала 152 миллиона пудов. В этот золотой поток влилось и зерно, выращенное на полях колхоза «Победа», Усть-Лабинского производственного управления, Краснодарского края.

Корреспондент журнала «Огонек» связался по телефону с председателем этого колхоза Виктором Александровичем Уваровым.

— Здравствуйте, Виктор Александрович, поздравляем вас с успехом!

— Спасибо, москвичи,— отвечает Уваров.

— Расскажите, пожалуйста, о своем хозяйстве.

— В среднем мы получили по тридцать девять центнеров озимой пшеницы с каждого гектара,— говорит председатель колхоза.— А вторая комплексная бригада механизаторов, которой руководит коммунист Сергей Донченко, собрала со своих пятисот шестидесяти га еще больше — по сорок одному центнеру.

После мартовского пленума ЦК КПСС наши люди стали лучше работать. Ведь плоды трудов колхозника теперь учитывают не только по количеству и качеству продукции. Надо заранее прикинуть, во сколько нам самим обойдется эта продукция. Вот и старались работать производительно, заниматься теми культурами, которые выгодны для нашего хозяйства. Такая возможность теперь у колхозников есть. Ну и то, что с травопольной системой покончили, тоже помогло. Мы распахали те земли, которые раньше были под травами, и увеличили посевы зерновых. Пшеница выросла на славу. Но ведь даже очень хорошая пшеница в поле — это еще не урожай. Собрать хлеб надо быстро и без потерь.

В страдную пору впереди, как всегда, были наши коммунисты. Например, комбайнер Анатолий Мирошников за четыре дня сжал сто девяносто пять гектаров пшеницы. А обмолотил ее за пять дней. Отлично работали и другие комбайнеры.

Наши колхозники всем сердцем откликнулись на горячий призыв украинской звеньевой Надежды Григорьевны Заглады — «Дорожите честью хлебороба». Мы все волновались за судьбу урожая и старались работать как можно лучше.

Надеюсь,— сказал в заключение Виктор Александрович,— наш колхоз «Победа» и на будущий год добьется хорошего урожая. Мы уже давно закончили посев озимых, увеличили площади под зерновые культуры и бобы. В колхозе «Победа», как и в каждом хозяйстве, есть еще не использованные резервы, и мы сможем дать хлеба государству еще больше.

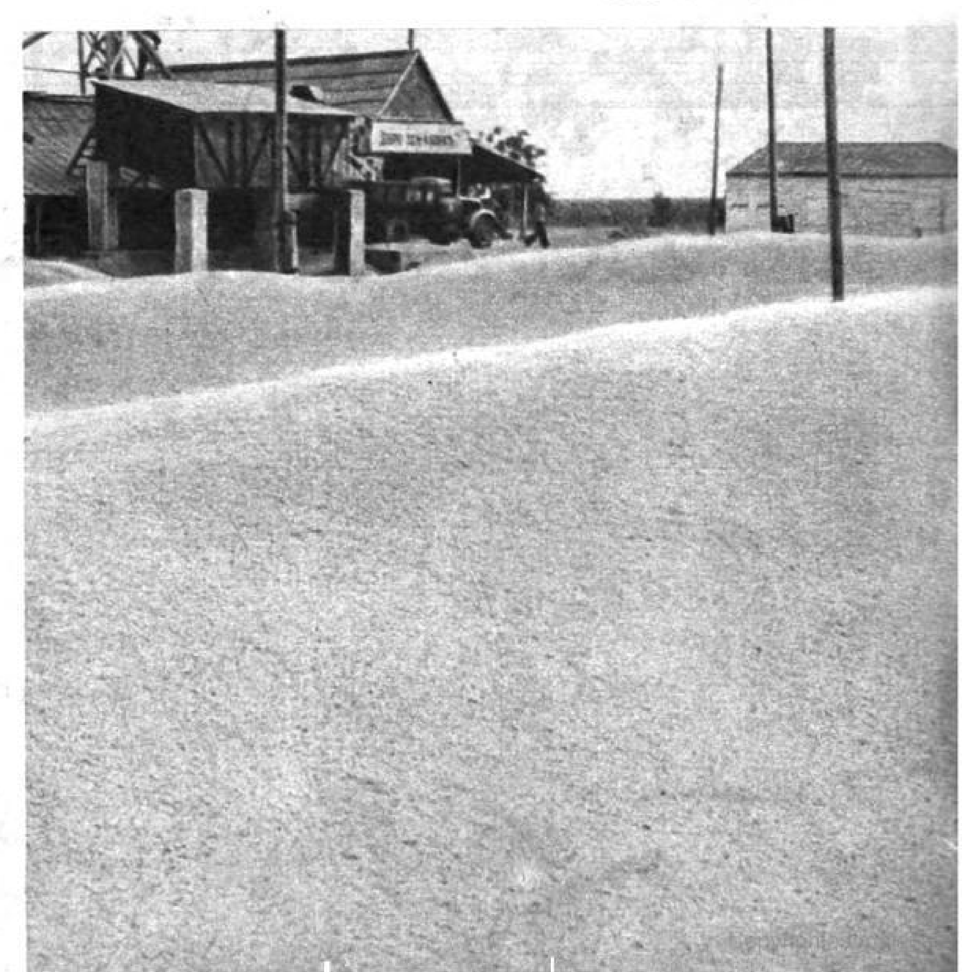
Шоферы совхоза «Волго-Дон», Городищенского района, Волгоградской области, А. Хопкин, В. Шевченко, И. Быков, К. Пак во время уборки обеспечили бесперебойную доставку зерна с совхозных полей до зернохранилищ.

Фото В. Кругликова.

На току колхоза «Победа» работает вторая бригада механизаторов, которой руководит Сергей Донченко, делегат XXII съезда КПСС.

Фото А. Носиченко.

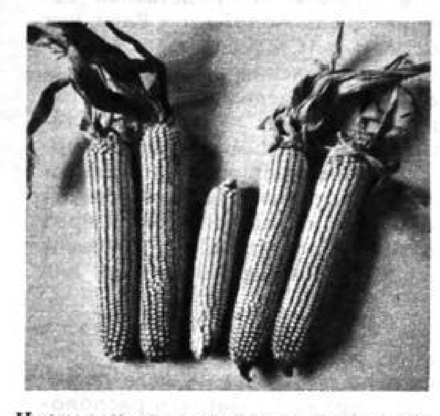
толе Родины.

от его вес!

Золото Албегова

Харитон Андреевич Албегов.
Фото С. Сукосяна.

Несколько лет назад в подарок редакции прислали початок (на снимке в центре). Он считался великолепным початком, лучшим образцом. А вот кукуруза, выращенная Харитоном Албеговым!

В рапорте Российской Федерации Центральному Комитету КПСС, Совету Министров СССР, товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву есть строки: «Звеньевой колхоза «Хумалаг» Северо-Осетинской АССР Герой Социалистического Труда Х. А. Албегов на 90 гектарах собрал по 115 центнеров кукурузного зерна с гектара».

А недавно в редакцию «Огонька» пришло письмо. Оно было не в конверте, а в ящике и весило несколько килограммов. Собственно, само письмо оказалось небольшим, зато «фактический материал» был внушительных размеров. А письмо... Вот оно.

Посылаю початки кукурузы, которую вырастил знаменитый кукурузовод Северной Осетии Харитон Андреевич Албегов. Это о нем сказал Никита Сергеевич Хрущев на совещании передовиков сельского хозяйства Северного Кавказа:

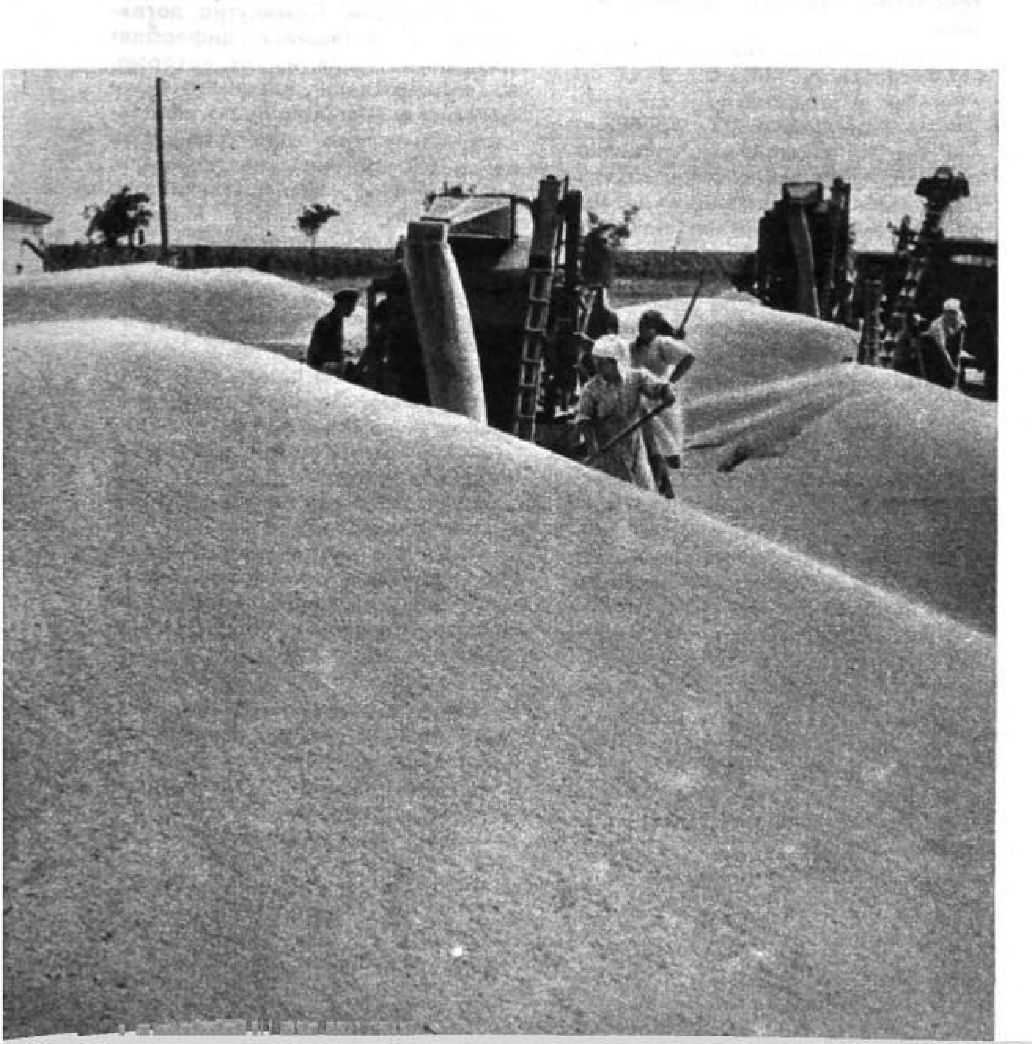
— Товарищи, посмотрите, какие початки, как трехдюймовый снаряд! Золото вырастил человек!

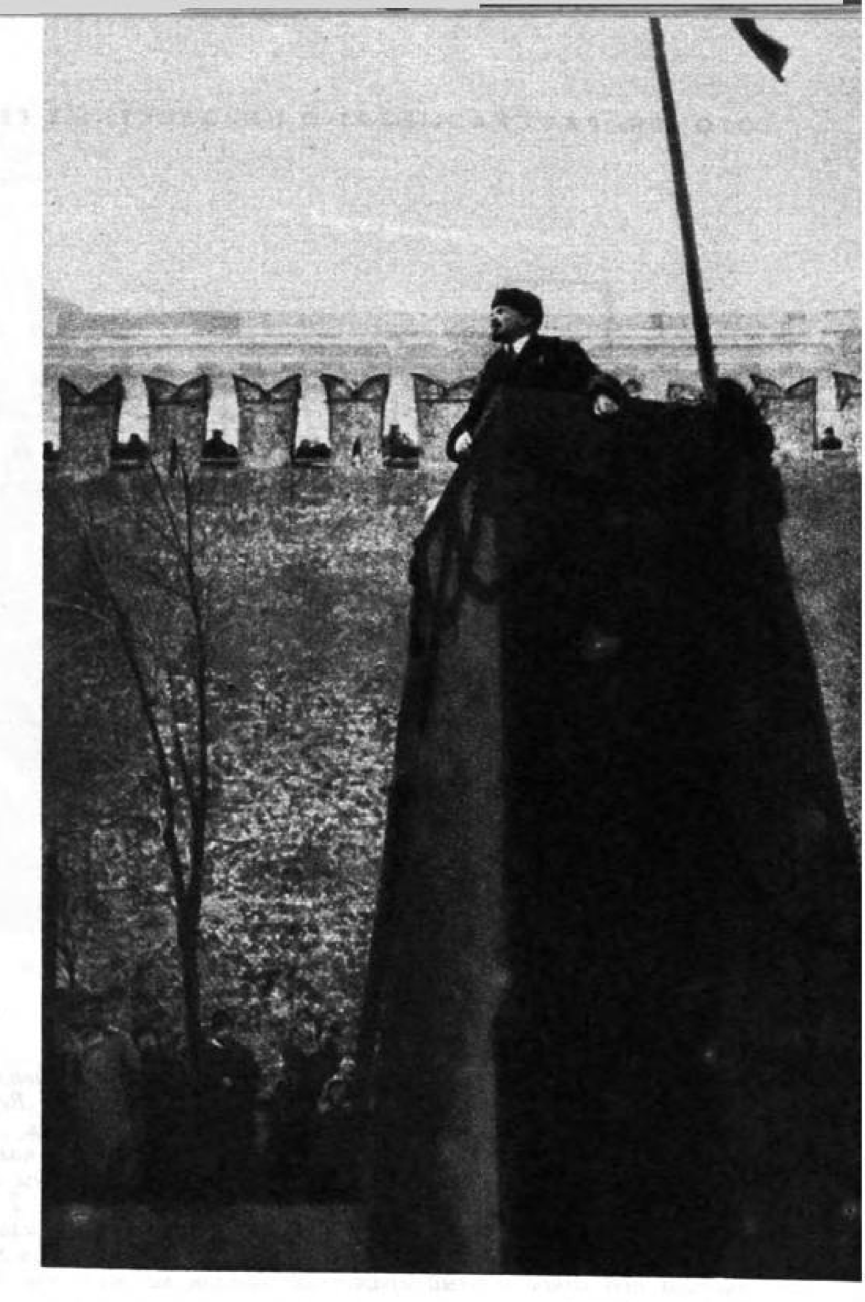
В 1960 году Харитон Албегов получил по 150 центнеров зерна кукурузы с каждого из 30 гектаров. На следующий год Харитон Андреевич вновь удивил своих земляков, да и не только их,— собрал по 165 центнеров с гектара. А гектаров было на этот раз 50!

Любо смотреть на его кукурузные поля. Не поле — лес настоящий. Шумят заросли чудесницы. Рассказывают, что в албеговских кукурузных джунглях однажды заблудилась группа школьников и кто-то предлагал даже вызвать вертолет. Не знаю точно, был ли такой случай на самом деле. Возможно, что был. В такой кукурузе заблудиться — дело нехитрое.

А початки опять как снаряды. Посылаю их вам, потому что на слово поверить трудно. Посмотрите сами.

В. ТЕРНОВОЙ

МОСКВА, 7 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

История этого снимка такова.

После злодейского покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 года по Москве пошла молва, что какой-то садовник, не назвавший себя, приносит больному Ильичу цветы.

Вскоре Ленин вновь приступил к работе, а в его квартире по-прежнему появлялись свежие цветы: осенью — хризантемы, зимой — сирень.

Позже удалось узнать имя этого садовода, а совсем недавно, будучи в Ташкенте, я познакомился с ним. Александр Семенович Суетенко живет в домике, который густо, по самую крышу, зарос виноградом. Дверь мне открыл сам хозяин. Ему семьдесят шесть лет, но он бодр, очень приветлив. У Александра Семеновича отличная память.

В 1918 году Владимир Ильич поручил А. В. Луначарскому заняться монументальной пропагандой: в Москве и Петрограде приступить к сооружению пусть пока временных, даже из гипса, памятников великим революционерам, деятелям науки и культуры, чтобы торжественно открыть их в первую годовщину Советской власти. В эти дни агроном Суетенко решил, что раз рабочий класс взял власть в свои руки, то нужно украшать столицу, и поступил на службу в Моссовет. Александр Семенович растил в Москве деревья и цветы. По его инициативе на сквере перед Большим театром были посажены декоративные яблони; некоторые из них Суетенко сажал сам. Теперь эти большие, разросшиеся деревья радуют каждую весну прохожих своим чудесным нарядом.

— Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет...— улыбается Александр Семенович.

А потом он рассказал нам, как участвовал в праздновании первой годовщины Октября в Москве, как на Красной площади фотографировал своим «кодаком» В. И. Ленина.

— Да, знаете ли,— спохватился Суетенко,— у меня с того памятного дня сохранился один негатив, на котором изображен Ленин на трибуне.

И Александр Семенович передал мне тронутый временем маленький негатив с пометкой красными чернилами: «Москва, 1918—7—XI, Ленин». На негативе отчетливо видно, как, положив обе руки на трибуну, Владимир Ильич произносит речь.

На Красной площади, открывая мемориальную доску борцам Октябрьской революции, Владимир Ильич закончил свою речь вдохновенными словами: «Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг—«победа или смерть».

Сегодня, спустя сорок четыре года, великие слова Ленина вдохновляют в борьбе революционную Кубу.

Негатив, полученный от А. С. Суетенко, передан нами в Институт марксизма-ленинизма.

П. ЧУМАК

На снимке: В. И. Ленин на Красной площади 7 ноября 1918 года.

Фото А. Суетенко.

пять

Вл. ПАВЛОВ

Я получил письмо из села Маневичи: меня разыскивал отец моего друга Коли Слупачека, погибшего в годы Великой Отечественной войны, Ульян Ермолаевич Слупачек.

Коля Слупачек пришел в соединение, которым командовал прославленный партизанский генерал, дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров, 7 июня 1943 года. Я точно запомнил эту дату: в ту ночь в полукилометре от входного семафора станции Маневичи наша диверсионная группа пустила под откос первый вражеский эшелон на железной дороге Ковель — Сарны.

К железной дороге нас вел Коля Слупачек.

Встречаются люди, облик которых запоминается с первого взгляда на всю жизнь. Таким был Николай, которого я и мои товарищи подрывники чаще всего называли по-украински — Мыколой. Мне трудно сказать, чем именно он запоминался. Был он самым обыкновенным селянским хлопцем — невысоким, но плотным, чуть сутуловатым. Лицо его с некрупными правильными чертами тоже не выделялось ничем особенным. Пожалуй, только взгляд, пристальный, при всех обстоятельствах спокойный и невозмутимый, взгляд серых холодноватых глаз выделял его среди других и надолго западал в душу.

Многое всколыхнулось в памяти, когда я получил письмо Ульяна Ермолаевича Слупачека.

Я вспомнил Мыколу и других моих товарищей партизан и подпольщиков села Маневичи, в районе которого моей группе пришлось действовать с 7 июня 1943 года почти до самого соединения с фронтом. Вспомнил ночи, проведенные под кровом гостеприимных мазанок этого села, заботливые руки хозяек, расставлявших перед нами, голодными и усталыми, горячую картошку, настороженные лица мужчин, вздрагивавших, как и мы, от всякого шума, доносившегося снаружи...

Замечательное это село известно своими давними революционными традициями. Здесь и сейчас на центральной сельской площади стоит памятник участникам первомайской демонстрации 1931 года, расстрелянной жандармерией панской Польши.

Многие из пятидесяти двух человек, приговоренных за участие в этой демонстрации к тюремному заключению, были освобождены из Ковельской тюрьмы частями Советской Армии в памятном сентябре 1939 года, а в годы гитлеровской оккупации стали активными членами маневичского подполья.

С приходом в район села Маневичи подпольного Волынского обкома КПУ (май 1943 года) организовалась нелегальная комсомольская ячейка, которую возглавил молодой житель этого села Адам Ружицкий. Эта ячейка имела разветвленную сеть своих членов среди украинцев и поляков — жителей хутора Конинск и пристанционного местечка Маневичи, хутора Лоша, села Карасина.

Возникла в селе и «взрослая» подпольная организация во главе с участниками первомайской демонстрации 1931 года Василием Семеновичем Савчуком и его женой Дарьей Ивановной Савчук, известной среди партизанских разведчиков под кличкой Галка.

Я отыскал в архивах кинохроники среди четырех с половиной тысяч снимков, сделанных «партизанским» кинооператором Михаилом Глидером во вражеском тылу, фотографию Мыколы Слупачека и поехал в Маневичи.

В результате поездки и родились эти записки, не претендующие, разумеется, на какую бы то ни было полноту, а рассказывающие лишь несколько эпизодов из жизни маневичского подпольщика Адама Ружицкого.

1. АДАМ

— Вот он,— по обыкновению лаконично доложил Мыкола.— Привел.

Передо мной стоял тонкий невысокий хлопец лет двадцати, с чистым, красивым лицом и доверчиво смотрел на меня большими, по-детски ясными голубыми глазами.

Весь его облик — потрепанная домотканая серая свитка, потемневшая от дождя, неуклюжие сапоги-вытяжки, мятая фуражка со сломанным козырьком — никак не подходил разведчику.

«Неужели это он и есть?» — подумал я.

Неделю тому назад, перед самым выходом из лагеря, начальник разведки Илья Петрович Самарченко отозвал меня в сторону и сказал:

— Если не сумеешь повидаться со Стефой, найди в Маневичах Адама Ружицкого. Пусть он сходит.

К Валу мы подходили три вечера кряду. Но всякий раз еще с опушки видели: к Стефиному сараю прислонен длинный березовый шест. Это значило: на хуторе враг.

— Можно у вас хлеба купить? — спросил я.

— Хлиба нема. Але ж соли, як що желаете — будьте ласка.

Пароль, который назвал мне Самарченко, Адам знал.

— На Вал сходить можешь?

— А що ж. Схожу, коли треба.

— Стефу знаешь?

Адам молча кивнул. Я почему-то почувствовал раздражение.

— Говори толком: знаешь или нет?

— Стефу? Чому ни? Знаю!

Я вытащил из-под лавки, на которой сидел, плетеную корзинку. На дне ее под слоем сухой черники лежали термитные шашки — два серых, отливающих металлическим блеском цилиндра.

— Вот. Надо передать Стефе,— сказал я, извлекая шашки.— Знаешь, что за штуковина?

По лицу Адама пробежала и тут же исчезла легкая усмешка. Лицо его изменилось — стало сосредоточенным, суровым, даже хмурым.

— Це, мабуть, термитны шашки? — сказал он.— Так?..

— Так. А это что?

— А це запальна трубка,— все так же спокойно и серьезно отвечал Адам.— Вот сюда набита бертолетова соль с сахаром. А вот в цей ампуле сирчана кислота. Треба раздавить да кинуть... Верно?

— Гхм! Верно! — не сразу нашелся я, сраженный его осведомленностью.— Значит, сумеешь передать?

— Спробую.— Адам вновь улыбнулся.— Да вы не хвилюйтесь. Все зробим.

Мы вышли во двор. Тьма стояла кромешная. В воздухе — ни единого дуновения. Издалека, со станции, доносился чуть слышный лязг буферов и тонкие гудки маневрового паровоза.

Я нащупал в темноте плечо Адама.

— Жду тебя к утру. Смотри, осторожно,— сказал я шепотом.— У нас пароль на сегодня — пять. Знаешь, как пользоваться?

— Знаю: спросят три — отвечай два, спросят один — отвечай четыре... Так?

— Ну, двигай!..

Я почувствовал, как плечо Адама вдруг выскользнуло из-под моей руки. Но сколько я ни вслушивался, так и не услышал ни единого шороха. Адам исчез, беззвучно растворился в непроницаемой мгле полесской ночи.

Я постоял еще немного, ощущая, как по лицу медленно скатываются холодные капли изморози, и вошел в дом. Тусклый свет каганца, в котором вместо керосина горел красноватым коптящим пламенем бараний лой, освещал подрывников, спящих на расстеленной по полу соломе.

В углу Мыкола, ожидая меня, строгал ножом палочку. На печи, свесив вниз ноги в серых холщовых подштанниках, шевелил босыми ступнями Григорий Швец — хозяин дома и наш партизанский связной.

— Что ж вы не спите, дядько Гриц?

— А!.. Не спится щось. Сам знаешь, мой хутор — к станции ближний.

— Какой черт сунется в такую ночь!

— Так-то оно так... Але ж все ж таки!..

— Ничего не буде, дядько Гриц. Ложитесь спить,— вмешался Мыкола.— Командиру тоже треба отдохнуть.

Я вытянулся на кровати. Гриц задул каганец. Рядом со мной улегся Мыкола.

Не спалось. Я представлял себе, как Адам подойдет к Валу, как постучит в Стефино окно условным партизанским стуком: два раза и потом после паузы еще три, шепотом скажет пароль. Как Стефа выйдет, возьмет у него корзину и передаст записку, в которой зашифрованы данные о передвижении немецких войск через разъезд Трояновка, и прибавит еще несколько коротких слов для меня...

На всю операцию потребуется самое большее минут пять, если никто не помешает. А если помешает? Черт его знает, кто расположился на хуторе! Сколько еще надо ждать, пока все станет ясным!

Я напряженно вслушивался, не идет ли Адам. Поминутно поглядывал на светящийся циферблат трофейных часов, из тех, которые, как утверждали пленные, были сделаны в Швейцарии по спецзаказу Гиммлера для офицеров войск СС. Но часы не помогали, время ползло черепашьим шагом.

На полу завозился Мыкола, вздохнул, высморкался.

— Ты спишь, Мыкола?

— Ни. А що?

— Ты давно знаешь Адама Ружицкого?

— А как же! В одном селе росли. Дружим. За одной дивчиной залыцалися, если правду сказать.

— Ну и что? Как он, ничего парень? Не подведет?

Я услышал, как Мыкола тихонько засмеялся.

— Да що ты, друже! Разве ж Илья Петрович ненадежную людыну пошлет на такое дело! Да ты знаешь, хто вин — Адам Ружицкий?

— Кто?

— Вин же секретарь подпольной комсомольской ячейки! Нашей, маневицкой!

В сенях раздались тихие шаги, скрипнула дверь.

— Кто тут? — шепотом спросил я.

— Я, Антропов. За сменой пришел.
— Никто не появлялся?
— Нет... Дождь вот идет. Больше никого. А ну вставай, Поляков! Время заступать. Слышь?
На полу кто-то завозился, зашептал обиженной сонной скороговоркой. Тихонько лязгнуло оружие.
— Давай, Яшка. Пора! — повторил Антропов.
Слышно было, как Поляков поднялся наконец, громко зевнул, зашагал к выходу.
Я опять посмотрел на часы.
Стрелки подходили к четырем.
...Я встал и вышел на улицу. Дождь перестал. Чуть приметно посветлело. Можно было различить смутные очертания кустов и за ними — черную, как тушь, полосу леса. Чавкала грязь под ногами часового.
Вдруг над лесом взошла и тут же закатилась крохотная зеленая звездочка. Донесся сухой щелчок ракетницы. В той же стороне всплыл, изогнулся, рассыпался рой медленных, на вид невинных светящихся пчелок. Издалека дробно простучала очередь.
Что это? Обычная для укрепления собственного духа стрельба охраны на железной дороге? А может, по Адаму?.. Может быть, эта самая очередь уже догнала и свалила его? Может, Стефа...
Я стащил с плеча автомат.
Раздалась еще одна очередь. Потом еще — ближе. Стрельба разгоралась. Над лесом поднялись одна за другой целых три ракеты — уже не зеленые, сигнальные, а белые, осветительные. Рванула мина. Хрипло кашлянул ротный миномет.
— Поднимай людей, Поляков! Живо!.. В ружье!..
Но объявлять тревогу уже не было надобности. В хате затопали, заговорили приглушенными голосами, захлопали дверьми. Один за другим подрывники выскакивали наружу.
— Где стреляют? — спросил я Мыколу.— На Валу?
Мыкола прислушался.
— Сдается, ближе. Где-то на шляху!..
«Что делать?—стучало у меня в голове.— Бежать навстречу Адаму? Наверняка напоремся!.. Ждать здесь? Тоже нельзя!» В этот момент от кустов отделился чей-то темный силуэт.
— Стой!
— Хлопцы, не стреляйте! Це я, Ружицкий! — донеслось в ответ.
У меня свалилась с плеч гора. Я бросился к Адаму, не дожидаясь, пока он подойдет.
— Ну что? Стефу видел? Отдал? Да говори ж ты наконец!..
— Бачил!.. Отдал!.. Да обождите вы, дайте хучь передохнуть!
— А стреляли-то по тебе? Кто стрелял?
— А засада! Полицаи и немцы засаду на шляху сделали, а я в нее не попал! Ось воны и гниваются!

Через неделю в селе Серхов наша группа встретилась с разведчиками, которые возвращались откуда-то из-под Повурска.
— Ну, слышал? — спросил меня Самарченко.— Вчера вечером в Ковеле был пожар. На станции. Чуть не всю ночь полыхало.
— Кто поджег?
— Не догадываешься? Те самые термитные шашки, что Адам передал Стефе. А ты-то, небось, мучался: донесет или не донесет? Говори, мучался?
Я промолчал.
...Всем запасам, в том числе и неприкосновенным, рано или поздно наступает конец.
К осени сорок третьего кончился и наш «диверсионный хлеб» — тол.
С самого дна вещевых мешков были извлечены припрятанные каждым уважающим себя подрывником «на черный день» толовые шашки, от которых лежащие рядом хлеб и сало делались горькими, как хина.
Остатки тола делили, как сахар, на кучки: поворачивали одного из подрывников носом к стене, чтоб ничего не видел, а другой указывал на кучки пальцем и кричал:
— Кому?
Изобретались способы устраивать крушения вражеских эшелонов с малым количеством тола и даже совсем без него — с помощью дубовых и стальных клиньев, привязываемых поверх головки рельса.
Диверсионные командиры ходили по соседним отрядам «позычать в долг» и выменивать взрывчатку, обещая за нее что угодно, вплоть до автоматных патронов, которые ценились у партизан на вес золота и в иных случаях служили деньгами.
Наш «главный сибиряк» Васька Кузнецов, по прозвищу Чалдон, организовал нечто вроде специальной команды по откапыванию невзорвавшихся немецких бомб и выплавке из них тола. Как только гитлеровские самолеты начинали бомбить какое-нибудь окрестное село, Чалдон и его команда на рысях мчались в него и, не дожидаясь конца бомбежки, принимались за дело.
Но все это помогало слабо.
Взрывы партизанских мин на железной дороге гремели все реже. Движение немецких поездов нарастало с каждым днем. А долгожданные самолеты, которые вот-вот должны были доставить взрывчатку с Большой земли, все не прилетали: мешала погода.
Илья Петрович Самарченко, который все наши подрывные дела принимал близко к сердцу, то и дело с тяжелым вздохом говорил:
— Вчера на Сарны опять прошел состав. Танки! Тридцать две платформы с «тиграми»!.. Неужели ничего не придумаете?
Но мы только руками разводили.
...Однажды в мой шалаш, сделанный из коры и веток, пригибаясь, влез Мыкола, выдержал многозначительную паузу и сказал:
— Кажись, я нашел одно местечко...
— Какое местечко?
— А такое... Где тол добыть можно.
Я так и подскочил от неожиданности.
— Где нашел? Веди меня туда сейчас же!..
— Не, командир, це дело непростое. На то место всех не пускают... Ты дай нам две фурманки. От и все, що треба.
— Кому это нам?
— Та нам же ж — мени та Адаму!
— Что ж,— подумав, согласился я.— Бери, Мыкола, две фурманки и действуй...
Через день, к вечеру, две фурманки, чуть не доверху нагруженные минами от восьмидесятидвухмиллиметровых минометов, с трудом влекомые каждая парой лошадей, были доставлены в наш диверсионный лагерь неподалеку от села Серхов.
В лагере царило небывалое оживление. Два дня подряд все мы питались всухомятку: в суповых ведрах, в которых обычно готовился наш нехитрый партизанский обед, теперь варились мины. Тол, выплавленный из них, шел на изготовление зарядов, с которыми из лагеря одна за другой уходили на железную дорогу диверсионные группы.
Теперь на железке днем и ночью гремели взрывы.
Разведка приносила радостные вести. В ее донесениях значились сваленные под откос паровозы, вагоны, разбитые взрывами военные грузовики, танки, бронетранспортеры.
Это было самым главным, самым важным в то время, и мне просто не пришло в голову долго расспрашивать, как именно были добыты мины. Лишь много месяцев спустя, после гибели Мыколы, я узнал подробности этой поистине героической операции.
...В почтовом ящике — под корнями старой березы, что росла неподалеку от глухого лесного проселка, который соединял хуторок Лоша со станцией Маневичи,— кроме обычного шифрованного разведдонесения, Адам нашел записку. В ней стояло: «Нужна встреча. Ясень».
Утром следующего дня Адам, одетый в свою обычную форму — в серую свитку, обутый в гумовцы — лапти из автопокрышек,— с веревкой в руке отправился в Лошу.
Около хаты, что стояла у самой железной дороги, рядом с укрепленной мощным бревенчатым тыном будкой охраны, Адам остановился, постучал в окно. Возле будки, в тени развесистого осокоря, три немца сосредоточенно резались в карты. Четвертый сидел рядом, прислонясь к тыну, и наигрывал на губной гармонике какую-то грустную незнакомую песенку.
На стук из хаты вышел невысокий широкоплечий черноволосый хлопец. Это был член комсомольской ячейки Юхим Романович, по кличке Ясень.
— Заходь, Адам! — вполголоса сказал он, тревожно поглядывая на немцев.— Чого воны тут расселись?
— Если спросят, корову шукать иду,— торопливо, скороговоркой прошептал Адам, усаживаясь на стол.— Черную, с белой лысиной та со сломанным рогом. Зрозумыло?.. Ну так слушаю, Юхиме.
— Возле Оконьска,— заговорил Юхим,— в лесу бульбаши собрали минометные мины и снаряды. Целый склад взрывчатки! Черевашский переезд знаешь?
— Ну?
— В лесу по дороге на Оконьск у просеки растет дуб. На нем затеска. По просеке пройдешь с пол-

Партизанский лагерь. На первом плане — Николай Слупачек.
Фото М. Глидера.

километра, и у квартального столба — направо. Там побачишь велику кучу гиляк. То и есть... Найдешь?

— Найдем. Не я, так другой. А охраны нема?

— Яка там охрана! Нема там никого!..

— Ну, добре. Спасибо, Юхим. Пора!..

Адам вышел из хаты и медленно, чтоб не привлечь внимания немцев, побрел по дороге в лес.

...Две фурманки, нагруженные сеном, подпрыгивая и громыхая, катились по дороге. Под сеном, привязанная к передку на каждой фурманке, была спрятана граната-лимонка. От ее чеки тянулась тоненькая, едва приметная бечевка: на всякий случай, если потребуется, не доставая, взорвать гранату.

А внешне эти фурманки, на которых сидели два самых обыкновенных селянских хлопца в широкополых соломенных брылях, ничем не отличались от многих других, которые ехали в тот день в Оконьск.

Впереди показался переезд. У черно-белого полосатого шлагбаума толпились немцы и полицаи, ощупывая каждую фурманку подозрительными взглядами. По сторонам переезда мрачно темнели амбразуры дотов, из которых на проезжающих в упор смотрели круглые пулеметные зрачки.

Фурманки с хлопцами прогрохотали на рельсах между рядами солдат и неторопливо скатились вниз с противоположной стороны.

— Чуешь, Адам? — сказал тот хлопец, что ехал позади, когда переезд скрылся за поворотом.— Пронесло!..

— Годи, Мыколо, радоваться,— откликнулся Адам. — Все еще впереди!..

Но вот и просека. Дуб с затеской. Пора сворачивать в лес. На просеке ехать стало труднее: фурманки подскакивали на узловатых корнях, пересекавших чуть приметную в густой поросли колею, то и дело проваливались в колдобины, трещали, раскачивались.

У свежезабитого квартального столбика друзья свернули в лес и остановились между деревьями.

— Десь тут! — негромко сказал Адам.

Стараясь не шуметь, прислушиваясь, приглядываясь, Мыкола и Адам углубились в чащу. Под ногами чуть слышно хлюпал сырой мох, скрадывал шаги. Болотные испарения поднимались кверху, путаясь в поникших ветвях берез.

Кругом было тихо-тихо, но в тишине чудилась смертельная угроза. Казалось, сам воздух сгустился и напрягся и вот-вот прорвется страшным окриком «Хальт!» и выстрелом, раскатистой очередью.

Слабый шум ветра в вершинах деревьев, доносившийся время от времени, еще более нагнетал тревогу.

Вдруг Мыкола схватил Адама за руку.

Впереди темнела высокая куча. Адам и Мыкола бросились к ней, раздвинули беспорядочно наваленные ветви. Тускло блеснули потемневшие от времени стальные сигары... Склад!

Фурманки подвели поближе, развернули, выровняли на дне сено и поверх него вплотную одна к другой начали укладывать мины.

Грузить пришлось больше часа. Каждый шорох, малейший треск заставлял настораживаться и прерывать работу. Мины прикрыли сверху сеном, подоткнули с боков, чтоб сквозь сухие стебли нигде не блеснул металл, и двинулись в обратный путь.

По просеке теперь ехали медленно, коней вели под уздцы, прислушиваясь, не звякают ли мины, не стукают ли одна о другую. Перед тем, как выехать на дорогу, остановили фурманки, осмотрелись — никого.

— Ну, — проговорил Адам, — зараз наступает самое страшное... Едем.

И вот снова переезд.

Снова ощупывающие, настороженные взгляды солдат. Снова черные равнодушные рыльца пулеметов, из которых в любое мгновение может вырваться огонь.

Казалось, никогда не будет конца этим сорока пяти метрам: двадцать — вверх по вымощенной булыжником насыпи к шлагбауму, пять — через пути по деревянному настилу и двадцать — вниз, прочь, к лесу...

Адам уже набрал в легкие воздух, чтоб облегченно вздохнуть, как вдруг сзади раздался окрик:

— Хальт!

Адам похолодел. Внутри у него все замерло.

«Ось воно! Попали!»

Рука его судорожно сжала бечевку, идущую к чеке гранаты. Одеревеневшими губами он произнес «тпрру» и обернулся. К фурманке Мыколы, громыхая коваными сапогами по булыжнику, бежал немец с автоматом наперевес.

Осторожно, чтоб не привлечь внимания, Адам начал подтягивать бечевку. Он уже не испытывал страха. Наоборот, какое-то злорадное чувство теснилось у него в груди. Что ж с того, что они погибнут: стоит рвануть бечевку — и от этих солдат, от дотов, от переезда ничего не останется!..

Немец догнал Мыколу, схватился за край фурманки и скороговоркой зачастил:

— Пан млеко, пан яйки, пан шпек... Иметь? Одер нихт?

Мыкола неторопливо пошарил в сене позади себя, вытащил холщовую торбу, достал из нее увесистый шмат сала, подбросил его в руке, прищурился:

— Пан цигарку имеет? Есть, кажу, закурить?.. Зрозумыло?

Он сунул в рот палец, пососал губами.

— О, о! Гут цигареттен! Яволь! Иметь!..

Зажав автомат под мышкой, немец достал из кармана распечатанную пачку сигарет, передал ее Мыколе и почти вырвал у него из рук сало.

— Млеко?

— Ось бери еще пару яиц, и усе. Больши нема ничого... И иды ты от мене к бису!..

Последние слова Мыкола произнес вполголоса.

Немец кивнул головой и ухмыльнулся.

— Гут!

— Вье! — крикнул Мыкола, хлестнув коней.

«Ну, счастлив ты, герман! — подумал Адам, разбирая вожжи.— У сорочци родився...»

...В лесу, километрах в двух от переезда, друзья остановились перевести дух. Близился вечер, из чащи потянуло холодком.

Мыкола натаскал в сторонку кучу сухого валежника, зажег, снял с фурманки мину и сунул ее в костер.

— Тикай! — крикнул он, вскакивая на фурманку.

Не успели они отъехать и двадцати шагов, как сзади ахнул и раскатился гулким эхом взрыв.

— Ты що?! — крикнул Адам.— З глузду зъихав? Що ты робишь?

— Чудак! — засмеялся Мыкола.— Це ж салют! Хай нимци слухают и знають про то, що у нас есть взрывчатка!..

Словно в подтверждение его слов, со стороны переезда донеслись пулеметные очереди...

2. ЛЮБОВЬ

Хрупкая девушка стоит ко мне спиной и переливает молоко из подойника в глечик.

Я вижу ее обнаженные руки, толстую косу, отливающую медью при свете каганца, и маленькие босые ступни, облепленные грязью.

— Ярыно! — доносится из соседней комнаты голос тети Даши.— Ярыно! А ну ходи, допоможи мени!..

— Зараз, мамо!

Ирина поворачивается, наливает в кружку молока, молча ставит ее передо мной и выходит. Ирина очень красива.

Я почему-то смотрю вниз, на свои зеленые с крупными черными цветами штаны, неуклюже скроенные из одеяла партизанским портным, и вздыхаю.

...С опаской зашли мы на этот раз в Маневичи. Не улицей, а огородами, стараясь не шуметь, добрались до хаты тети Даши. Пробудем мы у нее самое большее три часа.

Если б не крайняя нужда в эту ночь, я ни за что не зашел бы сюда.

На много километров вокруг, во всем междуречье от Стохода до Стыри, кроме нас, нет сейчас ни единого партизана. Крупные силы врага — целая немецкая дивизия, специально снятая с фронта, и особая гестаповская зондеркоманда,— подкрепленные частями тяжелой артиллерии, танков и кавалерией, недели две назад начали наступление на этот район, и наше партизанское соединение вместе с другими отрядами после многодневных неравных боев вынуждено уйти за Стырь.

Осталась только наша группка — полтора десятка подрывников,— для того, чтобы ввести противника в заблуждение, убедить его, что партизаны не ушли, а главное, для того, чтобы ставить мины на железной дороге.

Все эти дни провели мы на ногах, почти без отдыха, меж немецкими цепями, то и дело прочесывавшими лес, отбиваясь от засад на лесных тропках и просеках и от патрулей на дорогах...

Мы донельзя устали и изголодались и с трудом передвигали ноги по болотистой, раскисшей от дождей почве. И все-таки мы ни за что не зашли бы в Маневичи, к тете Даше, под самый нос гитлеровцам, и остановились бы отдохнуть в лесу, если б не крайняя нужда: на станцию в эту ночь надо было во что бы то ни стало послать надежного человека.

Промокшие до нитки, еле держащиеся на ногах, подрывники не дождались ужина, расположились прямо на полу и на печке и уже спят тяжелым сном смертельно усталых людей, вздрагивая и пришептывая.

Без шума отворяется дверь, и входит Адам. Из соседней комнаты выглядывает Ирина. С тревогой, будто желая о чем-то спросить, смотрит она на Адама, переводит взгляд на меня, но, так и не сказав ни одного слова, скрывается.

— Надо сходить на станцию, Адам,— говорю я после короткой паузы.— Надо узнать, когда и в каком направлении отправляются каратели. Можешь?

— Як треба, так треба,— хмуро отвечает Адам. Лицо его сосредоточенно и спокойно. И только чуть приметные желвачки, вздрагивающие на скулах, выдают волнение.

Да я и сам понимаю: задание чревато смертельной опасностью. Но у нас нет другого выхода. Я испытываю то, что обычно испытывает человек, когда он посылает товарища на такое задание, на смертельный риск, да еще в темень, в холодную осеннюю ночь, а сам я могу остаться часок-другой в тепле, под крышей. Мне хочется что-нибудь сказать Адаму, не то подбодрить его, не то оправдаться, но я не нахожу слов и жду, когда он заговорит. Но Адам молчит, смотрит в пол.

— Ладно. Все,— первым нарушаю я молчание.— Иди. Перед рассветом ждем тебя у цигельни.

— Так...

— Запомни, перед рассветом. Успеешь?

— Так... Буду стараться...

Мне кажется, что Адам думает сейчас о другом. Я провожаю его взглядом к двери. Иду к лавке, чтобы смежить глаза на оставшееся время, как вдруг снаружи, со двора, доносится невнятный шепот. Я прихлопываю рукой красноватый прыгающий огонек каганца и откидываю одеяло, которым занавешено окно.

Когда глаза привыкают к темноте, я различаю два силуэта, нет, один силуэт двух человек, тесно прижавшихся друг к другу у стены. Это Адам и Ирина...

Мне почему-то вдруг становится очень грустно. Я понимаю, как тяжко девушке провожать любимого в путь, который, может статься, будет его последним путем. И все-таки я завидую Адаму, завидую тому, что сейчас он уйдет, согретый ее поцелуем, ощущение которого не смыть ни дождю, ни поту, и унесет с собой сладкие напутственные слова, предназначенные во всем мире только ему одному.

И я, кажется, ничего бы не пожалел, чтобы рядом со мной была в этот час вот такая же тоненькая и хрупкая девушка.

Я опускаю одеяло и ложусь. Через минуту в хату входит Ирина. Я слышу, как она всхлипывает и как ее успокаивает мать тихим и нежным материнским воркованьем.

...Когда, спустя девятнадцать лет, я вышел из вагона на станции Маневичи, первые, кого я увидел, были Адам и Ирина и рядом с ними горластый, задорный, русоголовый хлопец лет семнадцати, застенчивая девушка и совсем еще маленькая девчушка, спрятавшаяся за мать...

И первым чувством, которое я испытал, ступив на платформу, была радость. Радость оттого, что эта в огне войны родившаяся любовь добралась до обетованной земли.

К. Максимов. КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ. Музей Революции СССР.

Г. Ряжский. ДЕЛЕГАТКА.

Государственная
Третьяковская галерея.

Джеймс ОЛДРИДЖ

Мой современник, советский человек

Мой сверстник в Советском Союзе — это человек, которому было четыре месяца, когда свершилась Октябрьская революция. Уже одно это говорит о том, что он целиком человек советского общества. Он только родился при старом строе, но рос и воспитывался при строе совершенно ином, и его человеческую судьбу определяли совершенно иные социальные ценности. Он человек качественно новый, с новым взглядом на мир, с новым будущим и тем не похож на человека предыдущих эпох.

— Но разве я действительно такой (или такая)? — спросит советский читатель (или читательница), пробежав глазами предыдущие строки.— Действительно ли во мне есть нечто особое, совершенно новое, подлинно революционное в смысле человеческих качеств?

— Да,— отвечу я моим советским сверстникам,— вы такие и есть, потому что не могли быть другими.

Если бы вы росли и воспитывались в обществе, где живем мы в течение этих сорока пяти лет, ваша жизнь и воззрения были бы, конечно, другими. Едва ли это нуждается в пояснениях. При капитализме человек — будь он рабочий, клерк или профессор — с самых юношеских лет втягивается в водоворот борьбы индивидуума против общества, и смысл этой борьбы один: выжить! Эта борьба незаметно, но неумолимо управляет всеми мыслями и действиями человека Запада. И тут не только борьба за элементарную сытость, за заработок, за человеческие условия быта: человек находится в состоянии неуверенности, страха за будущее, над ним постоянно висит угроза внезапного экономического уничтожения. «Надолго ли это? Сколько еще времени будет у меня работа и крыша над головой? И что будет, если я все это потеряю?». Ежедневно и ежечасно таится эта угроза под гладкой, лощеной поверхностью нашей жизни.

Если бы вы росли и воспитывались в нашем обществе, вас подстерегали бы и другие трудные проблемы. Ваши дети, например, испытывали бы тлетворное влияние среды, которая прививает молодежи пренебрежение к морали, к настоящим надеждам, насмехается над социальными идеалами и проповедует только одно: инстинкт самосохранения и удовлетворения своих личных потребностей. Вы видели бы в иных случаях, как ваши дети, юноши и девушки, стараются защитить себя от этого мира грубого насилия и морального разложения; а в других случаях — как они в этой борьбе за существование опускаются до эгоистического самодовольства, до утраты всяких черт человечности.

Может быть, вам покажется странным: я говорю не столько о том, какие вы есть, сколько о том, чем вы не являетесь. Но для меня это путь постижения самой сути советского человека: и того, что он **есть**, и того, чем он уже **не является** и, надеюсь, никогда **не будет.**

Ваше бремя — тяжелее, чем, может быть, вы думаете сами. На ваших плечах и сейчас лежит будущее человечества. И к этому будущему, в котором вы уже живете и которое сами совершенствуете,— для всего человечества лежит еще долгий и трудный путь, путь из оков прошлого — к свершению того, за что люди столетиями отдавали свои жизни. Это — путь от бесчестия к благородству, от фальшивых пророков и торжествующих обманщиков — к вдохновенной и неопровержимой правде.

Чувствуете ли вы все это?

Часто, бродя по улицам Москвы, я задавал себе вопрос: а что же вы, мои советские современники, думаете о себе, и не только как народ, но как отдельные человеческие существа? Кто-то в Англии сказал мне однажды: «Героизмом не прокормишься, на нем не выспишься». А вы — ощущаете ли вы величие вашего благородного долга перед человечеством в те простые часы, когда несете домой сумку с овощами или пару новых башмаков для сына? Думаете ли вы в эти минуты о героизме, которым наполнена ваша жизнь?

Мне кажется — едва ли. Нельзя все время ощущать себя героем. Но в последние годы я довольно много путешествовал, посетил разные уголки земли и многое понял в природе вашей сумки с овощами, вашей обновки для сына и вашего героизма. Я понял, иначе говоря, душу советского человека, готового сознательно, по велению сердца отложить в сторону некоторые личные мечты и желания — во имя того, чтобы создать полное изобилие для всего своего народа и помочь другим народам мира обрести это изобилие, завоевать человеческие условия существования.

Чем же отвечает вам на это наше капиталистическое общество?

Наши газеты, захлебываясь, вопят о выдуманном ими самими «советском империализме». Вас обвиняют в том, что вы чуть ли не отнимаете у ваших соседей и друзей все, что они имеют. Какая дикая ложь! Если в обмен на вашу большую и искреннюю помощь нуждающимся в ней народам вы получаете транспорт яблок, томатов или сахара, то в конечном счете это меньше, чем даете вы. В этом для вас нет того, что именуется у нас коммерческой выгодой. Ваше общество делает это по другой причине, из чувства неразрывной общности со всем огромным трудовым человечеством,— и вот почему вы и есть подлинный хребет истории, фундамент будущего. Это ваш гуманизм, подлинный гуманизм наступившей исторической эпохи.

* * *

В Советском Союзе думают и говорят в эти дни о гуманизме. У нас гуманизм — тоже излюбленная тема. Но как различно истолковывается это понятие!

В мир пришел новый гуманизм, неотделимый от коммунизма,— это гуманизм всечеловеческий, он уже побеждает и победит. Его нельзя смешивать с омертвевшими остатками того, что называют гуманизмом в нашем обществе,— с той «свободой человеческой личности», которая на деле есть самоутверждение индивидуума за счет общества, отрицание древней мечты о преобразовании и усовершенствовании этого общества.

Гуманизм, в подлинном его смысле,— органическое свойство советского человека. Вы всегда обладали им, потому что он основа, на которой построено советское общество, уничтожившее эксплуатацию человека человеком. Идея древнегреческой философии — человек есть мерило всех вещей — в конце концов и есть то, что вы проповедуете и проводите в жизнь в вашей культуре, народном образовании и науке. Я думаю, что это и есть настоящий гуманизм.

Да и в вашем обществе случалось однажды так, что на время человек перестал быть основным мерилом политики, но это уже миновало, это исправлено самим вашим обществом, и теперь снова обретена возможность ясно видеть, что есть советский человек и чем он должен быть.

Вам самим, я уверен, небезынтересны эти мысли «со стороны» о советском человеке. Позвольте же мне еще раз перевернуть формулу и сказать о том, чем он не должен быть, по моему мнению, и тем еще больше подчеркнуть положительный облик моего советского современника.

Советский человек не может и не должен быть эксплуататором, захватчиком, трусом; ему не к лицу быть слабовольным соглашателем в мыслях и воззрениях или, наоборот, упрямым до тиранства догматиком; и, конечно, ему не пристало быть внутренне неправдивым или чванливым, человеком без моральных принципов; он не может и не должен смешивать свою личную ценность, как человека, с потворством крайнему индивидуализму и эгоизму — иначе говоря, не должен думать прежде всего о себе, а уж потом о других.

Отсюда легко вывести, **что есть** советский человек, представитель рождающегося человечества и новой исторической эпохи. Чем характеризуется новый человек? Тем, что он перестал быть братоубийцей; перестал приобретать блага жизни за счет несчастья других; твердо решил, что человек должен жить и развиваться, окруженный красотой, созданной всем человечеством. **Этого** хочет и добивается советский человек, к этому устремлены его помыслы и труд.

Может быть, это идеальный образ советского человека? Возможно, но ведь идеал воплощается в жизнь, когда для этого создана прочная основа. И в советском обществе встречаются воры, грабители, ограниченные себялюбцы. Но я знаю одно: мы здесь, на Западе, видим в вас, советских людях, пример для себя. Когда мы замечаем, что у вас какие-либо трудности в той или другой области вашей культуры или вашего быта, мы еще пристальнее вглядываемся в вас, пристальнее, чем в какой-либо другой народ в истории, и напряженно следим за тем, как вы преодолеваете эти трудности. А преодолевать их так, чтобы не только удовлетворить потребность своего собственного народа, но и не оставить без помощи народы, удаленные от вас на тысячи миль и даже мало что знающие о вас,— о, это совсем не легкое дело!

На Западе хвастают: у нас-де много преимуществ по сравнению с советским человеком, у нас-де «свобода личности», «свобода выбора», «свобода суждения» и прочее. Это — одно из самых печальных заблуждений, прививаемых людям в нашем обществе. Все эти «свободы» ограничены у нас теми целями, которым они подчинены — целям эксплуатации большинства меньшинством. И нам и советским людям, возможно, следует многому учиться друг у друга; но, во всяком случае, не нашим «свободы» перенимать советскому человеку, те самые призрачные «свободы», которые, кстати сказать, определенные круги топчут сейчас ногами, как «ненужные», «устаревшие».

Я снова мысленно вглядываюсь в советского человека, который отдал столько сил, энергии, столько жизней за дело, безгранично более широкое, чем просторы его собственной родины. И я все время спрашиваю себя: **как вам удалось сделать все это!** Возможно, путь ваш теперь уже стал легче, потому что у вас столько друзей, столько союзников. Но даже, если это так, вы остаетесь великим примером для всех нас. Опыт строительства нового общества, который вы приобрели, должен стать и нашим опытом; ошибки, встречавшиеся на вашем пути, мы должны научиться не повторять.

Ваш гений, гений советского человека, исторически доказан. Если сегодня мы с нетерпением ждем полета ваших космонавтов на Луну, так это потому, что мы всем сердцем жаждем получить лишнее доказательство все тому же: вы люди будущего, вы такие, какими хотим быть все мы.

В. ГУКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

РАДИРУЕТ ВСЕ

Мы шагаем вдоль высокого берега Оки. Наша цель — строящийся неподалеку от Серпухова крупнейший в мире радиотелескоп Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР.

Издалека радиотелескоп можно принять за мачты огромной флотилии, дремлющей в гавани со спущенными парусами. А вблизи его мачты перестраиваются в гигантскую километровую арфу с бесчисленными, туго натянутыми стальными струнами. Со струн срываются мелодичные звуки — это играет осенний подмосковный ветер.

У подножия радиотелескопа мы встретили руководителей работ — заведующего лабораторией радиоастрономии Виктора Витольдовича Виткевича и главного конструктора Павла Дмитриевича Калачева.

С лица Виктора Витольдовича еще не сошел весенний загар, привезенный несколько дней назад из Австралии. Как известно, австралийские ученые приступили недавно к проектированию радиотелескопа крестообразного типа несколько меньшей площади. По их приглашению Виктор Витольдович посетил радиоастрономические центры Австралии, где участвовал в научных дискуссиях...

— Зачем сооружаются такие исполинские радиотелескопы? — обратились мы с вопросом к Виткевичу.

— Чем больше площадь радиотелескопа,— начал свой рассказ Виктор Витольдович,— тем выше его чувствительность. Площадь радиоглаза нашего телескопа — 80 тысяч квадратных метров, или 8 гектаров. Это позволит принимать ничтожнейшие радиосигналы из Космоса. О чувствительности радиотелескопа говорит тот факт, что он будет способен обнаруживать галактики или их скопления, которые совершенно не поддаются наблюдению при помощи крупнейших астрономических инструментов.

Условно мы называем наш радиотелескоп крестом. Дело в том, что он состоит не из одной антенны, а из двух. Первая вытянулась в виде поставленной на бок арфы с востока на запад, а вторая расположится на земле с севера на юг. Каждая из этих антенн рассматривает Космос словно в узенькую щель. А так как взаимное расположение антенн перпендикулярно, то щели, через которые приходят из Космоса радиоволны, пересекаются в небе наподобие знака +. Центр этого креста словно образует узкий коридор, по которому идут радиоволны из строго выбранной точки небосвода.

С увеличением размеров радиотелескопа оказывается возможным улучшить еще одно его важное качество — разрешающую способность. С этим явлением хорошо знакомы фотографы, стремящиеся получить максимально четкими мельчайшие детали изображения.

Строящийся в Советском Союзе крестообразный радиотелескоп обладает высокой разрешающей способностью. Например, если направить его на Солнце, то мы сможем исследовать солнечную поверхность приблизительно в 64 участках. С его помощью ученые надеются также более точно отделить друг от друга множество источников радиоизлучения во Вселенной.

* * *

Диапазон принимаемых волн радиотелескопа строго ограничен: от двух с половиной до десяти метров. Но это очень важный диапазон радиоволн. Прежде всего радиоволны этого диапазона пронизывают ионизированные слои нашей атмосферы без заметного поглощения или искажения их направления. Во-вторых, они несут ценную информацию. Например, о Солнце.

Рассматривая наше Солнце в обычный телескоп, астрономы наблюдают лишь поверхностный слой солнечного шара — фотосферу. Однако на жизнь планет большое влияние оказывают периферийные участки Солнца — хромосфера и особенно корона. Словно щупальца, вытягиваются из короны струи вырвавшейся солнечной плазмы. Потоки электронов и протонов, попадая в магнитное поле Земли, способны вызвать магнитные бури и разрушить устойчивое положение околоземных ионосферных слоев. В эти периоды на многих компасах мечутся магнитные стрелки, а радисты безуспешно пытаются наладить радиосвязь на коротких волнах. Так обычно бывает во время вспышек на Солнце.

Точный ответ о грозовом состоянии и поведении солнечной короны может дать только радиоастрономия. Ведь корона излучает как раз волны метрового диапазона. Замечательным является то, что радиоволна какой-то одной длины излучается лишь определенным слоем короны. Это обстоятельство широко используется в радиоастрономии. Настраивая приемник поочередно на разные волны, специалисты просматривают солнечную корону, словно луковицу, слой за слоем.

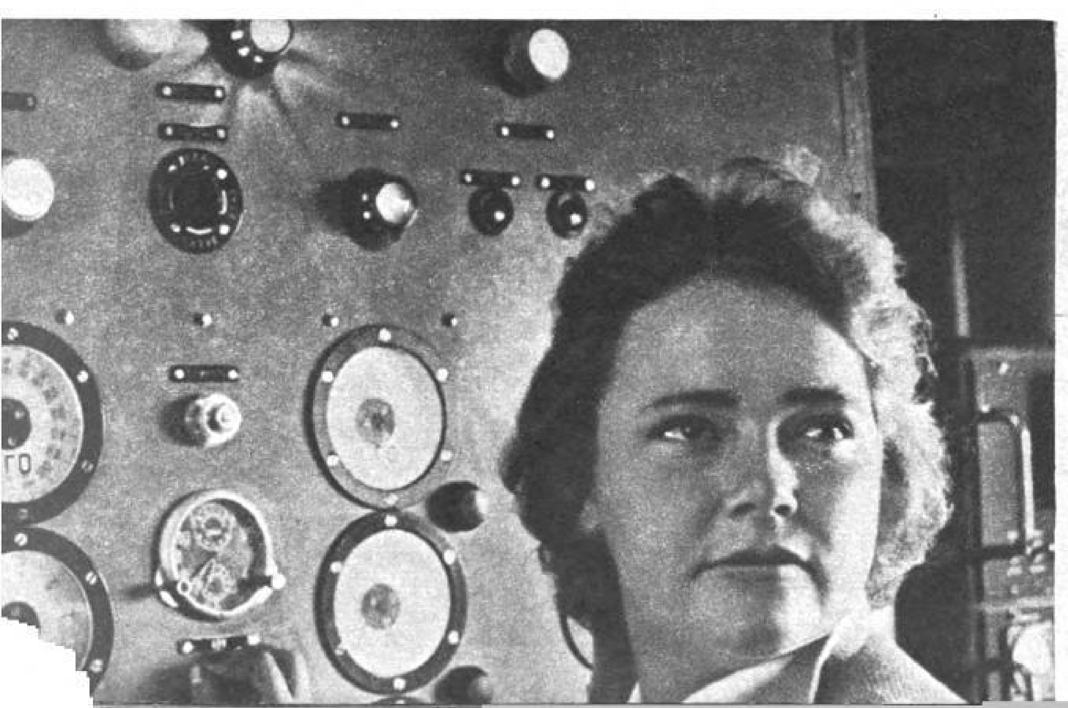
Оптическим средствам подобное исследование короны недоступно, за исключением периода солнечного затмения, когда корону можно наблюдать и фотографировать как бы в профиль. А радиоастрономы могут фотографировать Солнце в радиоволновом спектре анфас ежедневно. Причем совсем не обязательно чистое и безоблачное небо. Радиотелескопы одинаково хорошо работают и в ясные и в пасмурные дни.

Изучение и сравнение радиоизображения Солнца в различных слоях короны дает возможность ученым предвидеть целый ряд явлений на Земле.

Не так давно в Физическом институте имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР было открыто важное астрофизическое явление, имеющее непосредственное отношение к человеку. До этого открытия никто не предполагал, насколько активным является вмешательство самых внешних областей Солнца в жизнь планет солнечной системы, в том числе Земли.

Все околосолнечное пространство, распространяющееся сверх солнечной короны, так и называется сверхкороной. В оптические телескопы сверхкорона невидима. Но с помощью радиотелескопов ее можно обнаружить по ряду косвенных признаков. Один из них можно назвать просматриванием на просвет. Когда происходит сближение Солнца и какого-либо источника радиоволн, например, радиозвезды, то по своим видимым геометрическим размерам радиозвезда словно раздувается. Как объяснить это явление?..

Мы сами часто наблюдаем подобные случаи. Например, ночью мы смотрим на далекий свет маяка. И вдруг светящаяся точка его фонаря расплылась. Возник ореол, наконец просто расплывчатое световое пятно. Это значит: между наблюдателем и маяком появился туман или дым, рассеивающий световые лучи. А в случае с радиозвездой, просматриваемой на просвет через корону Солнца, оказались рассеянными ее радиовол-

Оператор Надежда Абросимова работает с радиотелескопами.

Здесь слушают Вселенную.

ны. Очевидно, на пути радиоволн появились плазменные потоки от Солнца.

Радиоастрономы обнаруживают сейчас влияние сверхкороны Солнца на расстояние свыше ста его радиусов. Если вспомнить, что расстояние Земли от Солнца равняется 215 солнечным радиусам, то можно представить, насколько важным является исследование сверхкороны Солнца.

С открытием плазмы в околосолнечном пространстве по-новому встала проблема космической связи. Недалеко время, когда от Земли в сторону ближайших планет уверенно протянутся космические магистрали «Земля — Луна», «Земля — Марс»... Но какими будут условия распространения радиоволн на этих магистралях? Не возникнут ли по вине Солнца препятствия в космической радиосвязи? Эти вопросы также войдут в сферу исследований на большом радиотелескопе Физического института,— так закончил свой рассказ Виктор Витольдович Виткевич.

* * *

По земле от антенн бегут змеевидные шланги. Они стекаются к передвижной лаборатории, где работает инженер Юрий Петрович Илясов. Прежде чем радиотелескоп устремит свое восьмигектарное око во Вселенную, инженер Илясов узнает все его особенности, тщательно откалибрует.

— Знаете, какой дальнобойностью он обладает?..— оборачивается к нам Илясов.— Почти десять миллиардов световых лет! Радиоволны эти возникли в то время, когда, по-видимому, еще не образовалась наша планета... Энергия космических радиоволн по сравнению с энергией самого маломощного земного передатчика — это капля рядом с океаном. А мы с помощью радиотелескопа способны эту драгоценную каплю поймать. Она расскажет, что происходит на удаленных от нашей Галактики полях Вселенной...

* * *

Невидимая сила манит нас опять к стальным мачтам километрового гиганта. В центре радиотелескопа на головокружительной высоте работает бригада монтажников. Сейчас завершается монтаж гирлянды изящных антеннок, помещенных в фокусе «зеркала».

— Эге-ге! В фокусе! Можно к вам?..

Наверху уже не услышишь мягких аккордов. Здесь провода антенн стонут, как снасти корабля во время шторма.

Вместе с нами поднимается главный конструктор Павел Дмитриевич Калачев — человек, вырастивший целую семью радиотелескопов.

— Когда будет закончен монтаж всего инструмента? — задаем мы вопрос Павлу Дмитриевичу.

В ответ он называет несколько организаций, с которыми радиоастрономы заключили договоры. Привычно поднимаясь по зигзагообразной пожарной лестнице, Калачев озабоченно заключает:

— Долг всех организаций, участвующих в его создании, и в первую очередь монтажных организаций,— в наикратчайший срок закончить его строительство.

На вершине сооружения, называемого вспомогательной башней, мы знакомимся с монтажниками — совсем молодыми пареньками. Стальные инструменты, прикрепленные к широким брезентовым поясам, делают их похожими на разведчиков в боевом задании. Бригада работает споро. Ее торопят Вселенная и мечты.

На целый километр растянулась антенна гигантского радиотелескопа.

ЛЕННАЯ

бесные радиомаршруты прокладывает научный сотрудник В. А. Удальцов

ПОСЛЕДНИЙ ФЕ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки И. УШАКОВА.

— Послушайте, мальчики, знаете ли вы, что я был знаком с самим Джузеппе Роджеро? Это был знаменитый мастер. Огненный композитор. Он исполнял свои произведения не на скрипке и не на тромбоне. Его музыка рассыпалась в небе разноцветными огнями...

Мальчишки с открытыми ртами сидели на пороге старого бастиона и слушали рассказ дяди Евгения. А он, худой, костистый, с двумя большими морщинами на впалых щеках, с редкими пепельными волосами, широко разводил руки, словно открывал перед маленькими слушателями всю свою жизнь.

— Джузеппе Роджеро был молод и красив. Его вороненые кудри развевались на ветру, а большие черные глаза горели неиссякаемым восторгом... Я был его учеником.

При слове «ученик» мальчики сразу представили себе дядю Евгения за школьной партой, а красавца Джузеппе Роджеро — на месте учителя. Дети никогда не видели взрослых юными, им трудно представить себе дядю Евгения мальчиком, и поэтому в воображении ребят дядя Евгений сидел за партой в своих стиранных-перестиранных полотняных брюках, в белой рубашке с неизменным галстуком-бабочкой на худой шее. А учитель Роджеро с развевающимися кудрями звал дядю Евгения к доске и велел ему взять мел и писать.

Старый бастион стоит на обрыве над самым морем. Когда осенью разыгрывается шторм, море с грохотом идет на штурм каменной башни. Волны лезут по скалам, но обрываются и, разбиваясь, падают вниз. Бастион неприступен. Когда-то здесь стояла крепость. Неизвестно, от чего больше пострадало это славное боевое сооружение — от турецких ядер или от времени. Над пористым, потемневшим камнем выросла акация. Ее легкая призрачная листва еще больше оттеняет тяжесть и угловатость бастиона.

В бастионе стоит пушечный дух. Но не потому, что в нем ухают старинные орудия, которые заряжают с дула и подпаливают смоляным факелом. Этот дух поддерживает адская кухня — пиротехническая мастерская дяди Евгения. Адской кухней дядя Евгений называет ее, когда у него плохое настроение. При хорошем расположении духа пиротехник зовет свой бастион «мастерской праздника». Мальчишки не помнят, когда появилась эта необычная мастерская. Вероятно, дядя Евгений облюбовал башню бывшей крепости задолго до их появления на свет.

Дядя Евгений очень худ. Кажется, он сделан из того же материала, что и бастион. Ежедневно он снимает с двери висячий замок, похожий на большой каблук, и входит под своды своей таинственной мастерской. Сюда не ступала нога ни одного мальчишки: невысокий, стертый порожек преграждает им путь, как граница. И плохо приходилось тому, кто вопреки запрету дяди Евгения осмеливался нарушить эту маленькую границу!

Зато смотреть можно сколько угодно. Смотреть, спрашивать, интересоваться содержимым банок, выпытывать секреты составления огненных смесей — это может каждый. И поэтому любой мальчишка из соседнего детского дома в курсе, как делают римские свечи и бенгальские огни. И каждый назубок знает всю огненную палитру дяди Евгения: красный цвет — соли стронция, зеленый — соли бария, синий — углекислая медь.

— Вот подрастете,— говорит дядя Евгений своим друзьям,— я научу вас искусству пиротехники.

Мальчишки охотно клялись посвятить свою жизнь этому удивительному ремеслу, но когда подрастали, их почему-то переставали интересовать бенгальские огни, и они находили интерес в других профессиях. Дядя Евгений оставался без учеников и последователей. Зато в друзьях у него никогда не было недостатка.

К дяде Евгению ребят привлекала не только его таинственная адская кухня, от которой постоянно исходил жутковатый дух селитры — родной сестры пороха. Вся жизнь дяди Евгения была неиссякаемым источником самых необычных историй. И хотя мальчишки знали все истории старого пиротехника так же хорошо, как состав динамической смеси, приводящей в движение огненные фигуры, они снова и снова приставали к своему седому другу:

— Дядя Евгений, расскажи, как ты повернул танк!

И дядя Евгений охотно исполнял просьбу своих маленьких друзей.

— Послушайте, мальчики!..

Дядя Евгений переставал месить серебристое тесто, из которого делают бенгальские огни, и обводил величественным взглядом мальчишек, которые жались к запретному порогу.

— Знаете ли вы, что, когда немцы подходили к городу, у нас не хватало противотанковых пушек?

Мальчишки дружно кивали головами, будто жили в то время и своими глазами видели, что противотанковых пушек не хватало.

— Тогда я взял на себя один рубеж. Вы можете мне не верить...

Дядя Евгений делал паузу, словно хотел прочесть в глазах своих слушателей: верят ли они ему или не верят. И глаза отвечали: верим!

Тогда он продолжал:

— Вы можете мне не верить, но я вырыл себе окопчик... Чертовски крепкая у нас земля, сплошной камень... Я вырыл себе окопчик и принес в него весь запас своих римских свечей. Я сел на дно окопа и стал ждать. У меня не было никакого оружия. Даже перочинного ножа. Но со мной было мое искусство. И я надеялся на него, мальчики... Мне было очень неудобно в окопе. И я сложился пополам, как железный метр. Вы можете смеяться, но я сложился пополам. Колени уперлись в подбородок... У меня онемела поясница, и я не мог ее потереть, потому что рука не проходила. И когда пошли танки, я обрадовался... А? Что? Смешно?!

Рассказчик делал паузу. Он испытывал терпение своих слушателей.

— На меня шел танк. А я сидел неподвижно, как кролик, загипнотизированный удавом. Я забыл о пояснице. Я смог бы сложиться вчетверо. Только бы танк не лез на меня. И тогда я поджег первую римскую свечу.

Слушатели облегченно вздыхали, словно речь шла не о безобидной римской свече, а о грозном оружии, способном уничтожить танк.

— Я поджег одну римскую свечу, потом вторую, третью... Потом... Вы можете мне не верить, но когда десяток римских свечей, рассыпаясь огненными искрами, загорелся вокруг танка, фашист не выдержал. Он повернул... Если вы мне не верите, то уходите и никогда больше не являйтесь ко мне.

Мальчишки молчали, как убитые. Они боялись спугнуть вдохновение дяди Евгения неловким движением или покашливанием. Он властвовал над их душами. А властелином он был своенравным и капризным.

— Он повернул, мальчики! Он испугался вот этого теста!

Дядя Евгений протягивал к ребятам изделие своей адской кухни и вдруг начинал хохотать. Его трясло от смеха. Хохотали глаза, морщинки на щеках, плечи, а старенький артистический бантик буквально подпрыгивал на его шее от смеха. Некоторое время мальчишки сидели молча, не зная, что делать. Тогда дядя Евгений переставал смеяться и прикидывался сердитым:

— Что вы не смеетесь? Разве не смешно?

В такие минуты в старом бастионе разыгрывался маленький спектакль. Ребята делали вид, что впервые слушают историю с танком, а дядя Евгений старался изо всех сил, будто рассказывал ее в первый раз.

Потом он неожиданно начинал жаловаться своим друзьям на то, как трудно доставать химикаты, на невнимание со стороны властей, на то, что «мастерская праздника» влачит жалкое существование.

— Моя профессия не в почете,— сокрушенно говорил он.— Хотя пиротехника — младшая сестра ракет и космических кораблей.

И маленькие друзья всем сердцем хотели, чтобы его профессия процветала и жила еще долго-долго.

Дядя Евгений относился к той редкой породе людей, для которых материальные блага не занимают в жизни главного места. Для него ничего не стоило на последние деньги купить по случаю бертолетову соль или алюминиевые опилки. За всю свою жизнь он ничего не на-

жил, ничем не обзавелся. Все, что у него было, было при нем. И, может быть, его единственной собственностью были старые полотняные штаны, белая рубашка с аккуратно заштопанным воротничком и галстук «бабочка», который он надевал даже в самую жаркую погоду как некий рыцарский знак артистов и художников.

В жаркие дни камни бастиона накалялись, а резные листья акации не могли остановить идущие напролом лучи солнца. Внизу, под бастионом, тяжело вздыхало море, словно проделало большой путь и никак не могло отдышаться. Дядя Евгений вешал на двери мастерской тяжелый замок и вместе со своими друзьями отправлялся купаться. Худой и длиннорукий, он смешно балансировал на отвесной каменной тропке и был похож на большую старую птицу, которая, прежде чем взлететь, долго машет крыльями.

Очутившись на берегу, он долго расшнуровывал свои ботинки, потом, прыгая на одной ноге, стаскивал полотняные штаны. В последнюю очередь он снимал рубашку и галстук «бабочку». Дойдя до края берега, он пробовал воду большим пальцем босой ноги и подавал команду:

— Вперед! В воду!

И ребята, как будто подброшенные трамплином, устремлялись в море.

Сам он входил в воду медленно, с достоинством. А плыл, громко фырча и манерно выбрасывая вперед руки.

В старом бастионе, превращенном дядей Евгением в «мастерскую праздника», шла своя маленькая, ни на что не похожая жизнь. В ней было что-то необычное и притягательное. И мальчишки сходились сюда, как на огонек.

Нормальный ход жизни бастиона нарушил маленький вестник, который однажды появился на пороге мастерской:

— Дядя Евгений! Дядя Евгений! Лешка сжег себе руку. Его отвезли в больницу.

Чумазый широколицый паренек, принесший эту весть, стоял перед дядей Евгением и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, пока старый

ЙЕРВЕРК

Рассказ

пиротехник перестанет рассматривать его изумленными глазами, в которых накапливалась тревога.

— Как сжег руку? — наконец спросил дядя Евгений.

— Ракетой. Хотел запустить ракету, а она загорелась...

— Какой ракетой? — спросил дядя Евгений и, не дожидаясь ответа, стал собираться.

В этот день он в первый раз не повесил замок на двери мастерской. Он механически поправил бантик на шее, провел рукой по остаткам волос и быстро зашагал в сторону города.

В больницу его пустили не сразу. Он никак не мог растолковать, кем он приходится пострадавшему. По его объяснениям выходило, что он посторонний человек.

— Кто вы, собственно, такой? — допытывалась дежурная сестра.

Человек в полотняных штанах, с бантиком на шее явно не внушал ей доверия.

— Я пиротехник Бурый. Евгений Сергеевич Бурый.

— Пиротехник? — настороженно переспросила сестра.— Это по вашей милости мальчик получил ожог второй степени?

— При чем здесь моя милость? — пробормотал дядя Евгений и опустил голову.

Он сел на скамью и стал ждать. Он был подавлен происшедшим. «А может быть, я и в самом деле виноват?» — думал дядя Евгений, и эта мысль усугубляла его отчаяние.

В конце концов его все же пустили к больному Лешке. Ему дали белый халат. Халат оказался на толстого человека, а дядя Евгений был худ, и халат повис на нем, как парус на мачте при безветрии. Но пиротехника это мало интересовало. Он даже забыл поправить бантик, который съехал на сторону.

Очутившись в палате, дядя Евгений сел на краешек койки и некоторое время сидел молча. Он разглядывал своего маленького дружка, словно хотел убедиться, не произошла ли ошибка.

— Что же это ты? — спрашивал он Лешку и качал головой.

— Я хотел ракету сделать, чтобы летала метров на сто. Понимаете? — говорил Лешка.

— Ракету? — как бы про себя произносил дядя Евгений.— Что ты в нее заложил?

— Порох и... головки от спичек.

— Зачем же порох? — вспыхивал дядя Евгений и тут же спохватывался и начинал говорить тихо:— Не мог посоветоваться!.. Я бы тебе... Да что теперь говорить!

— Я боялся,— сконфуженно бормотал больной.

— Кого ты боялся?

— Вас!

— Эх ты, рыбья голова! Пороха не боялся, а меня испугался. Разве я такой страшный, чтобы меня бояться?

— Вы строгий.

— Строгий! — передразнивал мальчика старый пиротехник.— А разве в моем деле можно быть не строгим? Мой учитель Джузеппе Роджеро бил меня по рукам за неосторожность. И я ему благодарен.

Дядя Евгений отворачивался. Он снова уходил в свои тяжелые мысли. Вид у него был такой расстроенный, что у Алешки сжималось сердце. Он никогда не предполагал, что веселый, чудаковатый дядя Евгений может так сокрушаться. Мальчик привставал на постели и тянул дядю Евгения за халат.

— А? Что? Смешно?...— Дядя Евгений подскакивал, словно его только что разбудили.

— Ничего не смешно,— говорил мальчишка.— А у меня рука почти не болит.

— Болит. Я знаю... У меня в детстве все руки были обожжены... Но-но-но! Это тебя не касается. Ясно?

Теперь уже не он утешал Лешку, а пострадавший говорил ему о том, что ожог ерундовый. Но дядя Евгений качал головой и сутулился. Где-то в глубине души он начинал считать себя виноватым. И эта мысль сломила его, сложила, будто железный метр, на части, как тогда, в противотанковом окопчике...

На другой день дядю Евгения вызвали в милицию к товарищу Шмелеву. Старый пиротехник долго рассматривал маленькую повестку с лиловым расплывчатым штампом. Он несколько раз перечитал ее, словно хотел проникнуть в тайный смысл этой казенной бумажки. Но никакого иного смысла не было: бумажка просто уведомляла, что гражданину Бурому Е. С. надлежит явиться такого-то числа в такое-то время к товарищу Шмелеву.

Он пришел в назначенный час. В своих полотняных штанах, которые от стирки так сели, что, казалось, владелец вырос из них. В кабинете было двое: сам товарищ Шмелев и инспектор районо.

Во время разговора товарищ Шмелев молчал, но своим присутствием как бы скреплял каждое слово лиловым расплывчатым штампом, таким же, как на повестке.

Товарищ Шмелев молчал, а говорил инспектор.

— Государство обеспечило вас хорошей пенсией, а вы тут приработок нашли...

— Приработок?! — Дядя Евгений поднялся со стула.— Приработок?!

Его глаза расширились от удивления. Он не понимал, о чем идет речь. Слово «приработок» звучало для него, как иностранное, чужое слово, и он не знал точного перевода.

Но инспектор не отступал.

— А как же? — говорил он с нажимом.— Что же вы — задаром целые дни корпите в своем бастионе?

— Задаром!

Инспектор недоверчиво посмотрел на пиротехника. А товарищ Шмелев отвернулся. Ему, видимо, был неприятен весь этот разговор.

— Задаром. Для души. Вы понимаете, что такое для души?

Инспектор выкатил свои черные, блестящие глазки. Они, как два ртутных шарика, скользнули по серым полотняным штанам, по белой рубахе с аккуратно заштопанным воротничком и остановились на галстуке «бабочке». Он не мог решить, кто этот старик: ловкий лжец или чудак, свалившийся с другой планеты? Он сказал:

— Для души стихи пишут.— И тут же на всякий случай поправился:— Раньше писали.

Дядя Евгений пропустил его слова мимо ушей. Он вдруг сказал:

— Вот и товарищ Шмелев лет десять назад тоже проводил у меня целые дни. Спросите его. Он все знает.

Инспектор посмотрел на товарища Шмелева такими глазами, как будто сейчас на месте участкового уполномоченного уже сидел совершенно другой человек. Шмелев ерзал на стуле. И был красный. Шея, уши, лицо — все залилось яркой краской стыда.

— Да-да,— скороговоркой сказал участковый.— Я дядю Евгения... гм... товарища Бурого знаю. Он бескорыстно действует. Так сказать, в интересах общества... Но, конечно, осторожность в таком деле...

Дядя Евгений не дал ему договорить.

— Мне все понятно,— сказал он и провел рукой по пепельным волосам.— Будем осторожны.

Больше он ничего не сказал. Он поднялся со стула и направился к двери.

Что случилось с мальчиками? Почему они не появляются на пороге старого бастиона? Разве они не понимают, что без них «мастерская праздника» теряет весь свой смысл? Может быть, они после случая с Лешкой перетрусили и так сразу изменили своему другу?

Наполовину артист, наполовину химик, дядя Евгений жил от фейерверка до фейерверка. Он целые дни проводил в старом бастионе и терпеливо готовил праздник. Он знал, что его многомесячного труда хватит на каких-нибудь десять минут и что после взрослые даже забудут поблагодарить его. Зато для ребят каждый фейерверк был незабываемым событием в жизни. Как загорались их глаза, когда в темном небе вспыхивали красочные огни фейерверка! Их воображение и фантазия расцветали в полную силу. Вертящиеся огненные фигуры представлялись ребятам диковинными кораблями, на которых к земле приближались жители соседних планет. В дни фейерверка маленькие друзья дяди Евгения оказывались в центре мира, в самом яростном круговороте событий.

Если ребята получали удовольствие от фейерверка, то дядя Евгений испытывал двойное удовольствие, украдкой поглядывая на их восторженные лица. Разноцветные огни, отраженные в сверкающих глазах ребят, были для пиротехника еще прекраснее, чем в небе. Он понимал, что ни один даже самый любящий отец не сможет подарить сыну яркую, захватывающую игрушку, которая могла бы соперничать с фейерверком. Ради этого он целыми днями сидел в своей пахнущей селитрой адской кухне и сочинял новые и новые симфонии из красок и огня.

Он жил для этой ватаги мальчишек. Об этом знали только он и они. Их маленький добровольный союз существовал давно. Уже многие из его прежних приятелей выросли и уступают свое место у порога старого бастиона другим. И те с жадностью следили за необычным трудом пиротехника и с открытыми ртами слушали его удивительные рассказы.

Теперь в ожидании своих маленьких друзей он терялся в догадках. Он не мог допустить, что они изменили ему.

Спустя неделю на старый бастион забрел Лешка. Его только что отпустили из больницы, и он, пользуясь временной свободой, свернул к дяде Евгению.

Он застал пиротехника сидящим на пороге бастиона. Мальчик взглянул и не узнал своего старого друга. Дядя Евгений зарос серебристо-рыжей щетиной. Он весь осунулся, сгорбился, а глаза глубоко ввалились. Гордый рыцарский знак сиротливо валялся на банке из-под бертолетовой соли.

Заметив мальчика, дядя Евгений привстал, улыбнулся и сделал несколько неуверенных шагов навстречу.

— Здравствуй, друг!

Он сразу оживился и стал похожим на прежнего дядю Евгения.

— Как твоя рука? Зажила. На вашем брате все заживает. Все!

Лешка молчал. Он все старался понять, что же произошло со старым другом. А тот взял его, Лешку, за плечи, стал трясти, поворачивать в стороны, словно хотел получше рассмотреть. И вдруг он отпустил Лешку и спросил:

— Слушай, а где остальные мальчики?

Лешка запнулся, но потом ответил:

— Их сюда не пускают. Инспектор запретил. Сказал, чтобы на пушечный выстрел не подходили.

Мальчик произнес эти слова скороговоркой, потому что хотел поскорее избавиться от них, как от чего-то очень неприятного.

А дядя Евгений отвернулся и стал смотреть на море.

— На пушечный выстрел? — спросил он, не поворачиваясь.

Да, так распорядился инспектор. Этому человеку и в голову не приходило, что своим распоряжением он нанес удар прямо в сердце старого пиротехника. Он отнял у него главное: его мальчиков, его собеседников, его семью, его душу. Чтобы старое дерево засохло, его не обязательно спилить, достаточно подрубить главный корень...

Лешка сказал:

— Я побегу. А то нагорит... А ракету я все равно запущу. Как только рука заживет. Пусть знают наших!

И он нехотя побрел в сторону детского дома. А дядя Евгений остался у старого бастиона.

Неожиданно темное южное небо ожило. Его разбудили стремительные огни фейерверка. Зеленые огни рассыпались электрическими искрами, красные разгорались костром, синие трепетали, как фосфоресцирующие капли моря.

Люди выбегали на улицу и, задрав головы, неотрывно следили за игрой ярких, живых огней. Никто не понимал, что случилось. Все в городе привыкли, что фейерверк устраивается по праздникам и в честь выдающихся событий. И тут же на улице стали поговаривать, что в космос ушел новый корабль и это в честь него дается внеочередной фейерверк.

Все новые и новые снопы света возникали в небе. Испуганные голуби стаями носились над городом. При свете ракет они были красными, синими, желтыми, как райские птицы.

Небо переливалось огнями, а в это время у старого бастиона кипела работа. Это отсюда стартовали ракеты и римские свечи. Всю площадку заволокло едким дымом. Может быть, здесь трудится целая бригада огнепоклонников? Но в дыму виднелась только одна худая проворная фигура. Она металась из конца в конец, и там, где она появлялась, возникала вспышка и звучал оглушительный хлопок. Это был дядя Евгений. Он собрал все запасы «мастерской праздника» и превратил площадку перед бастионом в огневую позицию. От черного дыма его белая рубаха покрылась копотью. И прядь пепельных волос крепко прихватило огнем. Но старик — откуда только взялись силы?! — бегал от одной римской свечи к другой. Сейчас он пустил в ход не только все запасы своей адской кухни, но и неприкосновенный запас молодости, который сумел сохранить до седины.

Нет, это не праздничный салют будил сонное вечернее небо. Это кипел прощальный фейерверк.

Этими огнями дядя Евгений звал своих мальчишек, тех, кому настрого было запрещено появляться на пороге старого бастиона, и тех, кто давно вырос и сам забыл сюда дорогу. Он слал в небо красные, желтые, зеленые ракеты, и они сигналили, как таинственные позывные, которые были понятны только тем, кто многие часы провел рядом с дядей Евгением.

«Эй, мальчики! — сигналили ракеты.— Я ухожу от вас. Прощайте, мальчики! Вы, мальчики,— соль земли; на вас свет сошелся клином. Мальчики всегда есть на земле, потому что на смену одним приходят другие. Я люблю вас, мальчики!»

Небо кипело огнем. Но ему все казалось мало. И он стрелял и стрелял. А в глазах стояли слезы. Но это не были слезы обиды. Это были слезы прощания.

Есть жизни, похожие на коптилки, они долго теплются, но дают мало света и наполняют округу дымом и копотью. А есть жизни-звезды, которые вспыхивают ненадолго, но своим горением делают мир удивительным.

Он ожил, как звезда. И звезды фейерверка были его друзьями.

Еще!

Еще!

Еще!

Огни уходили ввысь и не возвращались на землю, а пропадали из глаз в густой темноте южного неба. И сердца знакомых и незнакомых мальчиков летели следом за этими огнями.

Когда последняя ракета растаяла в вышине, дядя Евгений перевел дыхание и устало опустился на каменный порожек. Он глубоко вдыхал в себя родной едкий запах адской кухни, словно хотел надышаться им впрок. Потом он поднялся. Осторожно прикрыл дверь «мастерской праздника» и ушел.

Больше его никто не видел. Может быть, он переехал в другой город. А может быть, умчался с огнями своего последнего фейерверка. И только отблеск его фейерверков продолжает гореть в памяти людей и не погаснет до тех пор, пока в человеке жив человек.

Как родных братьев встречак

7 ноября начался месячник советс

МОЖНО ПОВТОР

Ц. СОЛОДАРЬ

«Нас 70 москвичей...»

С этой цифры начались мои заметки на страницах «Огонька» о поездке первой группы советских туристов к чехословацким друзьям. Было это ровно семь лет тому назад.

Ныне же следовало бы начать так:

Нас 150 тысяч советских людей, побывавших туристами в братской Чехословакии.

Да, именно эту цифру назвал мне сейчас в Праге работник «Чедока» (чехословацкого «Интуриста») Ярослав Айзнер, который в 1955 году встречал на пограничной станции Черна-на-Тиссе первых советских туристов.

И приблизительно столько же чехословацких туристов побывало уже за эти годы в нашей стране. 300 тысяч!

Вдумайтесь в эту цифру. Ведь туристская поездка в братскую страну — это не только осмотр древностей и памятников архитектуры, не только горные прогулки и отдых на лучших курортах.

Тщетно пытаясь решить, с каких же из многочисленных фактов начать, я должен привести еще две цифры, которые, сколько ни подыскивай точное слово, только и назовешь красноречивыми: за один прошлый год у советских туристов в Чехословакии было 3 800 групповых встреч с 1 050 тысячами жителей страны.

Впрочем, слово «встреча» мало подходит к тому, что произошло, например, в селе Седлец, близ города Кутна Гора, когда туда приехали украинские колхозники-кукурузоводы. Дружеский спор о лучших приемах культивации кукурузы закончился тем, что и гости и хозяева сбросили пиджаки и, не отходя от культиваторов, наглядно показали, кто за что ратует.

А одна прошлогодняя встреча в городке Бероуне закончилась тем, что сейчас в Новосибирске некоего годовалого сибиряка мама возит в коляске, любовно сработанной на бероунской фабрике. Монопольный пассажир коляски только впоследствии узнает, что она была преподнесена его взрослым землякам в тот самый час, когда на встрече с ними рабочие фабрики создали первую бригаду социалистического труда.

— Передайте нашу коляску,— сказали они новосибирским туристам,— тому мальчику, который родился в вашем городе сегодня, в день этой памятной встречи.

Свердловский дирижер Марк Паверман, приехав в Братиславу, тотчас же попадает в дружеские объятия известного словацкого композитора Эугена Сухоня, автора оперы «Водоворот».

В омском инженере Алееве многие жители городка Слани узнают храброго советского артиллериста, чья батарея выбила из этих мест окопавшихся немецких захватчиков.

А приехавшая из Подмосковья мать советского воина Виктора Шарова с волнением услышала простые и проникновенные слова жителей села Болерадице:

Чехословакии советских гостей.

хословацкой дружбы.

Ь СКАЗАННОЕ

— Разрешите нам назвать вас матерью.

Не забыли они, что Виктор пал в бою за освобождение их села от фашистских оккупантов. И десятки крестьян торжественно провожали мать героя в город Густопече, где на центральной площади похоронен ее сын.

Приехав в Чехословакию, убеждаешься: память о павших советских героях здесь нетленна. Ощущаешь это и на величественном братском кладбище советских воинов в пражских Ольшанах и на убранной живыми цветами скромной могиле советского солдата в горном селении близ Ломницы.

...Накануне отъезда из Праги я узнал, что теплая встреча советских текстильщиков с рабочими текстильной фабрики в Хлумеце закончилась решением: будем соревноваться! Эта фабрика носит имя Карела Гавличека-Боровского, знаменитого чешского просветителя, поэта-сатирика и публициста.

Сто двадцать лет тому назад в письме из Москвы Гавличек-Боровский, рассказывая о России, писал: «Я во все это, да и в народ русский, так влюбился, что еще долгое время буду безмерно восхищаться, пока не забуду настолько, чтоб рассказывать голую правду без прикрас».

Влюбленным в Чехословакию и восхищенным ее жизнерадостными, трудолюбивыми людьми возвращается сегодня советский человек на родину. И хочется рассказывать о сегодняшней Чехословакии и хочется, чтобы ее увидело все больше и больше советских людей, используя для этой цели широкие каналы туризма.

Вот почему весьма уместно закончить эти беглые заметки письмом генерального директора «Чедока» Индржиха Цинкла к читателям «Огонька»:

«В дни традиционного месячника советско-чехословацкой дружбы мне, как руководителю организации, ведающей туризмом в Чехословакии, хочется от души сказать миллионам читателей «Огонька»:

— Приезжайте, дорогие советские друзья, туристами в нашу страну! Вы много о ней слышали. Но ведь недаром говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. «Чедок» поможет вам увидеть все, что вас интересует».

Что же, в ответ на это радушное приглашение можно, пожалуй, повторить то, что было сказано на страницах «Огонька» семь лет тому назад:

— Спасибо «Чедоку»!

Отзовитесь, боевые друзья!

Отдыхая в Карловых Варах, мы познакомились с семьей Отто Губича. Он наборщик типографии, его жена Терезия Губич — воспитательница детского сада, член Коммунистической партии Чехословакии. Три года пробыла Терезия в концлагере Освенцим и спаслась чудом. До сих пор сохранился на ее руке лагерный номер — «5084». Отто Губич во время войны сражался в партизанском отряде, где командиром батальона был Лобанов, комиссаром — Шкода, начальником штаба батальона — Полтава.

Отто Губич вместе с другими бойцами отряда ходил на ответственные задания. Особенно он подружился с русскими бойцами Евгением Ионовым из Чувашии и Николаем Галкиным с Дальнего Востока. После войны Отто потерял их след.

Отто Губич очень просил нас разыскать его друзей.

Мы обращаемся к редакции «Огонька» с просьбой опубликовать письмо Отто Губича к товарищам, вместе с которыми он сражался за освобождение Чехословакии.

В. КЛИМАЕВА (Калининград),
А. ЯНУШЕВ (Заполярье)

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ЖЕНЯ ИОНОВ И НИКОЛАЯ ГАЛКИН!

В праздник 45-й годовщины Великой Октябрьской революции я вас очень сердечно поздравляю и желаю вам много успехов в деле построения коммунизма.

Может быть, вы уже меня не помните, но я вас никогда не забуду. Для меня вы легендарные люди, такие, как герои социалистической революции. Знаю, что вам это неудобно слушать, вы всегда были скромными.

У нас такой пароль: «Без Октября не было бы Чехословацкой Социалистической Республики». Но и без вашей помощи в словацком народном восстании не было бы прогресса Словакии. Поэтому я вас благодарю.

Я буду очень счастлив, если найду ваш адрес и вы мне напишете. Меня интересует, что вы делаете, есть ли у вас семья, как вы жили эти долгие годы.

Несколько дней тому назад у нас были маневры армий Варшавского договора, которые закончились парадом. Я там видел снова красноармейцев... В каждом отряде, который проезжал, я видел вас, и не только вас, но и других красноармейцев — Валентина Кузнецова, Багинского, Славкина, Ржецкого и нашего командира бригады Егорова.

Друзья мои! В великий праздник всех трудящихся мира приветствую вас и в вашем лице всех бойцов, которые в партизанах вместе с нами воевали.

Счастливый будет у меня день, в который я получу от вас письмо.

Отто ГУБИЧ, Карловы Вары, Запотоцкого, 2. ЧССР, партизан бригады Егорова, отряда Кузнецова и Багинского. 2 октября 1962 г.

Твои строители, коммунизм!

Земля отцов

Ким БАКШИ

Как назвать эти заметки о Петре Сапунове? «Встреча с героем»? В свои двадцать четыре года Петр — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, был делегатом XXII съезда КПСС... Но слово «герой», в котором слышатся фанфары, как-то не вяжется ни с обликом застенчивого человека, ни с тем ясным, спокойным отношением, которое окружает его в колхозе «Красное знамя». Петр Сапунов? Кто же его не знает... Сын покойного Егора Васильевича и ныне здравствующей Феклы Фроловны, внук деда Василия. Выучился на тракториста, вырастил кукурузу. По труду и почет!..

Там чудеса...

— Ну, чего ты? Я сама в бога не верующая. А тут страсть господня: стоит корзина, на ней — лохмач и лапки с перепонками...

На меня глянули два голубых глаза, удивительно ярких на сморщенном лице пожилой крестьянки.

Телега поскрипывает. От осей тянет дегтем. Дорога лениво катится меж редких озимей. Солнце проклюнулось из облаков и высвечивает тележное дерево. Вокруг разноцветные поля: конопляные, пшеничные, гречишные. За ними молчаливыми заставами высятся леса.

Орловщина. Коренные русские места.

И словно бы нет опор высоковольтной линии, нет пылящих машин на соседней дороге, проложенной к Железногорску. Словно не было несколько часов назад шумного Симферопольского шоссе с потоком «Волг» и «Москвичей». Неторопливо, напевно звучит рассказ, и теряешь ощущение времени. Кажется, вот-вот за пригорком на поле увидишь красавца пахаря в длинной холщовой рубахе, с васильковыми, как у моей спутницы, глазами. Он встал с зарей, плеснул ковш воды в лицо, запряг лошадь и выехал на свое поле. Веками он трудился на этой земле, кормил хлебом страну, пел песни, сказывал сказки. Были в них и скатерть-самобранка, и гусли-самогуды, и топор-саморуб. Вот кукурузы не было. А тут про кукурузу...

— Ишь ты, Фома-неверующий! Да в кукурузе Петьки Сапунова, как в темном бору, кто хочешь заведется. Прошлый год из лесов зверья набежало — и лиса, и волк, и кабан. Пошла я, думаю себе: похожу с краю, травки для коровы нарву. Да заблудилась. А кукуруза шумит, верхушки сомкнулись — неба не видать, жутко. Только смотрю: стоит чья-то корзина, а на ней леший...

Рассказчица в притворном испуге таращит глаза, на лице радостная вера в быль-небылицу.

Я слушаю ее и думаю: и это на Орловщине! Где до последних лет на полях прозябали хилые овсы и считалось, что от кукурузы ни листьев, ни зерна. Вспоминаю низкие — по пояс — стебли. А у Сапунова? Его кукуруза доросла до сказки: «Там чудеса: там леший бродит...»

О тракторе и красоте

— Во-он какое поле! Мое...— Петр взмахивает рукой и как бы накрывает ладонью пространство перед собой: ближнюю обочину, поросшую мелкой травой, бесконечные ряды кукурузы, уходящие к небу, лучащемуся, расцвеченному синими, серыми, парусно белыми облаками. Потом, смутившись от внезапно вырвавшегося слова, трогает меня за рукав и спрашивает совсем по-домашнему: — Ну, что, двинулись дальше? — Словно Петр может остановиться, словно мы задержались хотя бы на минуту за весь этот долгий день, начавшийся легким красивым рывком за шнур, которым был разбужен голубой трактор, мокрый от росы.

Петр прыгает в трактор, касается рукой рычагов — одного,

другого. И все как бы делается само собой: машина трогается, сзади опускаются лапы навесного культиватора. Забурлила, задымилась земля, взрыхленная острой сталью, волочится подсеченный под корень злой сорняк.

За окошком трактора мелькают кукурузные кусты. Плывут ближние перелески, из-за них медленно выдвигаются соседние поля, пестрые от облачных теней. Остается позади длинное здание фермы, возле него весело мелькают платочки женщин. Дальний лес приблизился, и стала видна его дремучесть. Слева открылся лог и дубы на его противоположном крутом берегу.

— Язменная гора, Медведчик, Репное...— Петр знает каждую горку, каждый овраг, каждый перелесок.

Сколько раз видел их Петр Сапунов! И утром, когда очертания предметов резки и каждый бугорок отбрасывает густую длинную тень. И вечером, когда бьющее сбоку солнце просвечивает широколапые листья кукурузы, налитые ярко-зеленым свечением. И ранней весной во время сева, когда дубы стоят голые, черные, словно обгорелые, а поле расстилается серое, с редкими пеньками прошлогоднего будылья. И осенью, когда воздух острый, с ледяным привкусом, когда с хрустом валятся кукурузные стволы, и с каждым заходом комбайна поле все более обнажается, пустеет, сослужив свою службу.

Рассветы, закаты, смена времен года... Это постоянство и это постоянное разнообразие рождают, наверное, у человека светлый, устойчивый взгляд на мир, понимание важности простых вещей, восстанавливают подлинные масштабы событий, явлений, то, что так легко теряется в суете, в мелочных заботах...

Обед. Трактор стоит на краю поля. В высокой редкой траве горят огоньки — дикие гвоздики.

Шура, жена Сапунова, бойкая, веселая, выкладывает из корзины бутылку с холодным молоком, кастрюлю щей, крупные яйца, хлеб собственного печения — мягкий и душистый.

Петр, облокотившись на одну руку, полулежит в траве и осторожно трогает пальцем головки колокольчика. Рядом с его сапогом покачивается крупная ромашка с густыми длинными лучами.

Шура осторожно протягивает тарелку щей. Петр осторожно берет ее и тихо, не звеня ложкой, ест. Ест без суеты.

Сапунов медленно пьет молоко, словно наливается силой. Я вспоминаю народное поверье: по едоку и работник.

Поев, Петр быстро засыпает, захватив в каждую руку по пучку травы. Он крепко припал ухом к земле и, кажется, внимательно прислушивается. Так, наверное, спали далекие предки Петра, жившие на этой земле, на границе с великой степью, так спал и прадед его на меже крохотного своего надела, ныне затерянного где-то среди этого обширного кукурузного поля.

Петр — потомственный землепашец. Это проглядывает во всем его жизненном укладе: в том, как он работает, ест, говорит с женой. Оно и в ранней женитьбе и в том, что у него уже трое ребят. Оно в почтительном отношении к матери и в вежливом «здравствуйте», обращенном к каждому встреченному на дороге человеку.

Петр просыпается так же внезапно, как засыпает. Прошло всего полчаса. Совершается почти мгновенный переход от традиционного, почти в духе полотен Венецианова, обеда и отдыха к современной технике. Рывок за шнур. Взревел пускач, за ним глухо выстрелил, зарокотал мотор. Дизель пущен. Все это за пятнадцать секунд.

Разговоры

И снова разворачивается поле, простор. Шатры теней на горизонте. Прямые, словно натянутые струны, ряды кукурузы — сочной, ухоженной, напоминающей благополучные комнатные растения.

— Хорошо! Тепло как сегодня! Совсем другое настроение! — кричит сквозь шум мотора Петр. И снова надолго замолкает.

Я вспоминаю ночное партийное собрание. Полупустой, с темными углами клуб и лампочку без абажура, тревожно горящую на сцене. Говорили о кукурузе, о строительстве. Сколько стóит коровник в Мало-Боброве, арочный коровник в Брянцеве, доильная площадка, «елочка»? Дорого. Нужны деньги. А сколько дадут новые цены на мясо? Все дело в кукурузе. Без нее и новые цены не помогут.

Из клуба выходили вместе. Темно. Только в разные стороны по всей деревне расходятся живые огоньки папирос.

— Как у вас в городе восприняли повышение цен на мясо? — спрашивает Сапунов.

— Как восприняли? Спокойно, с пониманием необходимости...

Сапунов крепко сжимает мой локоть, приближает еле белеющее в темноте лицо.

— А я не могу спокойно. Я покоя лишился. Как будто взаймы взял. А отдавать надо. А тут холода, дожди. Но ни черта! Я из этого поля всю душу вытрясу, а слово сдержу. Будет кукуруза!

Мне говорили, что Сапунов молчун. Я слышал, как он выступал на пленуме обкома. На него было жалко смотреть. Он нетвердо читал кем-то написанный текст с фразами, гладкими, как морские голыши. Все было правильно: и цифры и обязательства,— не было лишь самого Сапунова, его личности, его мыслей, его страсти.

А вот рассказывают другое. Как однажды Петр делился своим опытом на каком-то совещании. Вышел на трибуну, в руках бумажка. Постоял-постоял. Покраснел. Из зала стали дружелюбно хлопать: давай, мол, не бойся! Тогда Сапунов спросил тихо:

— Нет ли у вас тут кукурузной сеялки?

И собрание во главе с торжественно сидевшим за красной скатертью президиумом пошло регулировать сеялки, устанавливать на высев.

Сапунов подложил под сошники железный лист, потянул за узловитель.

— Слушайте!

Как весенняя капель, зазвенели зерна кукурузы, ударяющиеся о железо.

— Ну как? Хорошо или плохо? Получатся при такой регулировке квадраты или не получатся?..

Нет, Сапунов не молчун. Он неразговорчив от сдержанности, от внутренней деликатности, но когда его заденут за живое...

В правлении колхоза сидят Сапунов и председатель А. Д. Онучин. В руках у Сапунова газета с речью товарища Н. С. Хрущева о производственных колхозно-совхозных управлениях.

— Читали, Александр Дмитрич? — Петр похлопывает ладонью по газете.— А у нас?

— А что у нас? — Онучин чуть улыбается и делает вид, что не понимает, о чем речь. Он не хочет заводить этот разговор при корреспонденте.

— Как что? — Сапунов поднимает плечи.— Как что? Вам нужны, например, машины. Кирпич возить для коровников. Вы куда звоните?

— В райком.

— Ага! — Сапунов вскакивает, подходит к Онучину, опирается руками о стол, вглядывается в лицо председателя, словно давно его не видел.— А почему не в Кромы? Почему не в территориальное управление?

— Сил еще у них не хватает, разворотливости...

— Сила у них в руках, да они не очень-то ею пользуются. Ишь, какие робкие... Да и мы, тоже сказать, привыкли надеяться на райком. В райком и за гвоздями, в райком и за резиной, в райком и за струнным оркестром...

Полюшко-поле

В центре тихого одноэтажного Петровска в разросшемся садике братские могилы солдат и партизан, павших смертью храбрых. Побеленные известью обелиски, красные звезды. Список фамилий. Год рождения разный, год смерти один—1943-й. В день освобождения, 12 августа, из города и соседних сел приходят к могилам пионеры на торжественный сбор. Бьют барабаны, нахмурены, серьезны лица ребятишек. Что они знают о войне, о смерти?.. Сюда приходил и Петр Сапунов в красном пионерском галстуке.

Отец и старший брат Петра погибли на фронте. На скромном погосте при выезде из Петровска похоронен средний его брат — Иван.

— Сколько раз говорили мне, назывались: давай перенесем его туда, к остальным-то, да уж чего тревожить...— Фекла Фроловна вытирает глаза.

Много лет прошло, а в сердце матери живет и война и погибшие дети. Она об этом и говорит. О том, как осталась одна с дробными ребятишками: Ивану четырнадцать, Петя и Маруся — совсем малыши. Как свирепствовали полицаи. («Не дай бог прознают, какой двор партизанский!») Как по ночам в сапуновский дом наведывались партизаны. («Они в лесу стояли, где Петино поле».) Как привели лошадь с жеребеночком, как принесли шестнадцать винтовок. («Я их на огороде спрятала. Немцу-то и невдогад».)

Иван стал ходить к партизанам. Вроде по грибы — с лукошком. Обратно идет, напевает «Полюшко-поле... едут по полю герои...». Значит, все в порядке.

— Раз вечером Иван привел женщину. «Маманя,— говорит,— пусть у нас тетенька схоронится, а то ее убьют, она еврейка...» Полгода у нас пряталась. Докторица была, хорошая такая. Ванюша и ее к партизанам свел. Вернулся радостный, «Полюшко» свое насвистывает. Веселый был, певун, Ласковый...

Фекла Фроловна отворачивается. Я смотрю на ее спину, на вздрагивающие лопатки. Тихо. Только где-то далеко стрекочет трактор. Хорошо, что есть Петр, живой, здоровый... А Иван погиб. Дико, бессмысленно. Разорвалась мина в руках. Ребятишки играли, нашли мину. Иван отобрал ее, хотел выбросить. Не успел...

И было это опять-таки на поле Петра Сапунова.

В чем специфика!

Всю ночь лил дождь. В поле никто не вышел. Целое утро листаю книгу об опыте кукурузоводческого звена Сапунова, рассматриваю технологические карты. В чем же специфика работы звена? Председатель колхоза Александр Дмитриевич Онучин отвечает на этот вопрос просто:

— Он смелый парень и кукурузу знает, не боится ее. Сапунов и его напарник Кудряшов всю весну, лето, осень не слезают с тракторов. Подкармливают, рыхлят... Жадно схватывали всякое новшество, все доброе. А мы, специалисты, стараемся помочь им, рассказать, научить. Вот вам и специфика. Такая специфика доступна всем...

Онучин внезапно замолкает, поднимает палец, улыбается.

— Провода гудят, слышите? К погоде...

И опять поле. И опять трактор, гудение мотора и медленно разворачивающиеся перелески за межой.

В кабинке нам двоим тесновато, но Петр работает, сдвинувшись вправо. Он вглядывается в узкую ленточку земли, оставшуюся между рядами кукурузы. Трактор идет на высокой скорости: тут зевать не приходится.

Разворот, крутой вираж. Сапунов почти не снижает скорости и все-таки безошибочно попадает на нужный рядок кукурузы. Его движения легки и естественны. Но это трудная легкость. Культиватор захватывает четыре метра. И эти четыре метра все время нужно ощущать за своей спиной. Это чувство габарита, наверно, знакомо водителям большегрузных автомобилей, тянущих громоздкие прицепы. Но для них на шоссе полметра вправо или влево — мелочь. Здесь же счет идет на сантиметры.

Солнце поднимается все выше, тени короче. Лицо Сапунова потемнело от пыли, губы сжаты и от этого кажутся тонкими; напряглись, каменно налились желваки на скулах... Снова поворот...

Смотришь на неподвижный профиль Сапунова, на его суженные, немигающие глаза и начинаешь верить, что вот так, в этом грохоте, тряске, он может просидеть неограниченно долгое время. Столько, сколько потребуется. Придет вечер, потом настанет утро и снова вечер, а он все будет сжимать в руках руль и смотреть перед собой...

Солнце свалилось к западу. По-вечернему запламенели окна в избах недальнего села. После захода небесный купол поднялся, зазеленел. В логу заклубился туман. Луна вызрела и матово засветилась на листьях кукурузы.

Трактор уходил все дальше и дальше...

Раннее утро. Петр Сапунов идет на полевой стан.

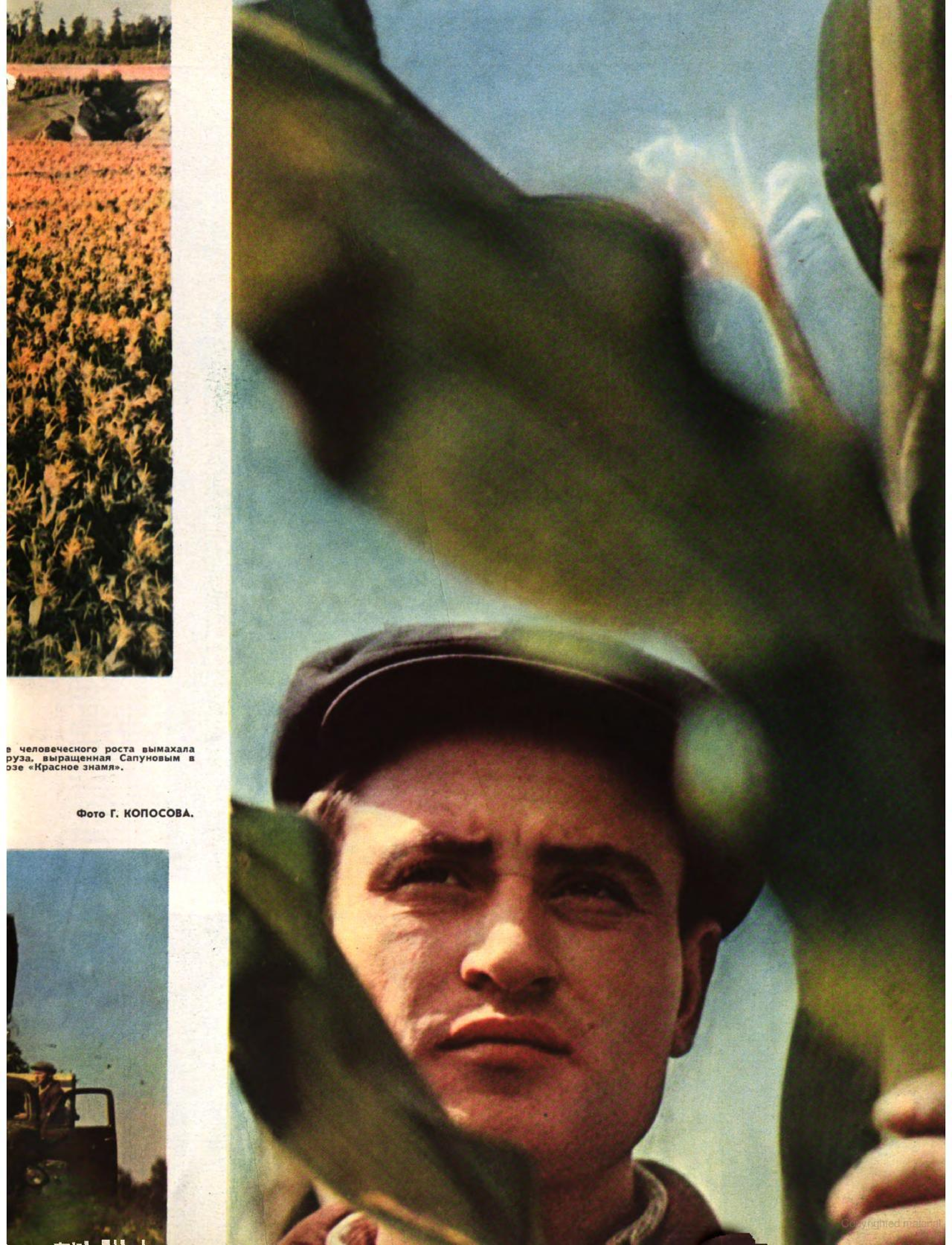
Петр Егорович рассказывает школьникам о своей работе.

Вот он, «сапуновский гектар».

Выц
кук
кол

Уборка кукурузы на силос.

е человеческого роста вымахала руза, выращенная Сапуновым в озе «Красное знамя».

Фото Г. КОПОСОВА.

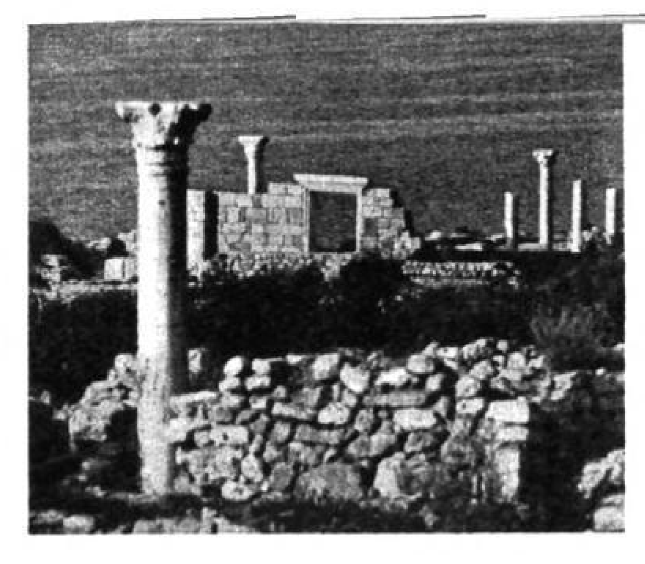

Недавно старший научный сотрудник Херсонеского историко - археологического музея С. Ф. Стржелецкий нашел уникальную по своей ценности часть надгробного памятника IV—III века до нашей эры. В технике энкаустики (живопись восковыми красками) по камню изображена голова юноши. Среди других интереснейших находок музея — серебряная тетрадрахма — херсонеская монета с изображением головы Девы, а также мраморная голова статуи атлета, относящаяся к IV веку до нашей эры.

Фото И. Тункеля.

Л. ОСИПОВА

Нам не сразу показали сенсационную находку. О ней говорили все в музее, но в залы, на витрину, она выставлена еще не была. Сотрудники музея повели нас длинными переходами, отворили дверь в полутемное помещение. На столе, закрытая бумагой, стояла неровно обломленная по краям часть каменной плиты. Бумагу сняли; прямо на нас задумчиво глядели глаза юноши. Его лицо, написанное в красновато-коричневой гамме, было выразительно, сильно.

— Это IV — III век до нашей эры,— объяснили нам.— Просто чудо, что краски сохранились. Скоро в музей должен приехать реставратор из Эрмитажа. Он укрепит красочный слой. А пока приходится прятать эту голову от солнца: не дай бог, что случится.

— Как же ее нашли? Где?

— Пожалуй, лучше всего вам расскажет об этом Станислав Францевич Стржелецкий, сотрудник нашего музея. Его находка.

Но Стржелецкого в Херсонесе в это время не было. Он вел раскопки в Инкерманской долине. Там был какой-то интересный таврский могильник.

— Поезжайте к нему,— посоветовали нам.— Это тоже совсем близко от Севастополя, сначала катером, потом на машине или автобусе.

В самом Херсонесе мы уже успели все осмотреть и исследовать: облазили развалины оборонительных башен и стен, посидели на скамьях-ступеньках античного театра — его декорации все те же до сих пор: кусты, деревья и виднеющаяся вдали бухта с холмистым противоположным берегом — вечная неизменная декорация. Часами мы любовались строгой красотой колоннад греческих базилик, возвышающихся на берегу моря. Проходя улицами города, которые строились свыше двадцати столетий тому назад, а раскопаны были совсем недавно, старались представить себе живых херсонеситов — так называли себя греки, основатели древнего города.

Теперь, когда все было осмотрено, мы решили немедля ехать в Инкерманскую долину.

Был уже полдень, когда мы подходили к палаткам археологов. Ветер лениво трепал приподнятый брезентовый полог. Под нашими ногами громко хрустнула битая черепица. Никто не отзывался. Мы решили пройти дальше по тропинке, где громоздились большие камни, плиты странной формы и груды свежевынутой земли... Откуда-то послышался приглушенный говор. Несколько человек сидели на корточках в неглубокой и довольно широкой яме; осторожно работая кисточками, они смахивали пыль с тех чудесных вещей, которые постепенно вырисовывались, как будто вновь рождались на свет. Это были большие глиняные амфоры. Коричневато-красные и дымчато-сизые вестники Эллады, они, казалось, еще хранили теплоту людских прикосновений. Все разные по форме и очертаниям, они были прекрасны своей простотой.

Коренастый человек с испытующим взглядом из-под очков повернулся в нашу сторону. Это и был Станислав Францевич Стржелецкий, руководитель экспедиции. Он повел нас по раскопу, помог спуститься в глубокую, только что зачищенную могилу, а потом даже доверил кирку, лопату, кисточку и пинцет — орудия археологов: копайте!

Это было настолько увлекательно — копать, что вначале даже показалось: нет профессии лучше, чем профессия археолога! В яме полутемно, насквозь пропитываешься запахом сырого известняка, руки и ноги затекают, потому что сидеть приходится в неудобной позе. И все-таки все время нетерпеливо ждешь: вот сейчас что-то найдется, вот сейчас что-то покажется. А вдруг это будет еще одной необыкновенной находкой! И правда: показывается горлышко кувшина. Сверху заглядывают археологи, кричат:

— Осторожно! Это краснолаковый!

А вот нож. Монета... Ее клали в рот или руку умершего как плату перевозчику Харону, переправлявшему в Аид души умерших. Суетные женщины брали с собой на тот свет коробочки с румянами; интересно, что, пролежав 16—17 веков в земле, краски не потеряли своих свойств.

В этом могильнике, где жители одного из селений хоронили своих родных, археологи не нашли дорогих украшений, памятников искусства. Но надо было только приглядеться к тем обычным, глиняным горшкам и кубкам, к несколько грубоватым по форме бусам из стеклянной пасты и янтаря, металлическим браслетам и застежкам, чтобы понять, каким тонким эстетическим вкусом обладали древние люди. Ничего вычурного и вместе с тем сколько изящества!.. Особенно удивляла раскраска посуды. Она ничем не отличалась от красок окружающей земли — те же тона, переходы, оттенки, но она была живая, эта посуда, она жила, в ней было столько тепла и человечности!

Вечером, когда работа на раскопе была окончена, все собрались в палатке. Громадная луна рвалась во все щели, забивая свет маленькой лампочки. Будничный разговор как-то незаметно перешел на разговор о давнем. Станислав Францевич, увлекшись, стал рассказывать о древней жизни этого края. Он давно работал в Херсонесском историко-археологическом музее и где только не копал! За каждой грудой развалин он видел плоды труда сотен поколений, жизнь, полную кипения и борьбы. Вот причаливают в порт Херсонеса корабли: они прибыли из Италии, Греции, Египта,— в трюмах амфоры с маслами и благовониями, мрамор для строительных построек, предметы роскоши, туалета. Но сюда, в Херсонес, едут не только торговать: многие цари посылают сюда детей ради воспитания духа; риторы и мудрецы — всегда здесь почетные гости. Здесь живут эллины, для которых искусство, прекрасное — естественная необходимость. Но больше всего они любят жизнь. Ярко, свежо, радостно — жадно живут они!..

Проходят века. Чудесные памятники эллинов уже используются в качестве строительного материала. Для защиты от набегов скифов, половцев и печенегов жители Херсонеса тщательно укрепляют оборонительные стены и башни. Однажды херсонесцы разбили кирками в некрополе громадную плиту — надгробие.

— Осколок этой плиты вы и видели в музее,— говорит Станислав Францевич.— Греки и в то время чтили память своих мертвых. Поэтому изображение юноши, его большие глаза, ясно и немного печально смотрящие на мир, пугают строителей. Они кладут плиту лицом в землю. И земля бережно сохраняет творения безвестного художника античности. Восковые краски, которыми выполнен портрет, не распались, не пожухли, они сохранили свою свежесть и силу.

...И теперь, глядя на этот портрет, мы удивляемся его красоте. Не отчаяние, не тоску при прощании с жизнью запечатлел художник, а мысль и прозрение. Юноша продолжает жить, потому что продолжается жизнь, потому что радуются люди солнцу и свету.

Революцией призванный

Из всех фотографий, сохранивших облик советского писателя Дмитрия Михайловича Мазнина, нашего товарища и друга, мне особенно по сердцу одна. В простой солдатской шинели, в суконном шлеме со звездой Митя Мазнин снят среди красноармейцев, своих однополчан, однокашников.

...Словно призывными лозунгами революции были первые стихи Мазнина, которые в восемнадцатом-девятнадцатом годах печатали петроградские газеты.

Молодежи красного Питера посвящал свои стихи Дмитрий Мазнин, но читала их молодежь всей Советской России. Вдохновенно звучали простые строчки:

Мы — вестники новых времен,
Лучи золотого восхода!

Так начиналась творческая деятельность Дмитрия Мазнина. Он был делегатом III съезда комсомола, слушал речь Ленина.

Мазнин активно работал в писательских организациях Северного Кавказа и Москвы, сотрудничал в журналах «На подъеме», «Красная новь», писал критические статьи и обзоры, помогал молодым писателям.

Дмитрий Мазнин.

Тридцать лет прошло с тех пор, как написаны статьи Мазнина о Фадееве и Шолохове; оценки, данные в них, стали общим достоянием. Но тогда, десятилетия назад, не все правильно видели подлинное значение только что вышедших книг.

«Как близко к истине мы добирались!» Так писал Фадеев, вспоминая литературные споры тридцатых годов. Эти слова приходят на ум, когда перечитываешь некоторые статьи Мазнина.

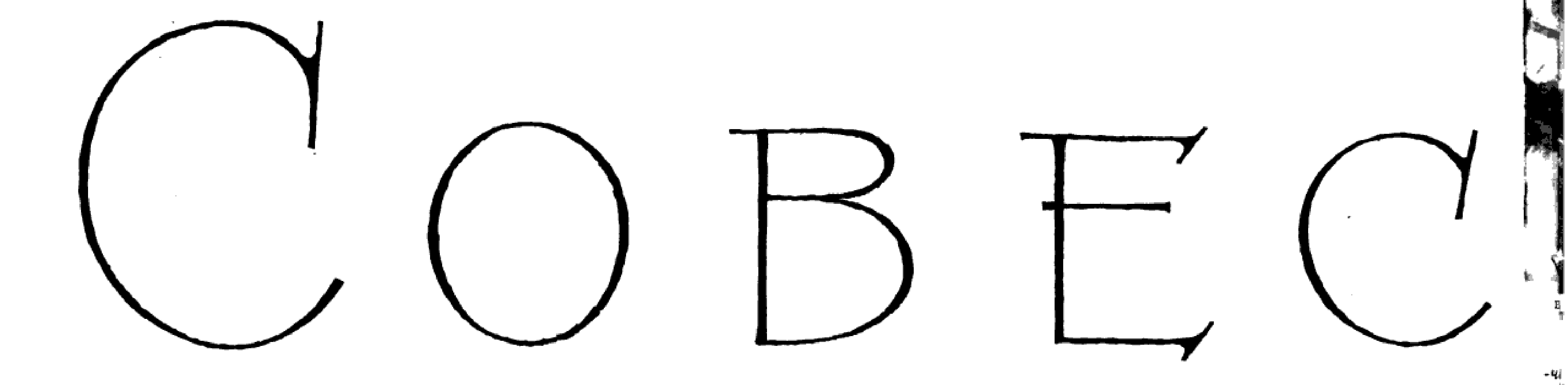
Круг интересов критика был весьма широк. От новых произведений западных писателей до проблем технического прогресса — многое пытливо изучал писатель. Фадеев и Шолохов, Панферов и Малышкин привлекали его внимание.

В июле 1933 года в статье о третьей книге «Тихого Дона» Мазнин вскрывает противоречия в сознании Григория Мелехова. Последняя часть романа еще не была написана, но критик правильно предсказывает конец героя, расплату за колебания и измены. В другой статье критик оценивает «Поднятую целину» как победу социалистического реализма. Мазнин анализирует основные образы романа, новую природу связей между шолоховскими героями — «общность людей, знающих завтрашний день». Умные и точные наблюдения над языком Шолохова, а также Малышкина, Артема Веселого очень интересны в статьях Мазнина.

Творческий путь Дмитрия Мазнина оборвали наветы клеветников. Многого он не успел сделать, многих намерений не смог выполнить.

В юношеских своих стихах Дмитрий Мазнин собирался построить «громады дворцов, дома трудового народа». В своих статьях он ратовал за постройку «Магнитостроя литературы», за создание большой советской литературы. Дмитрий Мазнин отдал делу коммунизма все свои силы. Мы вспоминаем об этом теперь, когда ему исполнилось бы шестьдесят лет.

Н. СТАЛЬСКИЯ

Приехав в Смоленск и едва освободившись от дорожного багажа, я поспешил в художественный музей. Мне не терпелось встретиться с моими земляками, хранителями смоленских художественных сокровищ, не терпелось поделиться с ними впечатлениями от увиденного в Новгороде. Там, в древнем, первородном городе России, не один час провел я возле величественного памятника «Тысячелетию России», автором которого был наш смолянин, знаменитый скульптор Михаил Осипович Микешин.

Бывая в Смоленске, я всякий раз напоминал местным работникам на ниве культуры об их большом долге перед памятью Микешина. Куда ж такое годится — на родине скульптора и вдруг нет ничего из богатейшего художественного наследия известного по всем городам и весям ваятеля! Микешина, автора киевского памятника Богдану Хмельницкому, петербургского Екатерине II, новгородского «Тысячелетия России»! Видно, не желают его считать своей гордостью земляки!.. Я думал: Микешин бы уж добился справедливости! Ведь не испугался он грозного окрика заказчика-царя, когда тот разгневался, что в проекте — «возмутители спокойствия» Пушкин, Гоголь, Лермонтов — представлены среди прочих славных созидателей России в дружеском единении. Не испугался! Добился своего! Из уважения к его мужеству, восхищенный дружбой трех гениев, так прекрасно выраженной в скульптуре, я снял шляпу и поклонился Пушкину, Гоголю и Лермонтову, изваянным Микешиным.

Смоленск должен обрести микешинские оригиналы! Он обязан знать все о своем благородном сыне! И я должен напоминать им об этом, помогать чем возможно, тормошить, когда нападет равнодушие и сонливость.

Вот с какими мыслями поднимался я по чугунным ступеням музея. Директора не оказалось; мы стали пока осматривать экспозицию.

Встреча с моими «детьми» — скульптурами, сработанными мной и десятилетия назад и совсем недавно,— была горькой. Словно монашки-чернавки, тихие, печальные стояли две мои деревянные статуи по темным углам. Мне вспомнились пышные слова благодарности за внимание к музею, щедро отпускаемые мне в Смоленске.

Кто ж кого обманывал?..

— За что скульптуры в такой немилости? — спрашиваю скромную музейную сотрудницу.

— Стыдятся, Сергей Тимофеевич.

— Чего стыдятся?

— Зрители скульптур обнаженных стыдятся...

Вот так оказия! Стыдятся красоты!

Так что ж выходит, специально для Смоленска должен я обряжать свои модели в посконные рубахи и холщовые штаны? И тогда выдвинут скульптуры на светлое место?

Но не ставят свечу под стол, а ставят свечу на стол!

Нет. Я уступать тоже не собирался! И как только директор музея оказался рядом, высказал ему все. Поспешность, с которой тот начал выполнять мои рекомендации, наводила на мысль: уж не сам ли директор застыдился да и свалил со своей больной головы на здоровую голову народа?

Факт этот своей наглядной прямотой осветил многие недоумения, испытанные в дни моего путешествия из Москвы в Михайловское.

Вот уж и прошло порядочно времени, а я не могу забыть суетливого равнодушия, сквозившего в каждом жесте, в каждом слове смоленского попечителя искусств. В этом — одна из бед. Ведь служение муз не терпит суеты. Не терпит невежества и равнодушия.

Конечно, не за тем, чтоб взыскивать за уродство, отправился я на старости лет в долгий путь. Но кто не знает, что, прежде чем подойти к роднику, нелишне вымостить к нему дорожку, чтобы не обронить дорожной грязи в светлый источник.

* * *

Ф. И. Шаляпин, делясь своими впечатлениями об Америке, говорил мне: «Всю Америку я проехал — черная». Емкое и точное слово нашел Шаляпин. Он духом учуял контраст природы Штатов со светлостью России, ее задушевной красотой... Неяркой, но бесконечно глубокой красотой наградила русскую землю природа. Характер этой природной красоты много веков назад разгадан русским народом. И вся культура долгие годы развивалась в органическом единении с природой. Человек брал у природы форму архитектуры и краски для живописных росписей, мотивы песен и хореографические композиции. Оттого и полнится от века к веку светом русская земля, какие бы утеснения и набеги ни касались ее своим смрадным дыханием.

Стремясь через приволжскую пойму, Валдай, разливы новгородских да псковских земель к Михайловскому, я отдыхал душой. По дороге довелось окунуться в океан народного труда. Я вышел из его пены обновленным, помолодевшим. Сердце тешила красота лесов и задумчивая тишина водной глади озер. Дух мой возвышали каменные совершенные храмы! — дар наших предков. И народные предания, каждое из них — незабвенное поэтическое произведение. Но в ту пору, когда мы смело прокладываем путь к совершенству, мало видеть только хорошее. Нельзя надвигать туманные очки при встрече с дурным. Вспоминается мне старая народная поговорка, меткостью мысли поражающая то самое зло, с которым я бы хотел бороться до конца: «Чей хлеб ешь, тех и песенки поешь...» Чей он, хлеб, питающий нас? Конечно же, народный. Всегда ли мы задаем себе этот коренной вопрос?

Трудом народа проложена через поля, леса, трясины и горы широкая лента автострады. Молодые березы и трепетные осинки выбежали полюбоваться делом рук человеческих. Красота да и только! Но вот громоздится среди этого живого мира каменная бутафория — ложноклассическая ротонда, под сводом которой хранятся многопудовые чугунные лавки прихотливой формы. Сиротливо и обиженно смотрит на этакую фантазию лес, недоумевает проезжий человек. Разве эта песенка спета для народа, на наш, русский лад?... И тут пошли причуды. Бетонные чучела медведей и оленей застыли у дороги. С какой стати? Что они означают? Может, это своеобразные дорожные знаки, дескать, в этом лесу водятся медведи? Но вот беда, в 40 километрах от Москвы уж давно нет медведей. А может, для украшения? Но такого рода муляжи, конечно же, не украшают, а только дезориентируют неразвитый вкус и вызывают чувство раздражения у человека, мало-мальски знакомого с искусством. Продолжать доказывать, что эти поделки не имеют смысла положительного, а их отрицательная роль весьма существенна, значит, ломиться в открытую дверь.

Так с чьего же голоса пелась эта пошлая песенка? С чужого! Повидали в Европах и Америках да и собезьянничали. Нетрудно догадаться, что «творили» лесные чудеса мои собратья по труду — скульпторы. Формовали трепетную глину без краски стыда на лице, не задумываясь, что идут против народных представлений о красивом в жизни. Они потакали дурному вкусу какого-то начальника, решившего «украсить» центральную автостраду. Они были уверены, что поступают по совести. Ведь хлеб-то им давал этот начальник. Значит, они обязаны были петь его песенки. И это не только прошлое. Так еще зачастую бывает,— а может статься, встретится и в будущем. Но с какой бы стороны ни получал художник хлеб свой насущный, он не имеет права забывать, что это **народный хлеб.** Любое наше создание — для народа, а не на потребу вкуса отдельного человека.

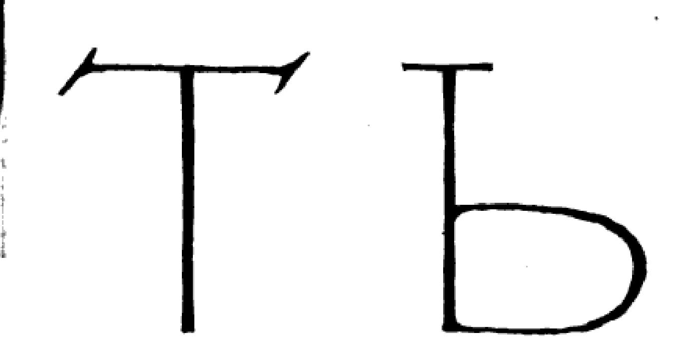
Такой взгляд на свой труд требует высокой человеческой принципиальности. Быть в русле народной традиции, работать для народа, значит, чтить и неустанно изучать высокие образцы народной культуры, равняться на эти образцы, постоянно заботиться о выращивании в себе художнической и человеческой индивидуальности. Традиции не могут развиваться без смелого новаторства. Но только тот может именовать себя художником, кто чувствует свою связь с жизнью, кто честен по отношению к народу.

Я придаю большое значение этой проблеме. Это узел, развязав его, искусство на всех участках коммунистической стройки найдет свое место. Успех общего дела — на пути возрастания высоких человеческих качеств.

В 1918 году я делал мемориальную доску в память первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Мемориальная доска сооружалась по инициативе В. И. Ленина. Владимир Ильич несколько раз интересовался ходом работы, помогал преодолевать многие материальные трудности, но не допускал вмешательства в творческие замыслы автора.

Можно предположить, что символика и аллегоричность, составившие

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

основу художественного решения мемориальной доски, в какой-то мере не удовлетворяли Владимира Ильича. Но ни прямо, ни косвенно я не слышал от него ни одного замечания. Духом высокого уважения к творчеству скульпторов проникнута вся деятельность В. И. Ленина в осуществлении плана монументальной пропаганды.

Перебирая в памяти сделанное в те годы, убеждаешься, что, несмотря на перехлестывавшую через край революционность всех наших поисков, мы были на верном, плодотворном пути. К его истокам мы в той или иной мере обращаемся и возвращаемся теперь, спустя сорок лет. Регламентация, ограничение стилевого многообразия искусства, ставшие нормой в период культа личности Сталина, привели к заметной потере вкуса во многих областях жизни.

Нет-нет да и оглядываться назад, соразмерять свои замыслы с высотами народной культуры, добиваться идеального созвучия содеянного руками и разумом человека с характером окружающей природы, с вековечными представлениями народа о прекрасном никогда нелишне.

На пути из Михайловского к Невелю, подъезжая к маленькому городку Пустошка, я убедился, что спасти путника от дождя может не только помпезная ротонда.

На двух столбах держится двухскатная крутая тесовая крыша. В два столба врезана доска-лавка. Проще, рациональней, прекраснее ничего и не придумаешь. На фоне высоченных могучих сосен особенно сказочно воспринимается четкий силуэт немудреного сооружения. Тот, кто его строил, смотрел в корень. В лесу проще всего строить из даров леса. И зачем ломать голову над каким-то особым архитектурным решением, когда такая вот островерхая крыша венчает дома местных жителей и старинные храмы... Она и здесь будет уместна. К дороге выходят мальчишки с берестяными лукошками, полными душистой земляники. Не в музее, а в жизни встретилась вдохновляющая красота.

* * *

Псковская земля. Мелколесье. Валуны. Голубые озерца льна. Пятнины созревающей ржи. Глядя на могучие камни, оставленные ледниками, вспоминается Васнецов, суровый пейзаж его богатырской заставы.

Псковская земля — воистину богатырская застава земли русской. Не раз здесь Россия встречала и достойно провожала врагов. Здесь шли суровые бои в сорок первом и в сорок четвертом. Памятники воинской славы... Гнев и стыд охватывают меня, когда я уже в который раз вижу одну и ту же рыхлую фигуру «воина», выкрашенную алюминиевой краской в кощунственный цвет — цвет начищенного двугривенного. Остается в памяти длинная шинель, омерзительный вырост на груди, изображающий букет цветов. Обобщение, монументальность, экспрессия, эпический характер памятника, связь с окружающим ландшафтом, высокие идеи, высказанные средствами пластики, где все это? Где угодно, только не на полях великого сражения за честь, за жизнь народа...

И сама жизнь народа требует, чтобы новые поколения знали о народном подвиге. Чтобы они своими глазами, сердцем своим видели бесстрашие героев. Чтобы люди, оказавшись здесь, всякий раз переживали трудную судьбу побед. Чтобы и духу деляческого равнодушия к памяти бойцов Родины не было по всем полям кровавых сеч... Слова «Родина вас не забудет» надо заставить загореться новым светом. Это — дело искусства. Нам, художникам, пора вернуться на поля сражений. Пусть заговорят седые камни-валуны — немые свидетели народного героизма. Пусть тревожат сердца четкие силуэты героев. Я провижу монументальные обелиски, холмы воинской славы на древней Псковской земле, на щедро политой кровью Калининской земле, на Смоленщине и под Новгородом.

* * *

Я стою на вершине Пушкинского холма, склонив голову перед величайшей национальной святыней — могилой А. С. Пушкина.

Отсюда далеко видно окрест. Находясь здесь, не только понимаешь, но и переживаешь сердцем века истории. Находясь здесь, пушкинскими глазами смотришь на мир, ко всему находя проникновенный, крупномасштабный подход. Красоту мира видишь по-пушкински емкой и величавой, без элегических затей.

Гений Пушкина всеобъемлющ. Там, где иному потребовалась бы целая жизнь на дотошные исследования, поэт провидел истину. И облекал свою догадку в столь высокую форму, что от десятилетия к десятилетию свет поэтического прозрения поднимался на недосягаемую высь, освещая самые дальние страны земли.

Несколько месяцев назад в Европе шумно обсуждалась очередная сенсация. Сальери отравил Моцарта. Чего же стоит этот любопытный научный изыск в сравнении с поэтическим доказательством Пушкина, в сравнении с открытой им вечной истиной: «Гений и злодейство две вещи несовместные». Не на этой ли формуле зиждется вся правда мира?!

В Святогорском монастыре среди экспонатов, связанных с историей могилы А. С. Пушкина, висит потемневший от времени фанерный квадратик: «Могила А. С. Пушкина заминирована. Входить нельзя! Старший лейтенант Старчеус». Фашистские изверги заминировали могилу гения. Они целили в самое сердце России. Наши пехотинцы и артиллеристы стремительно атаковали монастырь. Черный замысел остался неосуществленным. Саперы старшего лейтенанта Старчеуса разрядили мину. А посланный отступающими фашистами снаряд взорвался в двух метрах от места погребения поэта. Они старательно целили в сердце России. Они промахнулись. Но они не оставляют мечты о реванше. Они надеются на этот раз бить без промаха.

Вновь над миром клубятся черные тучи. Народы опасливо вглядываются в небо. Счетчики Гейгера потрескивают в руках лаборантов. В мире тревожно. Тревогой объята старая земля.

Невозможно было избежать войны на ранних ступенях развития человеческого общества. Возможно избавить мир от катастрофического столкновения в наши дни. Человечество далеко шагнуло вперед не только в создании ужасающего оружия. Оно в целом поднялось на неизмеримо высшую ступень развития. Оно стало гуманней, образованней, проницательней. Дружба народов, взаимный интерес к культуре, к техническим и научным достижениям близких соседей и народов, удаленных друг от друга на большие тысячи километров,— вот наша чудесная новь. Прошли те времена, когда воинственный король по прихоти своего самодурства вел на войну целый народ. Все чаще и решительней народы высказываются против войн и насилия.

Люди всей земли с восторгом и заботой следят за полетами первых космонавтов.

Русского Юрия Гагарина каждый народ по справедливости считает и своим сыном. А как же иначе! Он первый сын Земли, побывавший за пределами земной атмосферы. И во всех землях и странах люди со столь же редким единодушием, с искренним восхищением отнеслись к мужеству американца Джона Гленна.

Глядя на эти высокие примеры единения людей, я не могу молчаливо внимать мрачным прорицателям и маловерам. Я — с Пушкиным, который верил во времена грядущие, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

И мы верим. И делаем все от нас зависящее, чтобы это поскорее случилось. С верой в победу сил мира над темными силами войны мы трудимся и живем. Мы знаем, что многое можно сделать для приближения того часа, когда народы «в великую семью соединятся»,— приближения того часа средствами искусства и литературы, рождающими живой интерес простых людей разных стран друг к другу.

* * *

С Пушкинского холма видна вся Россия.

Сколько раз в переполненной жизненными заботами, хлопотливой и расторопной Москве я ловил себя на том, что мне тесно в просторной мастерской; что негде здесь повернуться и не хватает места для отхода, чтобы во всем объеме увидеть задуманное; и недостает каких-то совершенно необходимых новых деталей, чтобы взяться за большую новую работу! Не всегда и не для всех Москва именно такая гора, с которой все и вся видно. Я вижу и слышу, как те, кто серьезно, требовательно относится к своему творческому труду, едут за ответами на главные вопросы жизни в дальние дали, за тысячи километров от столицы. Один устремляется на Магнитку или в Братск, другой, пытаясь уйти на время от грохота будней, забивается в глухой медвежий угол. Я же давно стремился вот сюда, к пушкинским местам. Мне грезилось наяву, что выше, светлее, понятливей нет другого места в России.

Какую же мудрость явила слепая судьба, когда по воле сатрапов царя Пушкин пробыл в Михайловской ссылке два года. Где, как не здесь, должен был окончательно оформиться народный гений России!..

Строгая, истинно русская природа этого края безошибочно, как великий мастер, огранила несравненный пушкинский талант, придав ему все высшие свойства поэта национального. Где, как не в тиши михайловских лесов, мог поэт расстаться с пестротой впечатлений от юга, от столиц, от сутолоки светской жизни!

В крестьянской рубахе разгуливал Пушкин по ярмарке села Петровское. Здесь он духом почуял, на каких дрожжах поднимается народный бунт, народное противодействие насильникам и утеснителям. Здесь, в Святогорском монастыре, он воочию увидел Варлаама и Пимена. Здесь с поэтом — как ни с кем иным — доверительно и ярко заговорила история, и романтик, скромно потупив взор, уступил права небывалому реалисту-мыслителю, говорящему о целой жизни великого народа. Говорящему со всем народом — темным, забитым, но таящим в себе силу небывалую!.. Так мог говорить лишь тот, кто далеко видел. Кто мог одновременно слушать голоса давнего прошлого, бурного настоящего и загадочного будущего. Он это мог! Его слово вечно, оно нетленно, как душа народа.

Невозможно пересказать все множество мыслей, возбуждаемых в человеке живым памятником Пушкину — величественным, единственным в своем роде заповедником имени поэта. Ведь пример Пушкина вдохновляющ по сей день.

С двумя чемоданами книг приехал Пушкин в Михайловское. Покидая

отчий край, он увозил с собой девять подвод книг, накопленных за столь короткое время. Гений Пушкина не только дар божий, это энциклопедичность знаний. Это — глубокое постижение основ культуры общечеловеческой. Пример Пушкина показателен для сегодняшних писателей и поэтов.

* * *

Я стою на Пушкинском холме и не тороплюсь уйти отсюда. Как просторно здесь чувствам и мыслям! И каждое слово главного хранителя пушкинских реликвий в Михайловском Семена Степановича Гейченко вызывает рой ассоциаций, переполняет сердце гордостью и восторгом перед Пушкиным, перед русским народом, сохранившим в такой возвышенной чистоте поэтический «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Высокий, изумительной красоты холм, леса, поля и озера в округе, кажется, вобрали в себя все самые приметные, самые характерные черты русского пейзажа.

Острый конфликт Пушкина с официальной Россией продолжался до последнего дня жизни поэта. Но, стараясь похоронить самое имя Пушкина в глуши непроезжей Псковщины, как же они просчитались! Дворянин по рождению, Пушкин всем своим творчеством был так глубоко связан с народной жизнью, что попытка предать забвению имя поэта оказалась в итоге актом, способствующим полному соединению поэта с народом.

Вот кто пел народные песни!.. Вот кто никогда не грешил перед своей совестью. И сердце, в далекой юности завещанное этим милым местам, нашло здесь свой вечный приют. Его лира была неподкупна.

Мне противен всякий, именующий себя художником и готовый корысти ради на любую сделку с совестью, на приспособление своего таланта к так называемым нуждам дня. Я говорю не о темах и образах. Я говорю о той степени искренности и увлеченности, с какой мы относимся к этим нуждам.

Художник — это трудная доля. Так было в прошлом, так сейчас. Так будет и при коммунизме. Художник — это непрерывный труд. Это постоянная неудовлетворенность найденным, напряжение всех сил в стремлении увидеть и выразить что-то существенное. Художник — обязательно непреклонный борец... И сейчас молодежь идет в искусство трудным путем. Признанию таланта предшествуют годы суровых испытаний.

Как-то пришел ко мне за интервью молодой человек весьма респектабельного вида. Свой первый вопрос он начал с внушения в мой адрес — дескать, у нас в стране молодым художникам предоставлены все права, все возможности, что, мол, они входят в свое художническое бытие по ковровым дорожкам. Так и сказал: «по ковровым дорожкам»!

Меня очень рассердил этот, мягко говоря, наивный корреспондент. Какая чепуха! Да если они существуют (во что я не могу поверить), эти ковровые дорожки, то их давно пора убрать! Жизнь не прогулка по мостовой, не гладкий проспект, а труд. По ковровой дорожке шел через бетонное поле Внуковского аэродрома Юрий Гагарин, шел после того, как совершил небывалый подвиг во имя народа, во имя человечества.

А что может увидеть самый расталантливый юнец, шагающий по мягкой подстилке? Разве жизнь Пушкина, которого мы сегодня взяли в незримые собеседники, хотя бы отдаленно напоминает устланный коврами путь? Разве жизнь народа, выразителями мыслей и чувств которого призваны быть художники, бездумна и легка? Никогда!

* * *

Всему лучшему во мне я обязан народу. Его думы и чаяния стремился выражать я всю свою долгую жизнь. Богатством его культуры, самобытностью его образа жизни и мышления, поэтичностью его мировосприятия я был вскормлен. С любовью к народу я и вышел на арену жизни.

В наши дни у искусства еще более возвышенные цели. Но немыслимо даже приблизиться к их разрешению, не впустив в свое сердце все заботы, все радости жизни твоего народа.

По дороге к Пушкину я побывал на «Пролетарке» в Калинине.

«Пролетарка» — крупнейший в Европе текстильный комбинат. 12 500 рабочих. Десятки тысяч станков. 1,1 миллиона метров тканей ежедневно. «Пролетарка» — одна из старейших наших мануфактур. До революции здесь хозяйничали Морозовы.

Известный меценат, горячий покровитель русских художников и музыкантов, Савва Морозов мало чем отличался от других российских эксплуататоров. Скверные условия труда, штрафы, обсчет, нечеловеческие жилищные условия, использование детского труда — все это продолжалось десятилетиями. Побывав на «Пролетарке», я сердцем понял, кому надо в первую очередь быть благодарным за становление таланта Шаляпина, за поддержку блестящей плеяды русских живописцев и скульпторов. За все то, что на деньги, добытые руками текстильщиков, Савва Морозов сделал во славу национального искусства.

Война произвела на фабриках комбината великое опустошение. Фабричные корпуса стояли в развалинах. Руками рабочих комбинат был восстановлен и реконструирован. Их руками была снова одета вся страна. Какой великий смысл за скромными словами «руки рабочего»!

Ткацкая фабрика комбината. Я иду по длинному коридору. Шум станков нарастает. Просторный вестибюль. Широкие двери в ткацкий цех. И вот распахнулись эти двери. Протолкнувшись сквозь плотную звуковую завесу, мы входим в цех. Справа и слева, насколько хватает глаз, мерно вздымаются гудящие валы. Океан! Океан труда окружил и заставил подчиниться его могучей силе. Этой разумной стихией управляют молодые, красивые, полные жизненной энергии женщины. Беспредельность станков подчинена их золотым рукам. Каждая управляет целой колонией станков. Каким-то чудом ткачихи успевают отвечать на наши приветствия и на бегу обмениваются между собой только им понятными словами. Струи свежего воздуха вконец растрепали мои седины. Через пять минут я почувствовал, что пообвык здесь. И, состоя в роли созерцателя труда, я тем не менее испытывал чувство, сходное с азартом, какой приходит в час крестьянской страды, на молотьбе или жатве. Повсюду над станками пылят водяные форсунки. И не много надо ума, чтоб догадаться: и струи свежего воздуха и водяные брызги — для того, чтоб работницам легче дышалось, чтобы раньше времени не скрутила их усталость.

Конечно же, чуть позже мне все это не преминули объяснить. Каждый час 8-кратная смена воздуха, постоянная температура, кондиционная влажность. Все это говорит о внимании и заботе. Многое сделано стараниями местных механиков. Но не могу я не посетовать на нашу **высокую науку** за то, что до сих пор практически ничего не сделано, чтобы избавить текстильное производство от шума — тяжелого для слуха и нервной системы.

Пригляделся я к здешнему современному станку и понял: основа-то у него первозданная — части все те же, что в ручном ткацком станке, который бытовал в крестьянском доме. Но если деревянный крестьянский станок своим шумом не заглушал песен, распеваемых в часы работы, то шум мощных агрегатов заглушит даже крик человека.

Видимо, здесь не обойтись без большого открытия. Так открывайте же! Ищите, товарищи инженеры, изобретатели!..

Трудная работа ткачих, а они веселые. Каждый день приносит им новое, лучшее. Строятся новые дома. Дети подрастают и идут в ясли, детсад, школы. За хорошее человек труда умеет платить добром. И как же далеко ушли мы от прежней, лапотной России! Мне это еще понятнее, чем молодежи: тут одними цифрами ничего не объяснишь.

Перешли мы шумящий океан. Здесь потише. Можно задать вопрос и услышать ответ. Текстильщицы все молодые, все красавицы, как на подбор. Спрашиваю: что за материал ткете? Улыбаются во все лицо: «Стирай — носи!». Хорошо назвали. Ткань из лавсана, не мнется. Постирал — и носи. Вот чудесницы, калининские ткачихи!

Замигали красные лампочки высоко над станками. Пересменок. Одна живая река, минуя двери-ворота, втекает в ткацкий цех, другая навстречу идет, менее шумно и торопливо. На сегодня они свое дело сделали. Их усталые лица несут на себе печать особого рабочего достоинства. Я не могу уйти, не поблагодарив женщин-работниц за их святой труд. Я говорю им, что никто больше, чем текстильщицы, не делает для красоты, для здоровья, для жизни. Не возражают. Довольны.

— А ты что ж делаешь, хороший человек? — спрашивает пожилая женщина.

— Из глины, из мрамора фигуры делаю.

— А! Так ты лепило!..

Надо же так здорово сказать! Только и остается — подивиться этой находчивости. Лепило?! В самую точку попала!

Расставались с ткачихами трогательно. Чтоб сделать гостю приятное, они говорят: «Мы ведь вас знаем. Скульптуры ваши видели». И не мог я справиться с волнением. Обязательно найду и подарю им свою «Текстильщицу»!

Океан любви уношу с собой. Это запомнится навсегда!

* * *

Как же не помнить о них, калининских ткачихах! Как же не задуматься, еще и еще раз, над тем, какими средствами передать величие их труда, океанский разлив современного производства! Как не стремиться к тому, чтобы наши песни стали их любимыми песнями! Как не огорчаться тому, что на могилах их мужей и отцов мы, художники, еще ставим худосочные плоды бездарности и приспособленчества! Как не заботиться о том, чтобы все радости, все дары жизни в первую очередь шли к ним! О том, чтобы красавицы эти были одеты в лучшие наряды. Чтобы они были обладателями высокого вкуса. Чтобы радость, которую возбуждает искусство, стала их радостью!..

То, что я сказал, не ново. Такое отношение к человеку родилось вместе с Советской властью. Я хочу лишь еще раз подчеркнуть: для них мы не имеем права работать кое-как. Мы не имеем права одаривать их созданиями сомнительной ценности. Никаких суррогатов! Только лучшее. Только искреннее. Только рожденное в любви.

Такое отношение художников к своему труду ныне решительным образом определяет уровень народной культуры. С ростом культуры народа связаны многие надежды на будущее. А чтобы ждать добрых всходов, надо засевать ниву добрыми семенами. Бесхозяйственно отдавать художественные богатства под начало стыдливых администраторов, как это сделали в Смоленске. Везде и во всем пора заменять казенное радение умным, душевным, грамотным подходом. Казенщина — наш враг номер один.

Мне вспоминается прекрасный Псков. Его древние храмы, зеленые улицы, размах новостроек. Я еще и раньше знал о коротком, но плодотворном периоде жизни В. И. Ленина в Пскове. В весенние дни 1900 года Ленин был погружен в заботы по созданию газеты «Искра». Старожилы помнят, как приходил Ильич к вечеру на высокий крепостной вал у слияния реки Псковы с рекой Великой и подолгу стоял, наблюдая ледоход, раздумывая о великом половодье, способном обновить Россию. Славное это место!.. Я с трудом вскарабкался по крутому склону к ленинской площадке на стене. В Пскове-то об этой площадке мало кто знает. Дорога на крепостную стену в колдобинах и бурьяне. Нет никаких знаков, нет указателей. Подлинность мемориальной площадки под угрозой: крепостную стену перестраивают...

А на огромной городской площади стоит огромный монумент вождю. Не будем судить о достоинствах монумента. Но заметим, что казенщина сказала здесь свое слово. Площадь напоминает казарменный плац, а живое поэтическое место, связанное с пребыванием Ленина в Пскове, забыто. Дань любви к Ленину высказана пышно, но бездумно.

Не могу забыть, сколько радостного волнения пришлось испытать в непритязательном Торжке, где еще издалека привлекала внимание ме-

мориальная доска на одном из старых зданий. Кто из великих здесь жил, родился или умер? Оказывается, повод иной:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
И отправься налегке...

Прочел я известные строчки Пушкина. Под ними — объяснение: здесь проездом останавливался А. С. Пушкин в 1811, 1826, 1828, 1833, 1834 годах... Представилось, как замедляет бег перед трактиром Пожарского тройка почтовая, как упруго выпрыгивает на скрипучий снег энергичный, веселый человек, как он звенящим в морозном воздухе голосом на бегу что-то приказывает ямщику и взбегает по ступенькам крыльца. И в один из приездов, усаживаясь в карету, он со своей пушкинской непосредственностью, без запинки отчеканивает те слова, что теперь золотом горят на мраморной доске — единственной мраморной доске в этом скромном, трудолюбивом городке...

* * *

Слыхали ли вы, как кричат цапли, гнездящиеся по берегам озера Маленец? Слыхали ли вы тишину заречных далей, открывающихся с крутого берега Сороти? Сидели ли вы на скамье Онегина в старом Тригорском парке?

И в Тригорском парке, и в лугах у озера Маленец, и при взгляде на холм лесистый мне чудилось, что вместе со стихами Пушкина я слышу музыку Чайковского. Было высокое внутреннее согласие между поэзией и музыкой, рожденными двумя национальными гениями.

В Михайловском рождена Татьяна — самый светлый, самый задушевный образ пушкинской поэзии. Образ, в котором поэт высказал свою веру в моральное здоровье народа; образ, в котором Пушкин с присущей ему проницательностью нарисовал идеал для многих поколений русских людей. В музыкальной трактовке Чайковского Татьяна, не потеряв ни одной из черт своей чисто русской души, стала любимой и понятной всему миру.

По дороге в Михайловское я заехал на короткие два часа в гости к Чайковскому.

Я с волнением рассматриваю дирижерскую палочку композитора. С таким немудрящим жезлом в руках он появлялся на концертных эстрадах Европы и Америки, и по мановению этой волшебной палочки как дурной сон исчезла легенда о второсортности русской музыки. Исчезла, чтоб никогда уж не возродиться.

Чайковского чествовали в Париже и Лондоне. Его с дружеским восторгом встречала Злата Прага. Из всех композиторов только Моцарт испытал равную любовь самой западной славянской столицы. Кембридж избирает его доктором музыки. Появление Чайковского за океаном на десятилетия вперед завоевывает русской музыке неизменную любовь и признательность американского народа.

Вот с такой же самоотверженностью и душевным горением мы, художники, скульпторы, артисты, музыканты новой России, должны заботиться о всемирном распространении искусства, пробуждающего у людей земли чувства добрые — неистребимое желание отстоять жизнь, великие достижения человеческой культуры против посягательства на них мамоны империализма и войны.

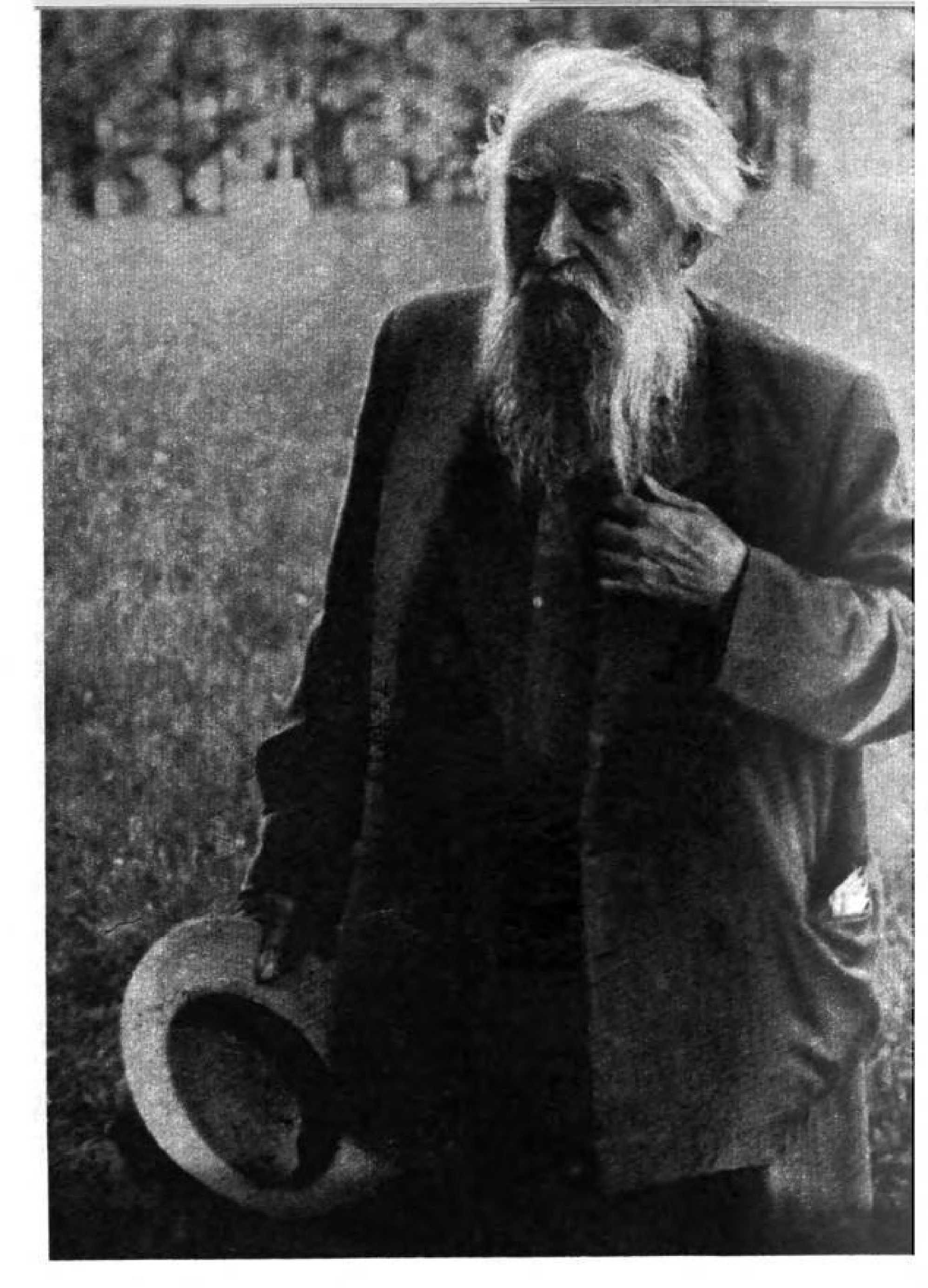
Меня привлекла в музее посмертная маска П. И. Чайковского. Тонкие, одухотворенные черты лица вызвали непреодолимое желание взяться за скульптурный портрет. Но получить маску нельзя — она существует в одном экземпляре. Вся сложность в том, что кто-то должен разрешить и подписать соответствующую бумагу. Как же такое может быть?..

Скажите, кто, кроме отчаянного невежды, примется лепить портрет великого музыканта, не имея перед глазами маски — этого безусловного документа и необходимого подспорья в работе? Широко распространены маски Бетховена и Льва Толстого, Пушкина и Гоголя. И почему я, скульптор, не могу получить маску Чайковского?!. Несмотря на свои восемьдесят восемь лет,— я уверен, что это был не последний мой приезд к Чайковскому! В книге отзывов поэтому я оставил просьбу работникам музея: исправить оплошность с маской. Рассчитываю получить слепок с маски при следующей встрече.

* * *

Покидая Калинин, я заехал в магазин «Сувениры» и приобрел там чудесные деревянные игрушки. Мне не раз приходилось слышать о них в Москве. Столичные коллекционеры высоко почитают эти живые деревянные фигурки. И как их не полюбить! Каждая боярышня или мо́лодец — со своим характером. Улыбчивые, умные игрушки. Творит их калининский мастер — ремесленник. Да нет же, разве он ремесленник? Он художник. Потому что всякое движение его ножа являет на свет любовь, теплоту душевную, понимание материала и уважение к древней народной традиции. Мастера этого, говорят, не очень-то ценят калининские командиры местной промышленности. То ли с «валом» он не справляется, то ли его индивидуальный почерк не по душе любителям стандартов: «одна игрушка на другую не похожа». А того не поймут, что мастер этот больше добра всем людям — а городу Калинину в первую голову — делает, чем десяток захудалых артелей, работающих по скучному стандарту. По-хорошему ценить надо такой талант, помогать ему во всем, учеников приставлять к нему!

В Москве калининская игрушка — редкость. А многие о ней мечтают. Надо дать ей ход и в столицу, и за границу, и в разные города... Много ли назовешь областных «столиц», из коих прихватишь с собой на память занятную вещицу? Как говорится, раз, два и обчелся! Киров с его неповторимыми дымковскими глиняными красавицами. Архангельск, где на рынке, может быть, достанете по случаю крашеный берестяной

С. Т. Коненков в Михайловском. Июль, 1962 год.

Фото В. Скобельцына.

туесок. Тула с ее гармонями, доживающими, к сожалению, свой век... Ну, от силы в пяти-шести городах найдешь желаемое... После Калинина на нашем пути были Вышний Волочек и Торжок, Валдай и Новгород, Псков и Витебск, Смоленск и Вязьма. И в каждом из них мы любопытствовали: нет ли чего местного? Такого, что в других краях не встречается? Но не было такого! В торговых местах с пышным названием «Сувениры» уныло стояли безликие предметы, красовались галантерейные товары да парфюмерия. А ведь пузырек одеколона проезжий в любой сельской лавке купит. Сувенир же — это подарок на память, вещь, связанная с воспоминаниями.

Вышний Волочек — город текстильщиков. А вот не нашлось сувенира — косынки небывалой красоты либо куска ткани с рисунком.

Славный на всю Россию своими портными да сапожниками, Торжок тоже не приготовил на этот случай сказочных черевичек. И колокольчик, дар Валдая, гремит только разве в народной песне.

Господин великий Новгород! От тебя-то, верно, уж можно ждать многого! Но и это ожидание оказалось напрасным. В городе, для которого туристы далеко не последняя статья дохода,— ни одного сувенира. Столь же скромными были и древний Псков, и Витебск, и Смоленск, и Вязьма. Нет и интересных, с хорошей фантазией выполненных сувениров, говорящих о нашей советской нови. И это особенно печально.

Я знаю, сувенир — не главное. Много у нас забот больших и серьезных. Много бед и трудных годин выпало на долю Родины. Но ведь люди труда одолели тяжелое разорение. Жизнь давно вошла в мирную колею. И пора, самое время задуматься над этими — неглавными делами.

У Лукоморья дуб зеленый. Могучий исполин живет века. Своими корнями он проник в самую глубь земли. Знакомый каждому из нас с детских лет сказочный дуб-великан существует не только как образ пушкинской фантазии. Вот он передо мной воочию. Когда-то, несколько сотен лет тому назад, упал на землю ядреный отборный желудь и дал жизнь чудесному исполину. Стоит исполин, а вокруг него колышется море цветов.

Подобно вековечному дубу, растет и развивается культура народа. Иногда живет трудно. В другие времена расцветает вовсю. Не нужно углубляться в неезженые земли, чтобы по верным приметам понять, каковы дела у нее сегодня. Она не таится.

Мысль и сердце

В. ВОРОНОВ

Нынешняя осень знаменательна датами: сорок пять лет Советской власти, первая годовщина XXII съезда партии, сто пятьдесят лет Отечественной войны 1812 года. В этих трех датах просвечивает смысл нашего времени. История никуда не уходит, ни в какую Лету; ее, эту мифическую реку, выдумали люди, которые боялись времени.

Журналы с любовью отметили 150-летие народной эпопеи. «Новый мир» вслед за статьей покойного академика Е. Тарле поместил «Тетрадь Александра Чичерина», офицера, участника войны. Начата тетрадь 6 сентября 1812 года (после Бородинской битвы, которая для девятнадцатилетнего Чичерина стала боевым крещением) и кончена 13 августа 1813 года, за три дня до смертельного ранения Чичерина в сражении под Кульмом.

В «Октябре» — публикация Э. Зайденшнур «Лев Толстой: Бородино и Кутузов». Здесь напечатаны интереснейшие отрывки из толстовских черновиков к «Войне и миру». Журнал «Юность» опубликовал неизвестные ранее или малоизвестные портреты участников Отечественной войны — будущих декабристов: П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, И. Якушкина, А. Бриггена... Статьи о двенадцатом годе — во всех журналах. Ленинградская «Звезда» напечатала маленький роман В. Пикуля «Париж на три часа». Он рассказывает об одном дне — 23 октября 1812 года, когда отступавший от Москвы Наполеон получил из Парижа страшное известие: столица его империи целых три часа принадлежала не ему, а другому, и там была объявлена республика. История неудачного заговора генерала Мале, старого республиканца, и легла в основу романа Валентина Пикуля.

Теперь о дне бегущем, сегодняшнем. Он составляет главную заботу писателей, литературы.

О нашем дне написаны сотни книг. Кажется, все уже было, все изобретения и находки. И рубленые фразы, и коренные рифмы, и динамичные миниатюры, и поиски экспрессивного стиля. Двадцатый век столько пробовал, испытывал, экспериментировал, что его трудно чем-либо удивить. До «алюминиевых аллей» Вознесенского были «галереи балерин» Асеева, за много лет до Евтушенко поэты рифмовали конечные созвучия «положа — палаша»... Об этом недавно напомнил Николай Ушаков в журнале «Дружба народов».

Но время не остановилось, оно требует нового слова.

Недавно, встретившись с молодыми московскими прозаиками, Леонид Леонов заговорил о том, как он представляет литературу сегодняшнего и завтрашнего дня. Литература будет очень емкой. Время сжимается до предела, теперешний год равен прежним десятилетиям. У современного человека напряженная духовная жизнь, он программируется, если можно так сказать, неизмеримо большим количеством знаний, чем раньше. И слово писателя уплотняется, становясь более весомым.

Такая литература достанется не только нашим потомкам. Она уже делается сегодня.

«Повесть о радисте Камушкине» — так просто, непритязательно назвал Конецкий свое небольшое произведение (журнал «Нева»).

Ночью на третьем этаже старого ленинградского дома, в одной из комнат обычной коммунальной квартиры, был совершен подвиг. Инвалид войны, тяжело раненный осколком в голову, Федор Иванович Камушкин принял на своем домашнем коротковолновом приемнике сигналы космической ракеты. Его попросили об этом по телефону, накануне — вежливо, настойчиво («очень плохо со связью. И сейчас начинают поиск все ваши коллеги-коротковолновики»), сообщили частоты. Федор Иванович сказал, что он не сможет работать.

И все-таки ночью Федор Иванович, превозмогая приступ болезни, принял сигналы ракеты. Он знал, что, если ему позвонили, значит, это очень нужно. Таков внешний сюжетный рисунок повести — об одном дне и ночи.

Еще с вечера после тяжелого дня (катастрофа на улице; какое-то скрытое горе в глазах приехавшей сестры; разнос, полученный на партийном собрании жилконторы за срыв политинформации) Федор Иванович ощутил приближение приступа, «чувство какой-то нереальности усиливалось».

Обрывками, но четко и явственно вспоминалась Федору Ивановичу вся его жизнь, полная трудов. Он тоже бывал счастлив. С той же ясностью, с какой воспаленный мозг Федора Ивановича восстанавливал картины былого, Виктор Конецкий изображает жизнь больного радиста.

Горение коммунистической веры пронизывает повесть Конецкого. Читая о жизни и раздумьях Федора Камушкина, невольно вспоминаешь только что вышедшую книгу национального героя иранского народа Хосрова Рузбеха «Сердце, вверченное бурям». Это речи Рузбеха перед военным трибуналом.

«Умирать в любом случае горько,— говорил Рузбех в последнем слове,— в особенности для тех, кто верит в свои идеи, чье сердце преисполнено надеждой на будущее, на светлое и сияющее будущее. Однако... если жизнь сохраняется ценой позора и посрамления, потерей чести, отказом от своих идей, своих заветных мечтаний и политических и социальных убеждений, смерть во сто крат благороднее».

Федор Иванович Камушкин не говорит таких слов в повести Виктора Конецкого. Но он идет на смертельный риск ради того же дела, за которое погиб Рузбех. Конецкий, как всегда, немногословен, он ищет в жизни героя такие минуты, когда раскрывается смысл жизни. На сложном переплетении духовного человеческого бытия и самого повседневного быта построена повесть: вот почему ее чистому звучанию не мешают будничные сценки коммунальной квартиры с испорченным водопроводным краном или собрания жилконторовской партийной организации, во главе которой стоит бывший прокурор Зыбунов, выгнанный с работы за перегибы, демагог и ханжа...

Сколько писали о маленьких русских городах! Совсем, кажется, недавно Солоухин прошел по владимирским проселкам и открыл целый мир поэзии. А «Новый мир» опять печатает очерковую повесть — на этот раз Е. Герасимова — «Шелковый город». Одна из глав ее называется «Дебри Подмосковья». Конечно, автор шутит, но кто знал о Красноборске два месяца назад! А там есть шелковый комбинат, там живут горячие, работящие люди...

Мы часто рассуждаем о темах главных и второстепенных. Автор «Шелкового города», старый журналист, признается, что те самые житейские мелочи, которые обычно не находят места на газетных полосах, занимают важное место в жизни. Подробности быта Красноборска, неторопливые беседы с его жителями — самое ценное в повести Е. Герасимова.

«Шелковый город» продолжает традицию «Нового мира», публиковавшего в свое время «Районные будни» В. Овечкина, «Деревенский дневник» Е. Дороша и уже упоминавшиеся «Владимирские проселки» В. Солоухина.

Да, кажется, все было. Например, можно составить целую библиотеку из книг о первой любви. А жизнь неистощима. Повесть Василия Рослякова (в журнале «Москва») «Обыкновенная история» — тоже о первой любви. Лена Гордеева, орловская девчонка, уехала в Сибирь строить алюминиевый комбинат. Дома остался ее любимый парень Сережка: ему надо было кончить художественное училище. Лена и Сережа переписывались; они писали друг другу, конечно, о любви. Росляков и выбрал жанр: повесть в письмах. Письма прекрасные, до боли волнующие: вот так умеют любить наши ребята в середине XX века.

И — неожиданный конец. Через четыре года автор снова встречается с Леной, но муж у нее не Сережа, а другой. Она вышла за Юрия, который был в числе неисправимых пьяниц и хулиганов (он грозил и убить Лену, если та не согласится стать его женой). Девушка пожертвовала своей первой любовью, чтобы сделать из Юрия человека. Юрий стал человеком. Но счастлива ли Лена? Она уверяет, что счастлива. И писатель уверяет, что она счастлива, что «эта любовь победила ту. Потому что эта, Юркина, любовь сложилась в муках, сложилась тут, где складываются судьбы, где добывается хлеб насущный...».

А я не верю — ни писателю, ни Лене,— что она счастлива. Я вижу, как она сначала «молча, безразлично, как бы не узнавая», смотрела вниз, потом «набирала воздуху, всхлипывала, улыбалась, опять плакала», что-то объясняла, спрашивала: «Может, вы подумаете, что я несчастлива?» Я вижу ее «хрупкую, жалкую» улыбку. Автор показал Лену в «ослепительном свете беспощадного летнего дня» и зря начал ее оправдывать. Жизненный материал, изображенный талантливо, оказался сильнее писателя.

Литераторы ищут в прошлом истоки сегодняшних дел и характеров, осмысливая путь народа. История не любит забывчивых.

Ефим Пермитин продолжает работу над тетралогией о судьбах русских людей двадцатого столетия. В «Москве» опубликована вторая книга тетралогии — «Первая любовь». Алексей Рокотов, ее главный герой, уже выходит в самостоятельную жизнь... Действие второй книги доведено до 1914 года. Впереди еще две книги тетралогии.

«Москва» напечатала и большую поэму уральца Бориса Ручьева «Любава» — о весне первых пятилеток, когда тысячи людей двинулись в тайгу, в степь, в горы, чтобы построить там заводы, комбинаты, города. Что двигало теми людьми? Ручьев рассказал о деревенском парне Егоре, бригадире бетонщиков на строительстве гиганта у горы Магнитной.

Поэт нашел сложный языковый сплав, чтобы устами Егора поведать о стройке, о трудном быте строителей, мечтавших о будущем... Незабываема первая свадьба в городе, где горсовет еще ютился в тесовой времянке, где не было загсов или дворцов бракосочетаний...

Последняя глава — свадьба и описание борьбы с ураганом,— пожалуй, самая сильная в поэме. Ручьев показал, как люди находят «державную ось» в жизни, как «отныне всерьез, как в бою,— душу Партия в нас понимала, принимала нас в долю свою».

Почти десятилетие отделяет события ручьевской «Любавы» от действия повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики» (журнал «Юность»). Герои Балтера — почти ровесники Федора Камушкина: они родились годом раньше, в 1918 году. Но только один из них дожил до наших дней, Владимир Белов. От его имени и повествует книга. Двое других, Виктор Аникин и Александр Кригер, погибли; первый — под Ново-

Ржевом в июле сорок первого года, второй — в пятьдесят втором году, в тюрьме, вместе с другими видными врачами.

Это книга о юношеской романтике, о приморском городе, о мальчишках - десятиклассниках, которые через три-четыре года после школы вступили в войну с фашизмом. Они завидовали отцам, которые делали революцию; они считали, что родились слишком поздно. Они не знали, что на их долю выпала война. Они мечтали о будущем, мечтали стать врачами, летчиками, моряками. Это были высокие мечты. Жизнь рассудила по-своему. И все-таки в столкновении с действительностью победила мечта. Это определило поэтический контекст повести. Ее настроение создается рассказчиком, которому уже за сорок, он прошел две войны, был не раз ранен, потерял многих друзей, но не утерял веры в коммунистические идеалы. Внешне спокойное повествование не раз прорывается взволнованными лирическими отступлениями рассказчика.

К. Паустовский пишет о Балтере: «В его взвешенной, отобранной живой прозе видна сила глубокого убеждения, сила мысли, сила своего взгляда на жизнь».

Балтер знакомит с обликом молодых советских людей середины тридцатых годов. Дыхание культа Сталина только коснулось их в то время. Они полны веры.

В недавно вышедшей книжке Роже Гароди «Ответ Жан-Полю Сартру» приведены такие слова Сартра о французской молодежи: «Идя от одной уступки к другой, мы узнали лишь одно: нашу полную беспомощность. Мы столько раз изменяли нашей молодежи... Нам больше нечего сказать молодым людям...»

Нам есть что сказать молодым людям. Вопреки всяким «отрицателям», которые готовы почти три десятилетия жизни народа красить одной черной краской. Повесть Бориса Балтера в этом разговоре имеет принципиальное значение.

Характер молодого современника занимает сейчас многих писателей, особенно младшего поколения. До недавнего времени они увлекались формой исповеди. Исповедь — всегда о времени и о себе. Подразумевалось, что если о себе, то и о времени. И все же о себе было больше, чем о времени. Двадцатитрехлетний художник Ромас из повести литовского писателя Юстинаса Марцинкявичюса «Сосна, которая смеялась» (журнал «Дружба народов») тоже много думал о том, как выразить переполнявшие его мысли и чувства. На долю самонадеянного парня выпали в то лето трудные испытания. И вот однажды Ромас понял, что он со своими мыслями и книгами накрыт стеклянным колпаком, сквозь который не проникают звуки и запахи жизни. Ромас захотел пробить этот стеклянный колпак. Молодой художник просит: «Разрешите мне первый раз в жизни не думать о себе. Надоело. Понимаете, когда рану часто щупают, она не заживает. Давайте о чем-нибудь другом»...

«Давайте о чем-нибудь другом». Очень важный для начинающих писателей вывод делает Марцинкявичюс. О другом — это о рабочих людях.

Повесть Марцинкявичюса адресована не только художникам, но и молодым литераторам: многие из них предпочитают верить только личному опыту, непосредственным впечатлениям, считая их единственно достоверными. Молодым часто недостает того чувства, которое заставило Ярослава Смелякова написать такие стихи о Постышеве: «Я не видал его ни разу, мне не случалось рядом быть, но твердо знаю, что обязан ему хоть строчку посвятить».

У нас уже есть примеры выхода молодых писателей к глубинным темам народной жизни. Насколько это трудно, свидетельствует подборка произведений украинских прозаиков в «Дружбе народов».

Олесь Гончар в теплом напутствии молодым пишет: «Лучшие их рассказы отличаются поэтичностью, правдивостью и красотой чувства. Молодые прозаики дорожат своей «непохожестью» на других, каждый старается ярче выявить свою творческую индивидуальность...»

Мы бы сказали: слишком дорожат, слишком заботятся о своей индивидуальности. И порой даже забывают о главном, ради чего пишут,— о жизни. Нарочитая заданность настроения отчетливо проступает, например, в рассказе Вл. Дрозда «Голубой пепел». Она воспринимается вне времени, эта история осиротевшего мальчика. Автора больше интересует психологическая игра, нежели социальные связи человека, многозначительные детали с голубым пеплом, с каменным солдатом...

А ведь задачи, которые придется решать писателям, велики. Здесь не обойтись непосредственным личным опытом, придется обратиться к опыту народному. Не о том ли говорит работа старших товарищей, романы и повести Даниила Гранина, Вадима Кожевникова, Бориса Полевого, публикуемые в последних номерах журналов? Не о том ли говорит и опыт писателей прошлого?

К сожалению, нет возможности подробно говорить о романе С. Гуськова «Союз одержимых» (журнал «Молодая гвардия»). Там все правильно: грамотно расставлены персонажи, автор здраво оперирует светом и тенью. Секретарю горкома комсомола, карьеристу Врягову противостоит второй секретарь, Тоня Ковалева; на глазах читателей растет демобилизованный из армии Андрей Никитин; с должной дозой юмора выписаны «три кита» — Дашевский, Трезубов, Лимитин,— от которых зависели результаты голосования на бюро. Роман, конечно, кончается посрамлением Врягова, победой Никитина и Ковалевой, а упрямая Лида Круглова, которая абсолютно уверена, что без нее Андрею Никитину «не жить», что он «сам к ней придет», завершает все лирические линии сюжета. Есть в книге и «тяжелый локон», падающий на «смуглый лоб», и дыхание, которое стесняет грудь, и «тоненькая, вытянутая в струнку, полная трепетного ожидания» девушка...

У физиков заряженная частица, пролетая вблизи ядра, переводит его в возбужденное состояние. У литераторов это случается, к сожалению, не всегда. Роман «Союз одержимых» не возбуждает ни мысли, ни чувства. Потому что написан он приблизительно — характеристики, конфликты, диалоги — все правильно, но все приблизительно.

А время требует иного, точного, слова. Очевидно, его найдет писатель, владеющий и мастерством и социальным опытом народа. Достаточно вспомнить Шолохова и Твардовского. Здесь возможны и более скромные масштабы. Например, поэма Н. Коржавина в «Молодой гвардии» «Рождение века», посвященная Карлу Либкнехту, выступившему против войны 1914 года. Поэма построена на контрасте между мнимым благополучием Европы конца XIX века и готовящейся мировой бойней. «Самым чутким ушам уже слышится смех сатаны». Поэма Коржавина о том, как становятся возможны войны.

Это слишком еще не история.
Это свежая рана,
что в душах поныне жива.
В лагерях еще целы развалины крематориев,
В Бабьем Яре
густая и жирная
всходит трава...

Свободно, раскованно владеет материалом и мастерством Леонид Мартынов; отсюда удача его новых стихов в сентябрьском номере «Знамени». И вот еще один пример — путевая повесть «Японцы» в журнале «Москва».

Повесть сделана в форме интересного, острого диалога двух авторов: писателя Н. Михайлова, известного географа-экономиста, и доктора медицинских наук З. Косенко, врача-психиатра.

В динамичной композиции передан стремительный темп жизни современной Японии.

Повести, романы, поэмы — о прошлом, о настоящем. По существу, о том, с каким нравственным запасом люди идут в будущее.

Ленин однажды высмеял Михайловского, утверждавшего бесстрастие в поисках научной мысли. Мы действительно знаем законы развития общества, но разве коммунисты — бесплотные манекены с холодной кровью? Нет же! Время больших дел, больших страстей — наше время.

И потребуется много сердца, чтобы создать литературу, достойную нашего времени, чтобы построить жизнь, единственно достойную человека.

Ян ПИЛАРЖ

Воспоминания

НА ПЕРЕСАДОЧНОЙ СТАНЦИИ

На перекрестке
у пересадочной станции
запах липы вскружил мою голову.
Ах, как липы той весною цвели!
Танцевали под музыку девчата и парни,
и круговое вращенье Земли
передавалось танцующим парам.

Начинался медленный танец,
не стояли на месте ноги,
молодые руки переплетались,
и в этот вечер не было одиноких.
Мы стояли на перекрестке,
мы глядели на праздничную Прагу,
мы стояли на перекрестке,
выбирая свою дорогу,
а дороги мчались в весну,
и в цветущих липах был каждый сквер.
Мы учились называть свою страну —
ЧССР.

Сколько было красивых девчат в этот день,
как блестели глаза в эту ночь!
И, казалось,
Земли тяготенье
каждый мог превозмочь.
Запахом лип дышал человек,
и на каждой станции
люди делали пересадку
из старого века
в новый век.

СЕРЖАНТУ НИНЕ СЕМЕНОВОЙ

Столько лет ты покоишься в сердце
Остравы!
Высокие трубы дымят над головою твоей.
Ты упала под пулей в зеленые травы,
и земля обняла тебя,
как и многих своих сыновей.

Роняет боярышник тяжелые белые шапки,
а в боярышнике хлопочут дрозды.
И трубят в свои трубы заводы и шахты,
заглушая голос военной трубы.

Сколько лет миновало, а земля все гудит.
Поднимается к небу
памятника остриё.
И чешское сердце бьется в твоей груди,
а земля всё помнит объятье твое.

Никогда не смотрел я в твои глаза,
имя на граните произношу по складам.
И шепчу и шепчу:
— Нет, больше нельзя
падать под пулями
вам, таким молодым.

Перевел с чешского
Станислав КУНЯЕВ.

«ВОТ ОНИ, НОВЫЕ ЛЮДИ!»

Это был ничем не примечательный день. Художник сидел в деревенском клубе, где знал каждую скамейку и каждый гвоздь: он вел здесь театральный кружок и был одновременно декоратором, режиссером и актером. Шло обычное собрание. На эстраде очередной оратор говорил о международном положении. Художник рассеянно слушал и вдруг удивленно поднял голову: человек говорил так талантливо, так искренне, так здорово!..

— Кто этот оратор? — спросил он соседа.

— Да это крестьянин из соседней деревни.

Второй оратор поразил еще больше.

— А это кто?

— А это столяр из экономии.

«Вот они,— подумал художник,— новые люди! А что, если написать их?»

Художник созвал людей, выступавших во время собрания, и попросил их позировать. Те охотно согласились. И, минуя этюды, художник вписал своих действующих лиц прямо в картину... Простая сцена. Декорации. Четверо усталых, озабоченных людей сидят на скамейках. Пятый произносит речь, глядя со сцены прямо на нас, словно мы вместе с художником сидим в зале.

Так же просто художник назвал картину: «Заседание сельской комячейки в театре, Медвенка, Курск. губ.». Под таким названием картина появилась в 1925 году на седьмой выставке АХРРа (Ассоциации художников революционной России).

Звали художника Ефим Михайлович Чепцов. К тому времени он был уже немолод. За плечами остались учеба, большие работы, путешествия по Европе, изучение старых мастеров. Трудно сейчас сказать, какое значение придавал сам автор маленькой жанровой картинке, написанной в деревенском клубе.

Значение же ее оказалось огромно. «Чепцов продумал, прочувствовал, любовно прощупал своих действующих лиц,— писал А. В. Луна…ский,— и дал необычайно привлекательный, в конце концов обобщенный, типичный образ еще несколько наивного политического оратора, восхищенного своей темой, восхищенного своей речью и ролью, почти самозабвенного, почти целиком отдающегося своей аудитории, немножко косолапого, вероятно, и мысли выражающего шершаво, но крепкого, уверенного, горящего самым высоким социальным чувством. Более или менее под стать к нему и его товарищи. И, стоя перед этой картиной, невольно говоришь себе: вот те, которые более всего способствовали победе революции, и невольно проникаешься любовью к этим людям, как после прочтения книги Фурманова».

«Проникаешься любовью к этим людям...» Это и есть важнейшая задача художника: показать человеку его современника, может быть, соседа, живущего с ним бок о бок,— и раскрыть в нем прекрасные черты, заставить понять и принять их, полюбить, и благодаря этому, может быть, переоценить и вновь передумать свой собственный жизненный путь и внести в него изменения, пусть сначала небольшие. И если бы существовали приборы, точно измеряющие влияние хороших картин на рост человеческого мужества, воли, вдохновения,— кто знает, какие бы цифры они показали? Сколько деятелей сельских ячеек, стоя перед картиной Чепцова, думали: «Воюешь, братишка? Ох, и трудно,— по себе знаю! А ты молодец — силушки не теряешь. И мне что-то, глядя на тебя, полегчало. Будь здоров, братишка!..»

Сколько девушек и молодых женщин раздумывали в 20-е годы перед картинами тогда еще совсем молодого художника Георгия Георгиевича Ряжского, вглядываясь в серьезные, красивые лица его «Печатницы», «Рабфаковки», «Председательницы» или «Делегатки»! Сколько своих дум они передумали перед ними: «Вот ты какая королева: делегатка... А ведь, наверное, трудно самой. И дом прибрать, и детишек, может, обмыть, и кофточку эту самую белую постирать да погладить, и сундук книг прочитать. Все успеваешь! И спуску себе не даешь. Вон какая ты умная, гордая да красивая. Вот я подумаю-подумаю, и тоже за книжки засяду, и тоже делегаткой на съезд пойду...»

И засаживались за книжки. И сами становились делегатками, рабфаковками, председательницами, и сами вели трамвай, читали доклады, поднимали в небеса самолеты. К этому толкала их жизнь, и в этом помогал им своими картинами художник Георгий Георгиевич Ряжский. Недаром он на Международной выставке в Париже в 1937 году получил за «Председательницу» и «Делегатку» большую золотую медаль.

...С каждым годом советский человек меняется. С каждым годом становится он мужественнее, закаленнее, радостней. И у каждой эпохи, у каждого десятилетия свой герой. То рабочий, добровольно ушедший в Красную гвардию; он заряжает винтовку, чтобы защитить революцию; или такой же рабочий, приехавший по зову партии в колхоз,— он ломает себе голову над еще малопонятными ему вопросами земли и хлеба, вооруженный одним лишь оружием — решимостью бороться до конца; то седобородый крестьянин, отвоевавший уже две войны, но все равно взявшийся за винтовку во вторую мировую; то это просто белокурая девчонка — она еще очень мало знает и умеет, но тысячи советских людей научили ее быть такой, какая она есть,— дерзкой и гордой, неустрашимой...

Художники внимательно смотрят на нас. Они подмечают в нас черты лучшие, еще не всегда оцененные нами самими. И отдают нам это лучшее в самых драгоценных для нас картинах — картинах о людях, о нас самих.

А. ЖУКОВА

Писателю Арнольду Цвейгу 75 лет.

СЕРЬЕЗНО, ЖИЗНЕРАДОСТНО

Стефан ГЕЙМ

— Что делаешь, делай серьезно. Когда я работаю, я работаю со всей серьезностью; когда отдыхаю — делаю это тоже серьезно.

Слова эти произносит звонким, ясным, почти юношеским голосом невысокий, изящного сложения человек, движущийся по комнате осторожными, нащупывающими шагами. У него твердые взгляды, и он предъявляет жесткие требования — миру, политикам, писателям, самому себе, прежде всего самому себе. Эти твердые взгляды он завоевывал для себя за всю долгую жизнь писателя и бойца, но это не застывшие взгляды; он не догматик; много лет он терпеливо выслушивал разные мнения, голоса, суждения; он также долго и настойчиво исправляет самого себя; но, признав что-либо правильным, он и действует соответственно, отдавая этой правде всего себя, не щадя никаких усилий...

«Что делаешь — делай всерьез!»

Так росли и его книги — монументальный цикл, который он сам назвал «Война белых людей», где каждая книга — циклопическая постройка, возведенная в разное время, отражающая разные этапы той войны; но к самому концу части мощного сооружения сопрягаются в единое целое — и вот уже словно натянут до отказа гигантский лук. Здесь не только история, но если даже это была бы только история, эпопея имела бы огромное значение. Здесь скорее широкая картина мира, захватывающая и волнующая читателя.

Но этот цикл не все. Рядом с ним стоят другие труды — отдельные романы, эссе, новеллы. В совокупности своей они принесли автору столько лавров, что дюжина его современников могла бы спокойно на них почивать и извлекать при этом пожизненную ренту. Невысокий, хрупкого сложения человек не желает успокаиваться на заслуженной славе, а что до ренты — он и вовсе к ней равнодушен.

Он работает.

* * *

Писателю, которому грозит потеря зрения, так же тяжело, как глохнущему музыканту. Меркнущее зрение должны заменить внутренний глаз и внутренний слух.

И все-таки как это невыразимо сложно — НЕ ВИДЕТЬ перед собой написанного слова; быть вынужденным заменять исписанную страницу памятью, вносить исправления в текст только после того, как секретарша его прочтет; только диктовать и уже никогда не писать самому; не просматривать, а только прослушивать написанное и по памяти знать, что надо прослушать еще и еще раз, чтобы исправить и улучшить!

И при всем том жестокие помехи эти не должны быть поводом для каких-либо скидок. Литература — суровое занятие; о книгах судят по тому, что в них написано и как это написано, а не по тому, насколько трудно было автору писать.

Трудности... Книги Арнольда Цвейга написаны зрячим человеком в самом глубоком значении этого слова. Зрение, которому поставила преграду помутневшая роговая оболочка, обратилось вовнутрь. И писатель видит, видит самое важное и существенное. Сидя в старом зеленом спортивном комбинезоне у старого, исцарапанного письменного стола или лежа на кушетке, Цвейг диктует, диктует каждое утро положенный «урок». И так возникают книги, так множатся его труды.

И всегда он видит и отчетливо знает все произведение в целом. Бывает, что задуманное откладывается в сторону по той или другой причине. Но в этом идейном, духовном хозяйстве не пропадает ничто. Приходит день — и с ним время начинать; настроение благоприятствует; тончайший мыслительный аппарат за нахмуренным лбом начинает искать, извлекать, выбирать из кладовой памяти и фантазии — и вот уже найдены первые связи, и все начинает двигаться, жить.

Это очень увлекательно — разговаривать с Арнольдом Цвейгом о методах, планах, проблемах писательской работы. Какая богатейшая сокровищница опыта, какая неистощимая готовность помочь, вплоть до мелочей!

* * *

«Что делаешь — делай серьезно»... Серьезно не значит важно, хмуро. Ничто так не чуждо Арнольду Цвейгу, как бюрократическая важность, хмурость, отсутствие чувства юмора, которые под видом дисциплины обосновались на наших широтах чуть ли не со времен Фридриха Вильгельма.

Наоборот. Несмотря на «библейский» возраст, этот человек обладает поразительной, я бы сказал, окрыленной жизнерадостностью. Сквозь толстые стекла очков, в которых переливается свет, чувствуешь улыбающиеся глаза. И то и дело видишь, как вздрагивают уголки красиво очерченного рта,— этот человек не пропустит ни одного тонкого намека, ни одной веселой остроты, ни одного забавного поворота в разговоре, чтобы не разразиться тем светлым, мимолетным, чуть ироническим смехом, говорящим о большой душевной доброте. Это смех понимания, хотя далеко не всегда прощения.

Чего Арнольд Цвейг не прощает?

Злобы, жестокости, угнетения. Арнольд Цвейг возвратился из Израиля на родину, в нашу Германскую Демократическую Республику, возвратился не потому, что мог ожидать от этого какие-либо преимущества для себя. Его произведения известны и признаны во всех странах, и пишет он для всего мира — гражданин мира в хорошем смысле этого слова. Он вернулся сюда потому, что здесь предчувствовал конец злобе, жестокости, угнетению; он хотел помочь тому, чтобы этот конец наступил быстрее; хотел участвовать в строительстве нового, справедливого, социалистического мира.

Эти воззрения определяют не только политическое лицо Арнольда Цвейга. Здесь лежат также корни и его понимания той основной гуманистической проблемы, которой посвящено его творчество,— проблемы жизни и смерти. Есть писатели с особым тяготением к теме смерти. У Цвейга все тяготеет к жизни. Даже там, где в его книгах люди умирают, Цвейг не мирится с этим; смерть для него — некая помеха, она бессмысленно обрывает человеческое творчество, которое могло быть продолжено. Одного близкого друга, умершего безвременно и бессмысленно, Цвейг сквозь слезы бранил у могилы: как смел он не беречь себя, не следить за собой?

Только живущий может что-либо дать людям. Поэтому Цвейг зовет: будем жизнерадостны, будем работать серьезно, но и серьезно отдыхать — это очень важно для сердечных сосудов.

* * *

Для своих друзей он лучший друг и критик. Но он не столь уж покладист с друзьями и имеет все права на это: ведь и к себе самому он предъявляет наивысшие требования.

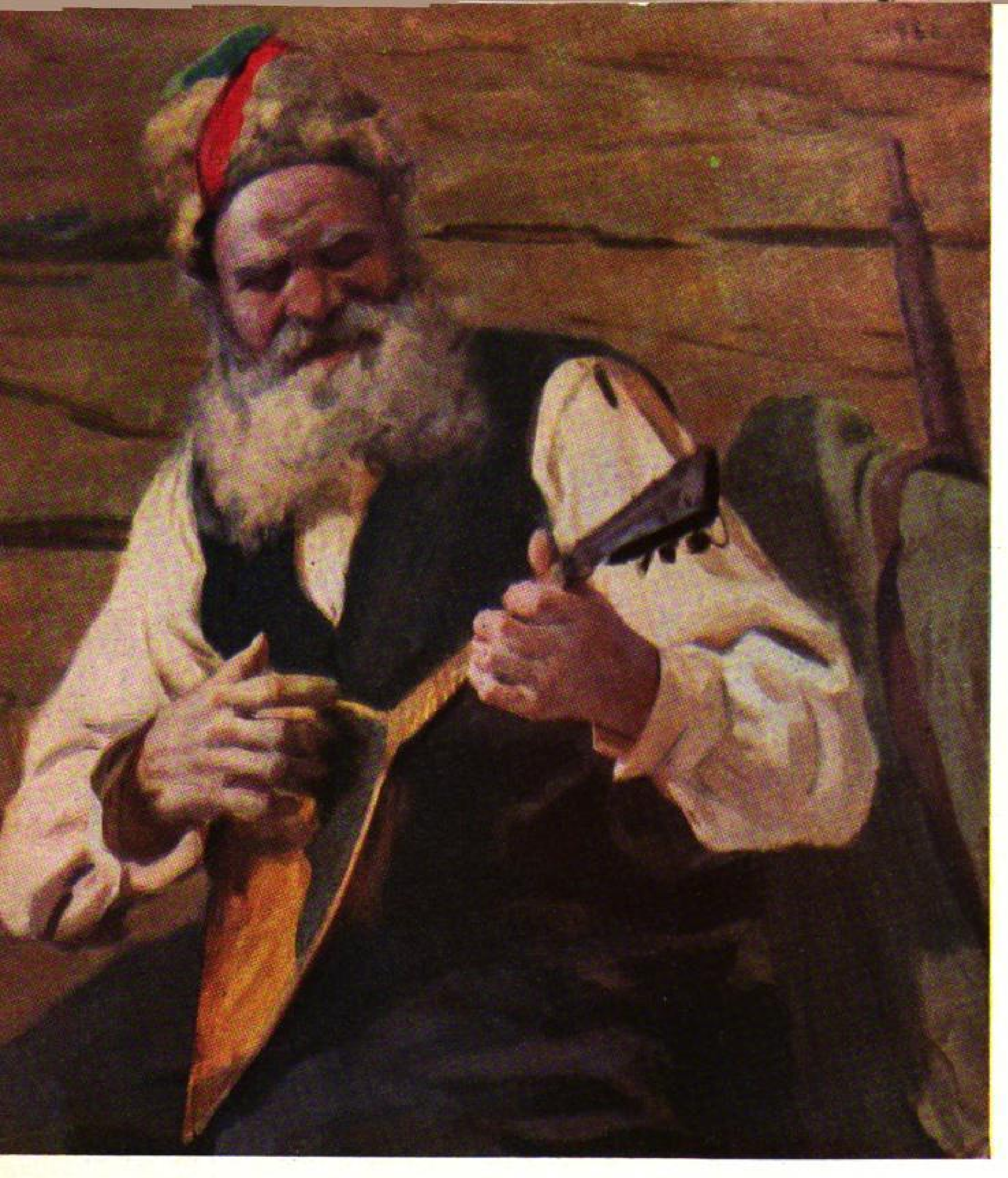
Всякий раз, когда он встает, чтобы начать говорить, чувствуешь, как возрастает напряжение слушателей. Все знают: сейчас будут излагаться не заранее сформулированные другими мнения, а прозвучит нечто глубоко и самостоятельно продуманное, и прозвучит в свойственной оратору индивидуальной манере. И как это звучит! С милой, доброй улыбкой высказывает Цвейг неотразимую правду и высказывает с такой силой, что впору расщепить атомное ядро. И, однажды сказанное, слово начинает воздействовать, приносить плоды — разумеется, добрые, ибо для этого оно и было сказано!

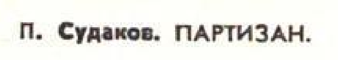
У этого хрупкого человека натура истинного бойца. Мысли и слова для него — меч и пламя, как в свое время для Генриха Гейне. Пусть же еще долго несет он для блага людей этот острый меч и это чистое пламя, все такой же улыбающийся, все такой же окрыляюще жизнерадостный!

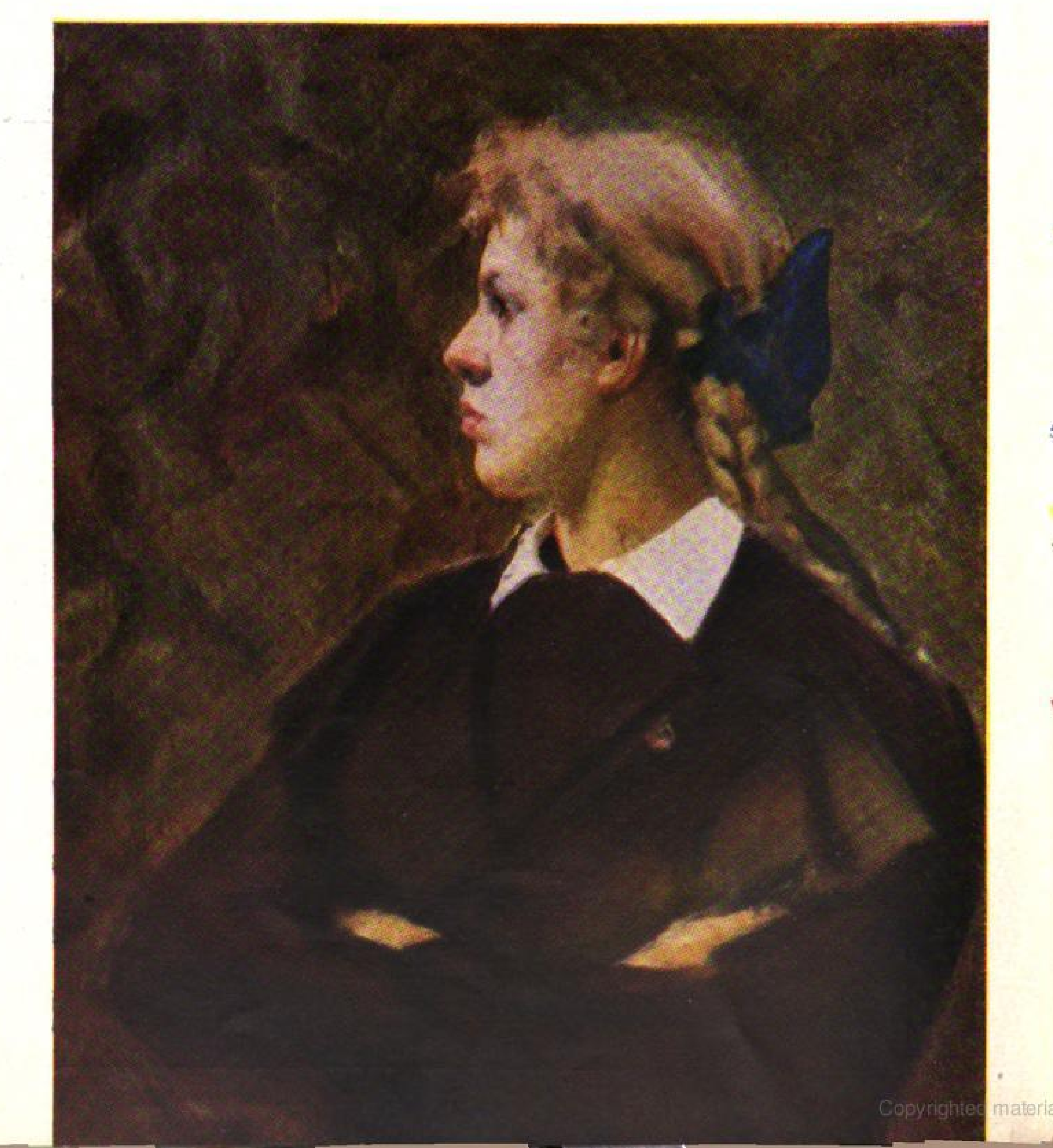

Е. Чепцов. ЗАСЕДАНИЕ СЕЛЬЯЧЕЙКИ. **Государственная Третьяковская галерея.**

Р. Галицкий. ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИК В ДЕРЕВНЕ. **Музей Революции СССР.**

П. **Судаков.** ПАРТИЗАН.

П. **Судаков.** КОМСОМОЛ.

Молчаливая служба

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

1

Алексею Кочерову исполнилось только шестнадцать лет, когда в отделении милиции уже был зафиксирован его первый привод. Попав под дурное влияние, он ступил на скользкую дорожку: «Жать там, где ты не сеял».

Много раз пытались сотрудники милиции вырвать подростка из грязных лап взрослых уголовников. Много раз настойчиво и терпеливо убеждали вернуться к честной жизни, но это не давало ре-

зультатов. Кочеров продолжал промышлять по чужим карманам.

Сейчас, когда с момента первого привода в отделение милиции прошло более десяти лет, трудно найти объяснение, почему этого подростка, выросшего в трудовой семье, в свое время не удалось вернуть на прямую дорогу.

Было ли тут равнодушие родителей, педагогов, комсомольской организации к судьбе парня? Или работники милиции не нашли доступа к его сердцу? Так или иначе, но подросток вымахал в омерзительного профессионального карманника.

Но, как говорят, год воруй, два воруй, а третий в яме сиди. Кочерова схватили с поличным и судили. Отбыв наказание, он вернулся в Ленинград и через короткое время снова сел на скамью подсудимых. Его отправили в исправительно-трудовую колонию. Через какой-то период, решив, что парень исправился, его досрочно выпустили на свободу.

Оформляя прописку в паспортном столе, он клятвенно обещал: «Буду жить честно». Ему помогли устроиться на работу. И сотрудникам уголовного розыска казалось, что еще одна заблудшая овца вернулась в стадо. Но, увы, вскоре выяснилось, что администрация исправительно-трудовой колонии явно поспешила с досрочным освобождением рецидивиста.

Кочерова вызвали в Управление уголовного розыска. Более часа беседовал с ним майор милиции. Убеждал, доказывал, требовал.

Потупив глаза, Кочеров буркнул:

— Клевещут на меня, начальник... Зря обижаете, я «завязал»...

Но майор чувствовал, что Кочеров лжет, петляет.

— Смотрите,— сказал он ему, прощаясь,— общество верит, что вы можете еще исправить ошибку. Но доверие обязывает. Будете и дальше рыться по чужим карманам, сумкам — поймаем и накажем. Строго накажем!

На какое-то время разговор подействовал. Казалось, Кочеров понял, что с ним не шутят.

— С работы — домой, из дома — на работу, больше никуда. Правда, частенько прихварывает... бюллетенит...— докладывали майору сотрудники.— И голова у него все время то на правом плече висит, то на левом. Как бы калекой не стал,— шутили они.

— Это плохо! Заяц и тени своей боится,— заметил майор.— О старом подумывает. Иначе зачем ему оглядываться?

И действительно, через некоторое время в отдел поступил сигнал: Кочеров вернулся к старым делам.

Майор вызвал старшего оперуполномоченного лейтенанта А. А. Быкова.

— Алексей Александрович, займитесь Кочеровым. Поймаем и будем судить. Я его предупредил.

2

По всему внешнему виду карманник — идеальное воплощение «наружности среднего человека». Его лицо словно сливается с серыми стенами домов, с асфальтом мостовых. Одеждой, походкой, манерами он не привлечет ничьего внимания. Он в полном смысле слова до противности умеет быть незаметным. И все же сотрудники уголовного розыска по десятку мельчайших деталей, знание которых составляет профессиональный секрет оперативной работы, обнаруживают преступника в самой густой толпе, как бы ловко он ни маскировался. Но обнаружить карманника — полдела. Чтобы предать его суду, надо непременно поймать с поличным, а это очень трудно и подчас опасно. Надо схватить вора за руку в то самое мгновение, когда он залез в чужой карман, в чужую сумку, в чужой портфель. Причем схватить так, чтобы тот не смог вытащить руки, пока в его попытке совершить кражу не убедились потерпевший и свидетели. Иначе может не быть достаточных доказательств.

Карманники, зная это, стараются действовать крайне осторожно. Вот почему если при расследовании других уголовных преступлений можно широко пользоваться помощью экспертов, достижениями физики, химии, бактериологии, рентгенологии, то в борьбе с вором-карманником единственные союзники милиции — наметанный глаз, чутье, сноровка, смелость, умение мгновенно найти выход из самой, казалось бы, безвыходной ситуации.

Майор не случайно вызвал для этого задания именно Алексея Быкова. В войну он был командиром отделения дивизионной разведки, и за образцовое выполнение опасных заданий командования в тылу противника его наградили двумя орденами Красной Звезды и несколькими боевыми медалями.

С Алексеем Быковым меня свел комиссар милиции третьего ранга Юрий Александрович Лукьянов.

...В просторный кабинет вошел невысокого роста, коренастый человек в темно-синем гражданском костюме. На трех пальцах левой руки ногти были почему-то иссиня-черными.

— Что с рукой? — спросил я, увидев, что Быков сжал пальцы в кулак и стыдливо спрятал руку за спину.

— Пустяки! — смущенно ответил Быков.— Автоматической дверью пальцы защемило.— Он неожиданно улыбнулся.— Понимаете, пол-остановки с зажатыми в дверях пальцами бежал за трамвайным вагоном...

— Расскажите...

Быков вопросительно посмотрел на комиссара. Тот незаметно кивнул: дескать, разрешаю.

...Это было 6 ноября, в канун праздника. На трамвайной остановке Быков заметил двух парней, повадки которых показались ему подозрительными. Он решил следовать за ними.

Народу полным-полно, висят на подножках. Протиснувшись кое-как в вагон, молодчики стали выискивать подходящую жертву. И едва трамвай набрал скорость, Быков заметил, что воры уже облюбовали сумку зазевавшейся домохозяйки. Нужно брать с поличным...

Цепляясь за поручни и не давая таким образом захлопнуться автоматическим дверям, Быков, прижав вора к людям, сгрудившимся у входа на площадку, громко крикнул: «Гражданка, у вас украли деньги!»

Пассажиры, в том числе и потерпевшая, оглянулись, но вор оказался опытным уголовником. Он понял, что, если его сейчас схватят, новый «срок» неизбежен. Надо попробовать вырваться из этого кольца. Вначале он попытался укусить лейтенанта за нос, однако промахнулся — укусил в щеку. Потом пришло более дерзкое решение — сбросить преследователя с подножки идущего на полном ходу трамвая, двери которого не были закрыты. Разгадав маневр преступника, Быков крепче схватился правой рукой за поручни, а левой за край двери. Но вор оказался физически сильнее. Изо всех сил он толкнул Быкова плечом. Быков вылетел из трамвая, двери закрылись, и его пальцы левой руки оказались зажатыми.

Дикая боль, но Быков сдержался и даже не закричал. Он знал, что вор как раз и рассчитывает на его крик. Крик отвлечет внимание пассажиров. Трамвай остановится, а он, воспользовавшись суматохой, улизнет.

С зажатыми в дверях пальцами, терпя невыносимую боль, бежал за трамваем лейтенант милиции. И только на остановке, когда двери раскрылись, он, едва не теряя сознание, высвободил затекшую руку из капкана. В этот момент карманник сделал последнюю попытку уйти, но раненый Быков навалился на него и сбил с ног.

Прибежавший к месту происшествия помощник Быкова ужаснулся:

— Что у тебя с пальцами?

— Смотри, чтобы другой не ушел, их двое,— приказал Быков.

В милицейском пикете, куда доставили задержанных, выяснилось, что это матерые бандиты. Несколько дней назад они прибыли в Ленинград из колонии.

...Придвинув к краю стола телефонный аппарат, Быков после оказания ему первой помощи доложил майору о том, как задержал бандитов. О ранении лейтенант умолчал.

— А теперь,— сказал он, держа на весу забинтованную руку,— думаю проехаться по маршруту шестого. Вчера там видели Кочерова...

Но в тот день встреча с Кочеро-

Андрей МАЛЫШКО

Прозрачность

Советская Украина, богатая талантами, родила и яркое, многоцветное дарование Андрея Самойловича Малышко, одного из замечательных певцов украинского народа. 14 ноября Андрею Малышко исполняется пятьдесят лет. Его творчество неистощимо, оно сильно неразрывной связью с делами народа, строящего коммунизм, с традициями поэтической культуры Украины. Обаяние и музыкальность Андрея Малышко общеизвестны: его песни поют по всей Советской стране; автора «Рушника» знают и за рубежом.

Разлука

В югославском Дубровнике, в ранней рани,
Над столетними плитами, как в Колизее,
Трамонтана свистит на широком Ядране
И качаются зори, как орхидеи.

И девчонок склоняются головы русые,
И ведутся с поэтами споры, дискуссии,
Реализм и романтика, речи с цитатами
И еще сотни «измов» — одна морока!

Только ты, любовь моя, там, за Карпатами,
Все звучишь и звучишь мне струной
одинокой.
Ах, куда тебя дали мои девали?
Всей надеждой тянусь к тебе, всей тоскою.

Ты, наверно, уснула на старом диване,
Положив мое сердце
Рядом с мокрой щекою.

Волны моря друг друга во тьме тасуют,
В мою сторону, яростные, несутся...
Нет, то руки твои обо мне тоскуют,
Ищут, ищут меня и о скалы бьются.

И сквозь плиты, гудящие древней славой,
И сквозь камни
под этой луною остылой
Пробивается голос твой
травкой слабой:
— Милый мой, не забыл меня?
Милый, милый...

Под какой бы звездой
ни прошел я
новою,
Голосок твой звучит
сиротливой нотою:
— Ты не мерзнешь там в свитере,
мой любимый?..
И летит он,
как слава чужая,
мимо.
Я не сплю и не ем,
и на сердце немо,
Как ребенка, в ночи
я его баюкаю.
Авионы[1] ревут,
и ночное небо
Рвут на части тоской и моею мукою.

Так сгорает молния вспышкой краткою,
Так подбитый птенец кричит в понизовье,
Так тревожная мать стоит над кроваткою,
Так тоскую один над своей любовью.

И надеюсь и жду.
Будет встреча — знаю —
С молодыми ветрами,
с большой звездою,
Ибо есть на свете
душа родная,
Что кладет мое сердце
Рядом с мокрой щекою...

---

[1] Авионы — самолеты (серб.).

* * *

Я не могу смотреть, как люди плачут,
Плечами содрогаясь безутешно,
Глотая и не в силах проглотить
Клубок печали... Слез не выношу,
Скупых и тайно выношенных в сердце,
В нужде, в разлуке, в горестной обиде.
Не выношу я этих тяжких слез!
Наверно, это оттого, что в детстве
Я их немало повидал; бывало,
В двенадцать глаз смотрели мы, ребята,
Как мать картошку чистила у печи,
А вдоль щеки ползла слеза скупая
И падала в картошку, а за нею
Ползла другая, но, ладонью стерта,
Еще горела долго на лице.
И вот теперь, как только я увижу
Такие ж слезы, затрясутся руки,

вым не состоялась. Она произошла позднее. Через месяц.

3

Не один день продолжался этот необычайный поединок. Несколько раз за это время встречал Кочерова Алексей Быков. Однако каждый раз преступник, инстинктивно угадывая, что за ним наблюдают, оставлял в покое чужие сумки и карманы. Отыскав в толпе замаскировавшегося лейтенанта, он кивком головы, с совершенно невинной улыбкой почтительно здоровался с ним и на первой же остановке покидал трамвай или автобус, отправляясь сразу домой.

Чтобы сбить милицию с толку, Кочеров решил на время изменить место своей обычной деятельности — городской транспорт. Он занялся магазинами. Ему казалось, что там обнаружить своих преследователей легче.

В одно дождливое воскресное утро Кочеров отправился в Гостиный двор. Пристроившись позади старушки, стоявшей в очереди, он, улучив подходящий момент, ловким, молниеносным движением вытащил из сумки деньги и поспешил ретироваться. И вдруг кто-то цепко схватил его за руку.

— Бабушка, у вас вытащили деньги! — закричал молодой человек, оказавшийся студентом Технологического института.

— Боже мой! Кто?

— Он!

— Какие деньги? — уверенно, с металлом в голосе, без тени беспокойства спросил Кочеров и посмотрел на пол.— Смотрите, уважаемые граждане, как мерзавцы честных людей грабят!

Дальше все разыгралось, как по сценарию. Люди в очереди, которые только что были готовы схватить Кочерова, увидели на полу лежащие веером вытащенные у старушки десятирублевки.

— Сам воруешь, молокосос,— возмущенно продолжал Кочеров,— а на честных людей тень наводишь.— И при всех влепил молодому человеку звонкую пощечину.

— Правильно! — закричали люди.— В милицию отправить мерзавца!

В отделении дежурный, спокойно выслушав рассказ Кочерова и свидетелей, студента слушать отказался.

— Все ясно, граждане, спасибо за помощь. Придется задержать...— А когда все ушли, неожиданно громко засмеялся. Студент даже подумал, не сошел ли сержант с ума.

Открыв дверь в соседнюю комнату, дежурный громко позвал:

— Можно, товарищ лейтенант!.. Ушли!

Вошедший в дежурную комнату человек в штатском протянул студенту руку.

— Старший оперуполномоченный уголовного розыска Алексей Быков. За хорошую общественную работу благодарю! А за срыв операции объявляю выговор.— И, глядя на недоумевающего молодого человека, добавил:— Субъект, которого вы пытались задержать,— крупный карманный вор. Он действительно обокрал старуху. Давно мы за ним гоняемся, и никак не удается схватить его с поличным. А не пойман — не вор, говорят судьи. Я ведь тоже был в магазине и наблюдал за ним. Ждал — положит деньги в карман, и я его у выхода возьму. А вы своей прытью все мне испортили и еще по щеке схлопотали. Во всяком случае, большое вам спасибо. В дальнейшем действуйте так же. Только не давайте карманнику выбросить похи-

Я сам не свой, и вся душа болит,
И хмурится, как в бедной нашей хате
Закуток тесный, где огонь пылает
И варится картошка в казане —
Посолена не солью, а слезою.

* * *

Ого, братки, понаписали книг,
Пустили их блуждать по белу свету,
Как беспризорных маленьких детей,
Как птиц, еще к полету не готовых,
Пускай, мол, набирают высоту
И сами ищут путь к людскому сердцу.

Одни из них, как беженцы, бредут
Толпою сирой под дождем осенним,
Другие, как бездомные сироты,
Слоняются под окнами чужими
И не находят места в сердце; третьи
Очки надели розовые на нос
И видят мир лишь розовым; и слезы,
И на лице морщины, и мозоли —
Для них все лаком розовым покрыто,
И даже свиньи розовые в хлеве
Над силосом из роз склоняют морды.
Весь этот лживый книжный суррогат
Для сердца — словно горькая отрава.

И лишь немногие из тысяч книг,
В которых строки сплетены из нервов,
Прибиты мýкою к листу бумаги
И пульсом сердца скреплены навеки,
Просты и строги в мудрости своей,
Живут с людьми.
Потерты переплеты,
Давным-давно зачитаны страницы,
Пропитаны табачным сизым дымом,
Как старые солдатские траншеи.

Приди ж, удача, в тихий дом ко мне,
Родись, моя единственная книга!

* * *

Пароход идет по крутой воде,
По синей воде, по весенней воде.
С кручи Шевченко глядит тоскливо,
Брови нахмурил он — быть беде!

А на пароходе гремит труба,
А на пароходе идет гульба.
Нейлоновые мальчики снуют, снуют,
Пластмассовые девочки в ладоши бьют.

А кто их строгал? А строгал их бог.
Был у бога рубанок, как видно, плох.
Наделал он брака много...
Жаль мне бога!

А возле капитана сидит женщина
В кирзовых сапогах.
Черный хлеб и яблоко перед нею —
Женщина завтракает.

Черный хлеб и яблоко маленькое
У нее на ладони.
В пыльном мареве, в шумном мареве
Женщина тонет.
Джаз бездумно, надсадно, маетно
Хрипит и стонет.

А нейлоновые мальчики снуют, снуют,
А пластмассовые девочки в ладоши бьют...

Баллада

Мой дядька Васюта — сама простота —
Ходил по земле за ветрами вдогонку.
Бородкой своей был похож на Христа,
Но — ему не в пример — любил самогонку.

Мог другу отдать сорочку с плеча,
За девками бегал — к чему тут амбиция?
В лице молодого Матюши Грача
Его уважала наша милиция.

Была его хатка совсем бедна,
Достатком не славилася богатым,
Зато приходилась сестрой луна
И тополь над речкою — сводным братом.

Имел он голос, как щедрый колос,
Да кожýх на плечах, да широкий пояс,
Да одну лишь ноченьку для расплаты,
Да партизанские три гранаты.

Покарали враги его карой лютой,
Породнилась петля с моим дядькой
Васютой.

И месяц стоял у его плеча,
И земля тянулась к его обидам...
И слезы лились у Матюши Грача,
Когда он с войны пришел инвалидом.

Авторизованный перевод с украинского
Льва СМИРНОВА.

Написано Евгением Пермяком

Евгению Андреевичу Пермяку—60 лет. На этой фотографии вы видите лишь часть книг, созданных писателем. Они лучше многих юбилейных речей говорят о творчестве талантливого романиста, сказочника и публициста. За заслуги в развитии советской литературы писатель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

щенное. А с Кочеровым мы еще встретимся. Сколько веревочке ни виться...

В пять часов вечера в субботу, во время очередного патрулирования, лейтенант неожиданно увидел Кочерова на остановке автобуса. В эти часы пик нагруженные свертками, сумками, сетками люди торопились домой. Кочеров, замешавшись в толпе, юркнул в автобус. Следом за ним немедленно вошел помощник Быкова. Кочеров не знал его в лицо. Быков же вскочил через переднюю дверь и тотчас пропал среди толпившихся у выхода пассажиров.

Автобус тронулся. Кочеров стал внимательно оглядывать каждого стоявшего рядом. Но это был не привычный осмотр карманника, выискивающего подходящую жертву. Это был прежде всего поиск озлобленного хищника, высматривающего охотника. Проехали более шести остановок, а Кочеров не проявлял пока никакого интереса к чужим карманам.

«Может быть, он просто едет по своим делам?» — усомнился Быков.

Но вот, придя к убеждению, что в автобусе нет ненавистных ему работников милиции, карманник решил действовать. Осторожно, словно невзначай, он протолкнулся к молодой женщине, державшей в руках заграничную сумку с замысловатым замком. Покупая билет, женщина на секунду приоткрыла сумку, и он скошенным глазом увидел, что там есть деньги. Выбрав удобную позицию, Кочеров ловко открыл замок и осторожно, словно хирург, погрузил внутрь свои длинные, как у пианиста, пальцы левой руки. Среди карманников Кочеров славился умением «брать» левой. Но в мгновение, когда он уже ощутил в пальцах гладкие новенькие купюры, случилось неожиданное: словно железные тиски, чужие руки схватили его за кисть, не давая возможности вытащить руку из сумки.

— Гражданка, в вашу сумку залез вор, смотрите! — услышал Кочеров громко сказанные слова.

Их произнес стоявший рядом человек, который до этого неотрывно смотрел в окно автобуса, словно боясь проехать нужную остановку. Одновременно Кочеров увидел знакомое лицо лейтенанта Быкова и понял, что засыпался безнадежно.

При обыске на квартире у Кочерова, в ящике кухонного стола, рядом с пакетиками круп, сахарного песка и другими продуктами, сотрудники уголовного розыска нашли пачку чистых листков — бюллетеней. Бюллетени эти Кочеров вытащил из чемодана участкового врача, спешившего на прием к больным. При помощи этих самых листков Кочеров оправдывал свои прогулы на работе. На одном из бюллетеней рукой Кочерова было написано: «Шестое декабря. Грипп. Режим постельный».

...Уголовный розыск справедливо называют «молчаливой службой». Благороден труд людей, посвятивших себя этой службе.

Рисунки В. Высоцкого.

РАССКАЗЫ О СПОРТСМЕНАХ

В ШУТКЕ — ДОЛЯ ПРАВДЫ

Л. БОРОДИНА

Рисунки В. Черникова.

Какую медаль она никогда не съест!

Лет семь назад Тамара Пресс увидела в кондитерском магазине шоколадные золотые медали и купила две штуки. На одной она вывела цифру «15», на другой — «49». Это были нормативы мастера спорта в толкании ядра и метании диска. «Если покажу эти результаты, съем медали»,— решила она. Что ж вы думаете? Показала! И съела!

Она купила новые медали. Написала на них уже более солидные цифры: «16» и «53». Превзошла, съела! Аппетит на цифры рос пропорционально съеденному шоколаду: «17» и «56» вывела спортсменка в 1957 году. Эти метры многим могли показаться астрономическими. Да и Тамаре пришлось ждать почти два года, пока она снова смогла полакомиться шоколадом.

Когда нынешней весной олимпийская чемпионка и рекордсменка мира рассказывала мне об этой занятной истории, то под большим секретом сообщила, что у нее лежат медали, на которых написано: «18» и «60». Но ровно через месяц после этого признания медали с цифрой «18» не стало: на соревнованиях в Лейпциге Тамара установила новый мировой рекорд — 18 метров 55 сантиметров. (Кстати, в Белграде на чемпионате Европы она повторила свой рекордный результат.)

Когда пришло сообщение об этом рекорде, я подумала: какую же медаль она никогда не съест?

Цена одной десятой

Как сбросить десятую долю секунды с лучшего результата в беге на 100 метров? Неужели не знаете? Откроем вам секрет: нужно съесть 7 кило витаминов. Это, конечно, шутка, но ведь недаром говорят, что во всякой шутке есть доля правды.

Четыре года тренировок потребовалось одному из наших сильнейших бегунов на короткие дистанции, киевлянину Леониду Бартеневу, чтобы довести свой результат с 10,3 до 10,2 секунды. Трудно измерить цену тех усилий, которые позволили Бартеневу сбросить эту десятую. Но несколько цифр все же дают представление об этом.

За четыре года Бартенев провел 785 тренировок, принял 576 стартов на соревнованиях. Только в среднем и быстром темпе Бартенев пробежал 7 тысяч километров. Одних прыжковых упражнений он выполнил 723 километра — почти расстояние от Киева до Москвы.

Упражняясь со штангой, он поднял 2 тысячи тонн. И, наконец, за четыре года он действительно съел те самые 7 200 граммов витаминов, с которых мы начали свой рассказ.

Может быть, именно это все учел другой спринтер — Эдвин Озолин? Так или иначе, но в борьбе с Бартеневым в Ташкенте на командном первенстве страны Озолин также пробежал 100 метров за 10,2 секунды, и так как его результат был в отличие от результата Бартенева зарегистрирован по всем правилам, он и стал всесоюзным рекордом.

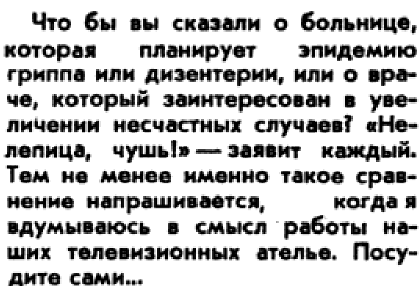
Виновата математика...

С югославским журналистом советская спортсменка Таисия Ченчик познакомилась за два дня до начала чемпионата Европы. Журналист посетил ее в тренировоч-

---

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ТЕЛЕВИДЕНИИ

ПЛАН... ПОЛОМОК

Что бы вы сказали о больнице, которая планирует эпидемию гриппа или дизентерии, или о враче, который заинтересован в увеличении несчастных случаев? «Нелепица, чушь!» — заявит каждый. Тем не менее именно такое сравнение напрашивается, когда я вдумываюсь в смысл работы наших телевизионных ателье. Посудите сами...

Ателье каждый месяц получает определенный план. Он слагается из количества гарантийных и платных ремонтов, подключений к телевизионным антеннам коллективного пользования, ремонтов и установок наружных индивидуальных антенн.

За невыполнение плана бьют. И тут получается курьез. Ведь нам же заведомо планируют количество платных ремонтов, то есть количество поломок телевизоров, которые непременно должны быть. Значит, хочешь не хочешь, а делай так, чтобы телевизор почаще болел. С другой стороны, с нас требуют качественного ремонта телевизоров. Если второе условие будет выполняться, то при этом станет меньше вызовов и непременно пострадает план. Вот почему на всех совещаниях, проводимых Телетрестом, никто никогда не жаловался на большое количество заявок. Зато жалобы и недовольства поступают от владельцев телевизоров, и относятся они прежде всего к послегарантийному обслуживанию.

На совещании, проходившем в «Огоньке», справедливо говорилось, что слишком дорого обходится и сам ремонт телевизора и вызов специалиста на дом и оставляет желать лучшего качество самого ремонта. Рассмотрим, например, такой случай.

Радиомеханик обнаружил неисправный ФОС в телевизоре «КВН». При этом дефекте установить неисправность других деталей и радиоламп подчас невозможно. Поставив новый ФОС, радиомеханик обнаружил, что радиолампа «Г-807» тоже имеет частичный брак и ее лучше заменить. Однако он ее не меняет. Почему? Да потому, что по существующей таксе оплата его работы не увеличится. Вот как это выглядит в деньгах:

Вызов и дефектовка ФОС — 1 р. 20 к.
Установка ФОС — 1 р. 40 к.
Стоимость ФОС — 5 р.
Стоимость лампы — 1 р. 50 к.
Итого — 9 р. 10 к.

Из этой шкалы видно, что работа по замене лампы проходит как бы впустую.

Если же лампу он заменит не сразу, тогда все равно через 5—10—25 дней она выйдет из строя. Тогда-то появится еще один наряд следующего содержания:

Вызов и дефектовка — 1 р. 20 к.
Замена лампы — 10 к.
Стоимость лампы — 1 р. 50 к.
Итого — 2 р. 80 к.

Итак, радиомеханику начисляется время за работу, а ателье получает еще лишних 1 рубль 30 копеек в план. Выгодно и ателье и механику. А владельцу телевизора? Вряд ли!

Далее. Сменив лампу «Г-807» и включив телевизор, радиомеханик обнаруживает на защитном стекле миллиметровый слой пыли и предлагает ее удалить. Владелец настораживается, его уже интересует стоимость работы. Оказывается, надо заплатить еще 1 рубль 30 копеек. «Многовато,— соображает владелец и отвечает: — Нет, пока потерплю...» — и мирится с тусклым изображением на экране.

Такая же картина наблюдается и с другими операциями ремонта телевизоров. Слов нет, ремонт обходится дорого.

Следовательно, существующая система оплаты труда в основе своей должна быть изменена. Можно предложить такой ее вариант: владелец вносит в месяц, квартал или год определенную абонементную плату (какую, подсчитают плановики), и в счет этой платы ему производится любой ремонт. Тогда владелец будет требовать устранения самого малейшего дефекта. Работа радиомеханика и ателье при этом оценивается по количеству работающих телевизоров, то есть чем меньше в ателье поступает заявок на ремонт, тем лучше оно работает, чем меньше заявок на участке радиомеханика, тем он лучше работает, и тогда радиомеханик

ном лагере и застал Ченчик за книгой. Он был поражен: книга оказалась учебником высшей математики.

А вторая встреча Таисии Ченчик с ее новым знакомым состоялась через несколько дней на приеме в честь окончания чемпионата Европы по легкой атлетике.

— Как мы за вас болели! Почему вы так неудачно прыгали? — спросил Таисию Ченчик журналист.

— Это трудно объяснить в двух словах...— ответила Ченчик.

— А я знаю почему,— хитро улыбаясь, ответил журналист.— Разрешите, я переведу вам кусочек из моего репортажа. «Когда мы спросили Ченчик, почему именно в Белграде она штудирует учебник высшей математики, она ответила: «Хочу вычислить, как мне победить Иоланду Балаш...» Видимо, расчет был неточен? Правда?

Ченчик рассмеялась:

— Нет, расчет мой точен: я хочу поступить в аспирантуру Московского энергетического института.

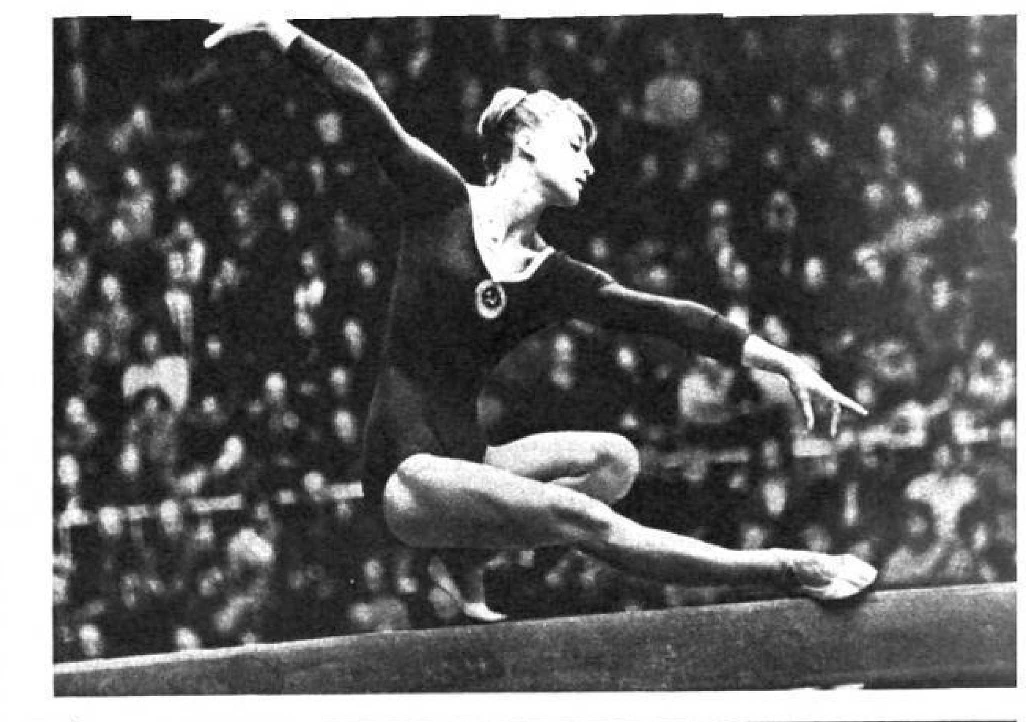

Разведка боем

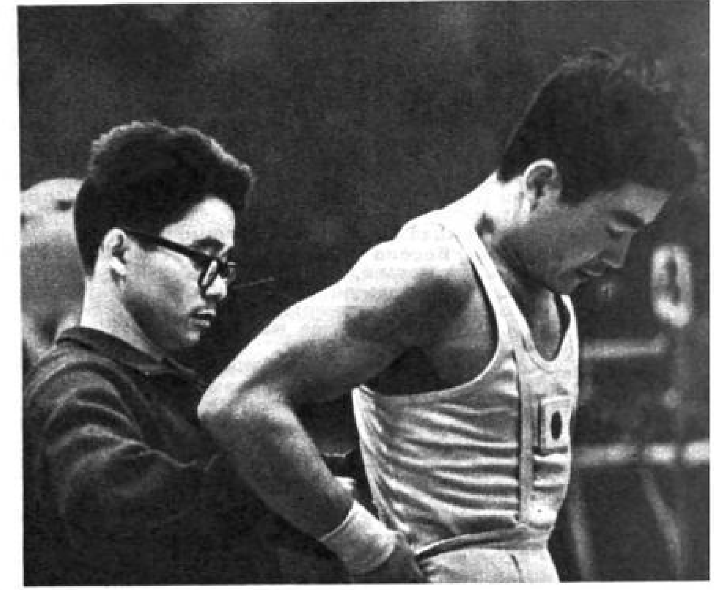
Есть такой военный термин — разведка боем, но он вполне применим и в спорте. Именно такова, видимо, была цель японских гимнастов. Они никогда не скрывали того, что учились мастерству у спортсменов СССР. Начав эту трудную учебу десять лет назад, на XV Олимпийских играх, они на XVII олимпиаде завоевали командное первенство среди мужчин. Недавно на чемпионате мира в Праге гимнасты Японии снова повторили свой римский успех. И вот теперь, готовясь к XVIII олимпиаде в Токио, они проверили свои возможности в трех встречах — в Ленинграде, Киеве и Москве.

Команда японских гимнастов, в которую включено несколько молодых спортсменов, уступила в Киеве первенство гимнастам СССР. В Москве было разыграно личное первенство по отдельным снарядам, и снова мы стали свидетелями яркой борьбы равных соперников. Так, например, в вольных упражнениях Э. Громов и Ю. Эндо поделили первое и второе места, с таким же результатом завершился поединок Т. Мицукури и В. Кердемелиди на коне, а соревнования на брусьях дали сразу четырех победителей — двух советских и двух японских. Л. Аркаев, В. Кердемелиди, Ю. Эндо и Т. Мицукури с трудом расположились на верхней ступени пьедестала почета...

У женщин снова, как и в Киеве, великолепным мастерством блеснула П. Астахова.

П. Астахова славится своим искусством в исполнении упражнений на одном из самых капризных гимнастических снарядов — бревне.

Самый молодой гимнаст японской команды М. Мацумото.

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина.

будет стремиться к наименьшему количеству вызовов.

Эта система имеет, по-моему, большие преимущества. Исчезнут возможности приписок, завышения стоимости ремонта, чаевых и визитов любителей частной практики. Сократится количество радиомехаников в каждом ателье. Самое же главное — улучшится качество телевизоров.

И еще об одной несуразности. Ведь не секрет, что в системе телевизионных ателье дипломированные радиомеханики насчитываются единицами, а кто в силу необходимости (по распределению) обязан в них работать, отслужив положенный срок и получив богатую практику, бегут в НИИ. Там ведь больше платят.

Устарела, на мой взгляд, система оплаты за гарантийное обслуживание. Завод — сборщик телевизоров, ассигнуя ателье по 6—8 рублей за каждый поступивший на гарантию приемник, фактически снял с себя и с завода-смежника всякую ответственность за его состояние в эксплуатации. Оплата же за гарантийное обслуживание должна производиться по фактическим затратам на каждый ремонт раздельно, то есть устранение дефектов, связанных с монтажом, оплачивает завод — сборщик телевизоров, а замену комплектующих узлов, деталей и радиоламп — завод-поставщик.

Б. РОСЛОВ,
главный инженер московского телеателье № 23.

15 тысяч оживших экранов

Нынче в семье праздник: глава семейства вернулся с работы и принес тщательно завернутый в бумагу кинескоп. Неделю назад, когда все смотрели новый фильм, экран телевизора, к великому огорчению детей и взрослых, внезапно погас...

А потом оказалось, что есть мастерская, где реставрируют кинескопы,— и вот трубка снова вмонтирована в телевизор, и все домашние с нетерпением ждут вечернего часа.

«Ремонт точных механизмов» — так называется комбинат Министерства местной промышленности Азербайджана. Именно тут три года назад была организована мастерская по восстановлению телевизионных электронно-лучевых трубок. Инициатор ее создания — радиотехник комбината Аркадий Николаевич Белубеков. Своей идеей он сумел заинтересовать группу молодых радиолюбителей и с их помощью оборудовал мастерскую. По поводу ее создания у некоторых работников Министерства местной промышленности вообще были серьезные сомнения: «Шутка ли сказать, реставрация кинескопов! Это ведь не электроплитки или утюги чинить. Понадобится оборудование, как для хорошего цеха электролампового завода».

Однако энтузиасты рассеяли сомнения скептиков. Оборудование, правда, оказалось довольно сложным, но большинство аппаратов и станков было смонтировано руками работников мастерской. Конечно, такие агрегаты, как вакуум-насосы, создающие в кинескопе межпланетную пустоту, мастерская получила от Ленинградского совнархоза. Зато систему программного управления процессом откачки воздуха из баллонов кинескопа в мастерской придумали сами. Ее смонтировали из старых контрольных самопишущих приборов.

В первый же год своего существования мастерская восстановила для бакинских телезрителей около 5 тысяч электронно-лучевых трубок. Весть о таком уникальном в ту пору предприятии стала проникать и в другие города. Посыпались письма. Одни — от несчастливцев, у которых кинескоп телевизора не выдержал даже гарантийного срока, другие — от работников местной промышленности Ленинграда, Минска, Ростова. Эти просили об одном — позвольте приехать, изучить на месте опыт реставрации кинескопов.

А опыт бакинцев действительно заслуживает изучения. За три года бакинская мастерская реставрировала для жителей многих городов 15 тысяч электронно-лучевых трубок. Давая гарантию, такую же, как электроламповые предприятия страны, она предлагает фактически новый кинескоп за треть его розничной цены.

По опыту бакинцев подобные мастерские созданы в Ленинграде, Львове, Минске. Организуют их сейчас в Новосибирске, Ростове и Грозном. Появление их повсюду будет встречено с радостью. Ведь не секрет, что тысячи телевизоров бездействуют из-за отсутствия кинескопов. А новую трубку найти в магазинах большинства городов не так-то просто.

Со всего Апшерона, с острова имени Артема и знаменитых Нефтяных Камней везут испорченные кинескопы в бакинские Черемушки. Так называется у нас верхний район города, где в одном из новых домов по проспекту имени Нариманова помещается мастерская.

В. ФЕЛИЦЫН,
сотрудник редакции газеты «Бакинский рабочий».

От имени нашей семьи

Я приобрел телевизор «Рекорд» 31 августа 1958 года и вот уже четвертый год не знаю горя: работает он безотказно. Включаем его ежедневно с начала передач и до конца. Раньше мы берегли трубку и мало интересные для нас передачи не смотрели, а после года эксплуатации убедились в надежности и стали включать на все время работы станции. По моим подсчетам, телевизор работает без ремонта и дефектов свыше 6 тысяч часов. Телевизор выпущен 11 августа 1958 года, № 273123-А, контролер ОТК № 2 (жаль, нет фамилий членов бригады, изготовлявшей этот приемник). Трубка типа 35 ЛК 2Б № 1087 изготовлена 1.VIII 1958 года.

Дорогие товарищи! Вы правильно критикуете в «Огоньке» тех, кто выпускает плохие телевизоры,— на пользу дела идет эта критика. Но я думаю, что и похвала пойдет на пользу дела. Поэтому я прошу от имени нашей семьи поблагодарить работников заводов, делавших телевизор и трубку к нему.

Л. ЛЕВЧЕНКО

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Акуля, что шьешь не оттуля?

К. ОБОЛЕНСКИЙ

С печатью сейчас в полемику не вступают. Как правило, ответы приходят положительные: факты в основном подтвердились... намечено произвести... и так далее.

Бог с ним, с этим обтекаемым «в основном». Лишь бы действительно делали, что написано в ответе. И, конечно, «в основном» делают... А в частности?

Год тому назад в «Огоньке» был опубликован фельетон «Равнодушие». Журнал вступился за жителей подмосковного поселка Толстопальцево. Переселили туда три с половиной тысячи москвичей, наобещали им с три короба: будут, мол, и бани-прачечные, и детсады-ясли, и клубы-кино. В посулах недостатка не было. Но получилось, как в известной поговорке: на посуле, что на стуле, а на деле...

На деле, вернее, на запланированных площадках, много лет бурно прорастали лопухи. Много лет возводились школа и кинотеатр. В единственном магазине главным ассортиментом были консервы, водка и жалобная книга.

Сравнительно быстро, спустя пять месяцев после опубликования фельетона, редакция получила ответ за подписью заместителя председателя исполкома Мособлсовета тов. Артемьева. «Факты... действительно имеют место»,— сообщил он. Окрыляли и строчки, посвященные благоустройству: «На строительство водопровода выделяется 50 тысяч рублей. В 1962 году будет введен водопроводный узел и два километра водопроводной сети».

Людям положено верить. Особенно когда эти люди подписывают официальную бумагу. Поэтому неожиданным был звонок из Толстопальцева: «Товарищи, очень просим вас приехать!..»

И вот мы снова в поселке. Изменилось что-нибудь за год? Да, конечно. Весело высвечивается среди поселковых домов новенькая школа, на здании кинотеатра — афиша, рекламирующая очередную кинокомедию. Но почему, как после вулканического извержения, разворочены улицы? Что за ямы и колдобины возле магазина? Кто завалил землей и поломал деревья, заборы?

— Это в школе канализацию проводили,— горестно вздыхая, поясняет депутат поселкового Совета Б. Н. Соколов.— Перекопали землю строители, а засыпать, заровнять отказываются. Асфальтовые дорожки, что мы своими руками строили, и те тракторами перекорежили.

— Кто же эти строители-разорители?

— Старые знакомые по фельетону,— поясняет депутат.— Одинцовское СМУ треста № 6 Главмособлстроя, раньше оно называлось СУ № 119. Уж мы их просили: где ваша рабочая совесть, заровняйте за собой дороги! «Не заложено в сметах»,— ответил главный инженер Горб.

— Ну, а водопроводный узел действует? — вспомнив оптимистический ответ тов. Артемьева, интересуемся мы.

— Идемте на трассу,— предлагает депутат.

Глубокие траншеи тянутся вдоль улиц поселка. Часть из них завалена обвалившимся грунтом, часть доверху заполнена водой. Кое-где торчат разбросанные трубы. Через все эти рвы и завалы к домам переброшены дощатые сооружения, напоминающие штурмовые мостики. Ни одного рабочего у канав и труб.

— Ни стыда, ни совести у этих строителей нет! — с возмущением говорит М. И. Белевщук, проживающая по улице Чехова.— Эта гоп-компания, что водопровод укладывает, у меня все лето жила. Утром встанут и первым делом за бутылки берутся, а потом сядут у траншеи и давай во весь голос: «На побывку едет молодой моряк...» Уж я их совестила: «Вы хоть с обеда на побывку-то поезжайте, глядишь, с утра чего-нибудь да и сделаете». Только разве их проймешь! «Ты,— говорят,— тетка Марья, производства не касайся. Твое дело — пустую посуду сдавать...» Месяца два тому назад разогнали этих пьяниц, других рабочих прислали. Эти и не пьют и не работают. Все у них чего-то не хватает. Старший недавно сказал: «Не могу, тетка Марья, зря деньги получать и на такое безобразие глядеть. Махну на все рукой — в Сибирь уеду».

Да, при таком порядке часть труб уже завалило землей. Начинай раскопки сначала. Невольно вспоминается поговорка: «Акуля, что шьешь не оттуля?» «А я, матушка, еще пороть буду».

Уточняем вывеску толстопальцевских «акуль». Ведет там «работы» СУ № 5 треста № 13 Главмособлстроя. Начальник участка — Подщеколдин, главный инженер — Сергеев.

Распутывать этот водопроводный узел пришлось уже в Москве.

— Есть такой водопровод... вернее, должен быть,— бодро ответили нам в Главмособлстрое.— Мы сейчас на тринадцатый трест вовсю жмем. Вот приказ, подписанный самим тов. Мальцевым, начальником Главмособлстроя. Строго-настрого наказал пустить водопровод в октябре. Отпустили 30 тысяч рублей, жаль только, что из них уже 20 тысяч срезали. Почему срезали? Поинтересуйтесь в Мособлисполкоме.

В Мособлисполкоме, в отделе капитального строительства, резонно ответили:

— Не осваиваются эти средства. За полгода в Толстопальцеве только 500 рублей израсходовали на водопровод. Деньги есть, приказы есть, а водопровода нет.

— Водопровод в Толстопальцеве? — переспросил главный инженер 13-го треста тов. Рукавишников.— В свое время будет. Участку строгое указание дано. Работы форсируем.

В истории с толстопальцевским водопроводом четко видна порочная система «строгих указаний» без какой-либо проверки. Тов. Артемьев — работник большого масштаба. Ему и в голову не пришло проверить, как выполняется решение исполкома Мособлсовета. У тов. Мальцева тоже дел много, он спустил строгий приказ тресту, установил дату ввода — и все. В тресте тов. Рукавишников строго-настрого указал начальнику участка: «Форсируйте!» Главный инженер стройучастка наверняка накачал старшего толстопальцевской бригады, того самого, который хотел сбежать от этой неразберихи в Сибирь...

А водопровод? В конце концов его, очевидно, построят. Но к тому времени жители поселка могут окончательно извериться в обещаниях руководителей и строителей, и только потому, что никто из них вовремя не проверил исполнения своих решений и приказов, не спросил строго: кто дал право их не выполнять?..

Трофеи фотоохоты

Куплен в магазине трехсотмиллиметровый фотообъектив, несложное приспособление к фотокамере «Кристалл» — и фоторужье готово. Главное преимущество фотоохоты — сезон круглый год.

Предлагаю вниманию читателей два охотничьих трофея.

А. Сабодаш

Минск.

На шутливой волне...

Иностранный юмор

В ресторане.

— Почему сегодня такие маленькие порции? Вчера они были в два раза больше.

— А где вы вчера сидели?

— Вон там, у окна.

— Тогда все ясно. Посетителям, которые сидят у окна, мы даем вдвое больше. Это реклама.

Разговаривают две девицы.

— Что за книгу ты читаешь, она интересная?

— О да, это целая романтическая история, жаль только, конец трагический.

— Какой?

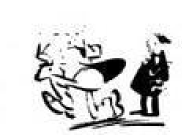
— Представляешь себе, в последней главе он возвращается к своей семье!

— Все-таки собака — глупое животное.

— Мне кажется. это не так.

— Ну, посуди сам. Вчера я велел своему Лорду сходить за газетой, а он вместо этого пошел на кухню и сварил кофе.

Больной:

— Я, право, не знаю, найдется ли в вашей больнице лекарство для моей болезни.

Врач:

— Что вы! У нас в больнице столько лекарств, что даже для некоторых из них и болезней пока нет.

Поэт:

— Можно видеть редактора?

— Его нет.

— Как нет, я его только что видел!

— Да, но он увидел вас еще раньше!

— В Париже ночью я всегда бесплатно езжу на такси. Подъехав к гостинице, я сначала выхожу, а потом прошу у шофера спички, чтобы поискать оброненную мной в машине десятитысячную купюру. После этого такси срывается с места и моментально исчезает.

Дорогие друзья, читатели «Огонька»!

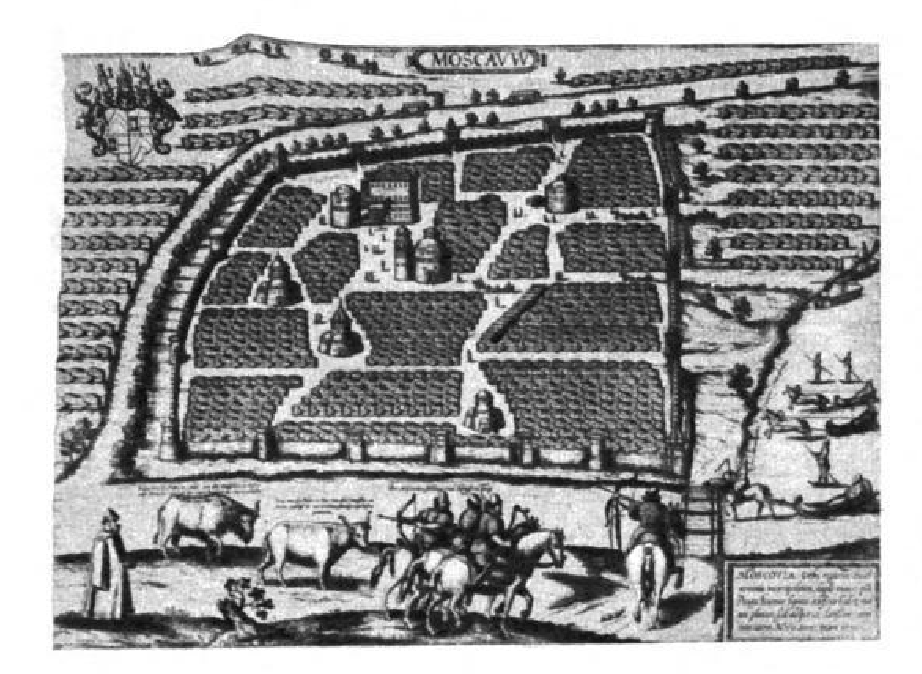
Только что закончилась моя поездка по вашей удивительной стране, поражающей каждого не только размахом строительства, но и сердечностью гостеприимства. Мое пятидесятилетие, которое совпало с пребыванием в СССР, отмечали в каждом городе, где я побывал. В конце концов начало казаться, что мне исполнилось не пятьдесят, а пятьсот лет...

В Москве, в кинотеатре «Россия», я видел фильм, который называется «В гостях у Бидструпа». Я бы очень хотел, чтобы все читатели «Огонька», все советские друзья были гостями в моем доме в Лиллероде, хотя я опасаюсь, что если мы соберемся вместе, то нас будет так много, что мы едва ли уместимся под одной крышей.

Ну, а пока вы — в Советском Союзе, а я — в Дании, шлю вам свой привет и свою любовь. И приглашаю в гости на эту страницу, где публикуются мои новые рисунки.

Ваш Херлуф БИДСТРУП.

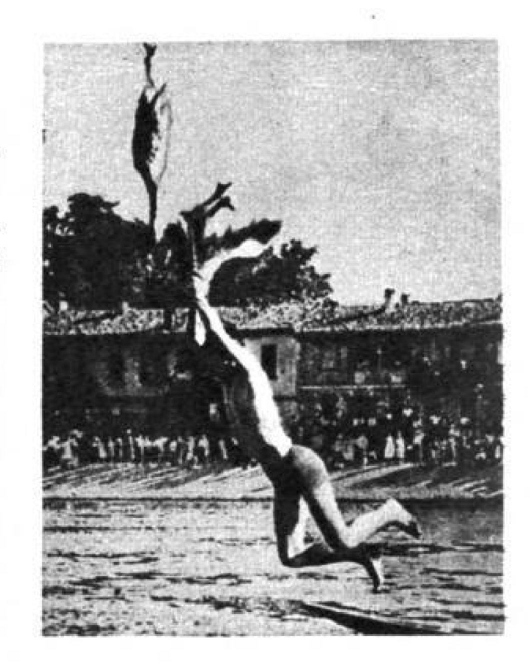
ГУСИНЫЙ ПРИЗ

Местные власти итальянского города Павии, чтобы привлечь туристов, решили возродить средневековые состязания на ловкость и выносливость — гусиный приз.

В далекие времена в Павии гусиный приз разыгрывался ежегодно в один из летних дней. Каждый из десяти районов, на которые был разделен город, выставлял одного пловца и несколько гребцов. Соревнования проходили на реке Тичино. В 400 метрах от берега протягивали веревку, на которой подвешивали живых гусей. По сигналу мэра города, пловцы бросались в воду и плыли к своим лодкам. Затем начиналась гонка лодок. Достигнув веревки, соревнующиеся прыгали за гусем. Многие без добычи падали в воду. Счастливцы плыли с живыми гусями к финишу. Победителя ожидал почет и, конечно, гусь.

И вот спустя 150 лет эта игра воскрешена в Павии. Правда, гуси сейчас не настоящие, а тряпичные.

С. КУХАРЕНКО

Документ четырехсотлетней давности

В 1556 году в Базеле вышла в свет книга «Записки о Московитских делах», автором которой был барон Сигизмунд Герберштейн, дважды приезжавший в русскую столицу в роли австрийского посла — в 1517 и 1526 годах. Среди иллюстраций книги есть первый план Москвы.

На плане дана схематично застройка в Кремле и за его пределами. В каменных сооружениях можно узнать Успенский, Благовещенский и Архангельский соборы, Чудов монастырь. Москва того времени была почти полностью застроена деревянными домами. Герберштейн изобразил на плане одинаковые двухэтажные домики, расположенные правильными рядами и кварталами.

В восточной части Кремля показаны Никольские, Спасские и Константино-Еленинские ворота, от которых идут параллельные друг другу улицы. С южной стороны Кремль омывается Москвой-рекой, а с севера и запада — рекой Неглинной. Левый берег Неглинной обсажен деревьями, на правом берегу ее, в северной части, были водяные мельницы.

На территории, расположенной за пределами Кремля, жили посадские люди, ремесленники. На плане Герберштейн делает несколько зарисовок, показывающих быт москвичей. Москву-реку пересекают трое саней и три лыжника. Катание на санях — любимое развлечение жителей древней столицы. По южному берегу реки идет боярин. Здесь же изображены зубр, буйвол и четверо всадников.

План Герберштейна имеет ряд ошибок, неточностей. За Москворецким мостом Москва-река делает поворот не на юг, а на север. Кремль имеет форму четырехугольника, а каменные постройки на его территории несколько фантастичны. Да и количество их явно преуменьшено. Однако план Герберштейна служил и служит интересным пособием для изучающих историю Москвы.

Р. СИДЬКО,
научный сотрудник Музея истории и реконструкции Москвы.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Дядька. Якшаться

Влияние русского языка на языки народов СССР можно сравнить только с былым влиянием латинского и греческого на западноевропейские языки. Русский язык после революции обогатил языки народов нашей страны множеством слов из области политики, экономики, общественной жизни, искусства, техники.

Но на протяжении веков и другие языки дали очень много слов русскому языку. Деньги, казна, башмак, каблук, кушак, чулан, тюфяк, кисея, чулок, сундук, балаган, барсук, войлок, туман, чугун, буран, каланча и другие пришли из татарского.

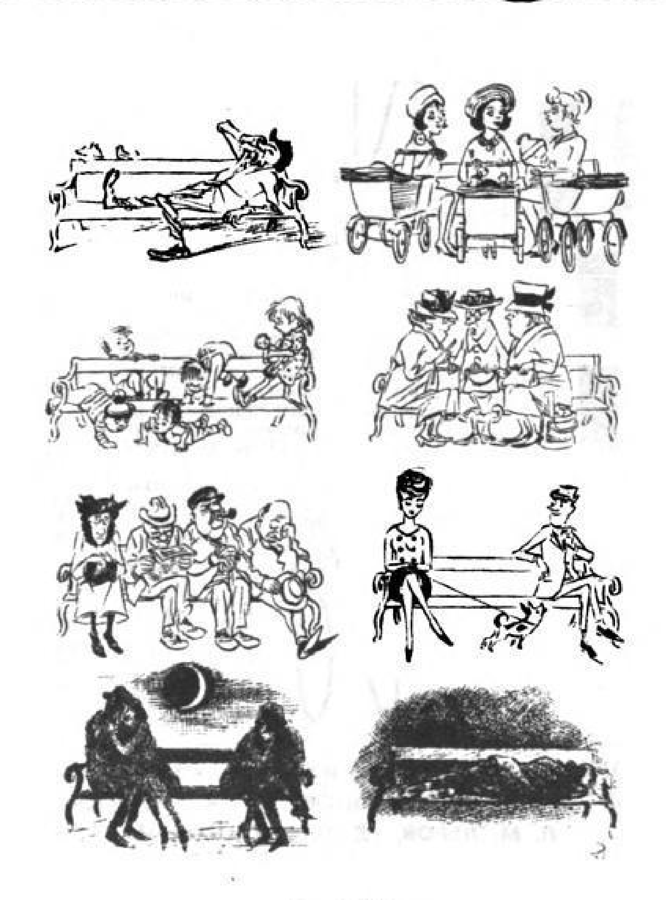
Интересна история слова «дядька». Благодаря близкому звучанию с «дядя» оно считается словом русского происхождения. «Дядька» до революции—старший солдат, обучающий новобранцев, служитель в мужских учебных заведениях, лицо, приставленное к мальчику для надзора. На самом деле «дядька» — слово татарское. В основе лежит персидское «дада» — служанка, жившая при ребенке с детства. Это слово перешло в турецкий, в котором оно стало обозначать служителя-мужчину, и в татарский — «дадак», «дадка». Последнее приобрело значение «нарочный». Дадка (курьер) выполнял поручения.

Такова же история слова «якшаться». Русские у татар слышали часто слово «якши» (хорошо), и «якшаться» стало «дружески общаться».

И. УРАЗОВ

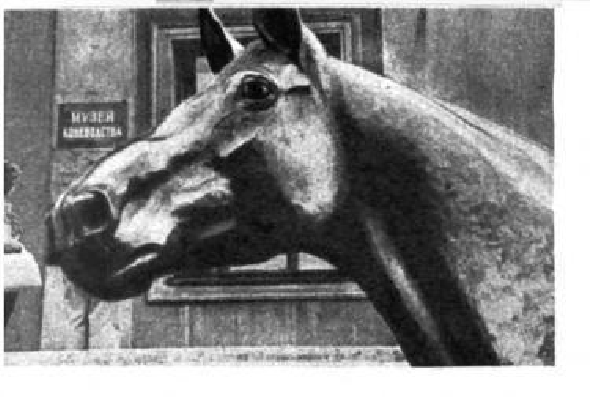
Букет.

Скамейка.

Молитва.

Один из последних могикан.

И БРОНЗОВЫЕ И ЖИ

Вл. РУДИМ

Фото Галины САНЬКО.

Вот с чего началось. На Тверском бульваре грелись под осенним солнцем Федор Никанорович Горин с внуком Юрой, грелись и рассматривали в детской книжке лошадь.

— А я знаю, где живут лошади,— сказал внук,— в большом, большом лесу.

Дедушка улыбнулся:

— В лесу! Эх ты, современный горожанин!.. Да ведь теперь, пожалуй, нет в Москве ни одной лошади, разве только бронзовые — на памятниках.

Мы вспомнили, что еще А. И. Куприн в одном из своих очерков сказал, что новые средства сообщения и связи «сделали совсем ненужной лошадь — это самое благородное завоевание человечества»... Да, она сходит со сцены. Однако совсем ли не нужны в городе лошади? Умерла ли в сердцах горожан любовь к ним? И можно ли в самом деле увидеть в большом городе это благородное и красивое животное?

Наверное, в первую очередь вы назовете ипподром. Бега — кто о них не слышал! Гораздо меньше людей знают о другом удовольствии, которое предоставляет ипподром: если хотите — садитесь сами в седло и катайтесь верхом. После ипподрома наиболее известны конноспортивные школы. Одна из них — «Урожай» — даже дает лошадей для туристских путешествий по живописному Подмосковью. И хотя конноспортивных школ несколько, они пока еще не в состоянии принять всех желающих. Среди молодежи и взрослых, овладевающих техникой верховой езды, больше всего, пожалуй, студентов-геологов: практические занятия с лошадьми для них обязательны, по ним даже ставятся отметки.

Но вот малоизвестные адреса. Мы с трудом разыскали на Остаповском шоссе скромную вывеску: «Конный парк». Войдем в распахнутые ворота и познакомимся с последними могиканами гужевого транспорта. Заведующий парком Антон Иванович Антошкин, проработавший в гужевом транспорте 34 года, говорит:

— До революции москвичей возили примерно пятнадцать тысяч извозчиков, а сейчас мы ездим с краю — таков ход жизни. Наше дело — торговая сеть, короткие дистанции. Но, конечно, мы скоро совсем сойдем со сцены.

Мы согласны с Антоном Ивановичем. Однако пока что и в Москве и в других городах плохо используют «короткие дистанции». Там, где нужна лошадь, гоняют понапрасну грузовик.

И все-таки на сцене — в прямом смысле этого слова — лошади останутся. Ну как обойтись без коней в «Иване Сусанине», «Князе Игоре», «Дон Кихоте»? Четвероногих актеров для Большого театра поставляет ипподром. Их беговая карьера уже закончилась, зато началась театральная. Свои роли экс-рысаки выполняют охотно. В Большой театр их привозят на грузовике — и не только на спектакли, но и на репетиции. Артист есть артист.

Между прочим, лошадей выводят на сцену в специальных калошах: чтобы подковы ничего не повредили. У гнедого Кедра уже довольно солидный театральный стаж — пять лет. До сих пор он участвовал в «Иване Сусанине» и «Князе Игоре», но скоро появится и в «Хованщине». Дело в том, что Кедр — верховая лошадь, а в «Хованщине» он должен тащить телегу. Вот его и приучают: запрягают на ипподроме в дрожки, надевают хомут и дугу. В «Дон Кихоте» в роли Росинанта выступает белый жеребец Каир. Вороная кобыла Судьба — коллега Кедра по спектаклям. Судьба очень послушна, поэтому ее особенно часто балуют конфетами, яблоками, печеньем. Недавно Судьба прихворнула. Солист, которому предстояло петь в седле, волновался: выздоровеет ли она к спектаклю? Судьба не подвела — вышла на работу в срок.

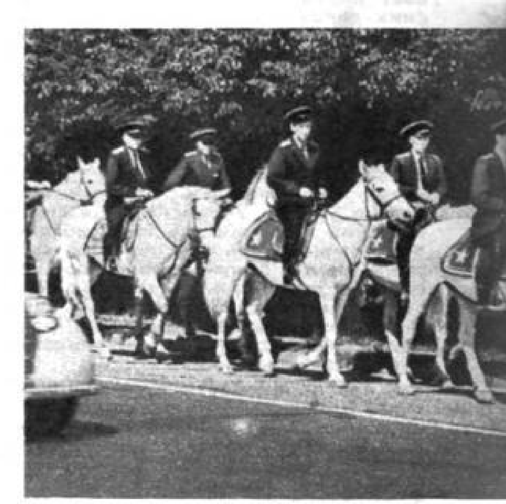
Лошади — частые гости и в киностудиях. Выдвинулся в «киноактеры» гужевой труженик Рикошет из конного парка на Остаповском шоссе. Он участвовал в съемке «Ильи Муромца».

Где еще увидишь лошадей? В Лужниках на новогодней елке и в Измайловском парке зимой всегда запрягаются тройки. О цирке и не говорим: какой же цирк обходится без наездников! А конная милиция?

На Выставке достижений народного хозяйства минувшим летом впервые проведена международная ярмарка лошадей. Съехались гости из стран народной демократии, из Англии, Италии, Франции, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германии, Швеции и Швейцарии. И, конечно, были совершены торговые сделки: например, англичане купили 82 лошади.

Теперь заглянем в северную часть Москвы: светлое здание, у парадного подъезда которого застыли две бронзовые лошади в натуральную величину. Табличка: «Музей коневодства». Единственный в нашей стране и богатейший в мире. Он тоже свидетельство того, как любят лошадь в городе автомобилей. Здесь собрано все о лошадях «от Ромула до наших дней», в том числе около трех тысяч картин и скульптур. Поговорим сперва о знаменитом жеребце Сметанка, родоначальнике орловского рысака. Еще в 1774 году А. Г. Орлов купил в Аравии это редкостное животное. Он не решился подвергнуть Сметанку морскому путешествию: жеребца вели сухим путем под военной охраной через Турцию, Венгрию, Польшу.

Затем остановимся у картины В. А. Серова «Орловский рысак Летучий», про которую один знаток живописи и лошадей сказал: «Я не знаю другого лошадиного портрета, написанного с такой силой, яркостью и знанием форм». Разыщем среди множества экспонатов портрет коня Символа, на котором еще недавно принимались парады на Красной площади. И еще один холст: рысак Приятель. Его знали многие ипподромы Ев-

Конная милиция

КРОСС-ВОРД

По горизонтали:

8. Наивысшая гора на Алтае. 10. Преподаватель, учитель. 11. Цветок. 13. Единица угловой меры. 14. Электроизмерительный прибор. 15. Площадка для бокса. 16. Женское платье. 21. Проверочное испытание. 24. Вид почвы. 25. Автор романа «Дочь полковника». 26. Рассказчик былин, сказок. 28. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 29. Часть города. 33. Животное, обитающее в горах Южной Америки. 39. Полуостров в Сибири. 40. Певчая птица. 41. Атмосферные осадки. 42. Планета. 43. Учебное заведение. 44. Человек, обладающий даром красноречия.

По вертикали:

1. Осетровая рыба. 2. Порт на севере Италии. 3. Деталь колеса. 4. Гриб. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Схема движения поездов. 7. Дом. 9. Минеральная краска. 12. Духовой инструмент народов Востока. 17. Песня А. Гурилева на стихи А. Кольцова. 18. Книга большого формата. 19. Народный художник СССР. 20. Сорт слив. 22. Окраина в старом городе. 23. Плодовое дерево. 27. Русский народный танец. 30. Марка советских часов. 31. Кондитерское изделие. 32. Одна из рек бассейна Амура. 34. Русский флотоводец XVIII—XIX веков. 35. Пушной зверек. 36. Название советских искусственных спутников. 37. Бахчевая культура. 38. Горизонтальная горная выработка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

5. Савицкий. 6. Иллинойс. 8. Гривна. 11. Рапорт. 12. Уравнение. 13. Бицепс. 14. Гастон. 15. Титов. 17. Карта. 19. Тулий. 20. Иллюминация. 23. «Слава». 24. Агава. 27. Дуров. 31. Нектар. 32. Ереван. 33. Фейерверк. 34. Артист. 35. Шадрин. 36. Кривченя. 37. Закраина.

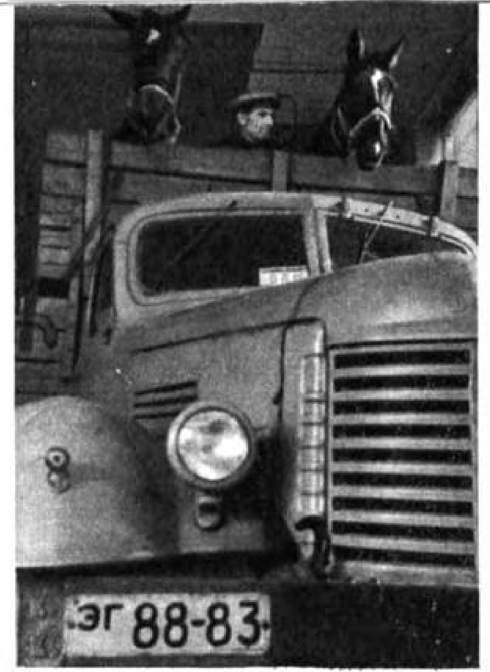
По вертикали:

1. «Двенадцать». 2. Экспресс. 3. Фламинго. 4. Показатель. 5. Стилобат. 7. Смольный. 9. «Аврора». 10. Декрет. 16. «Волга». 17. Каюта. 18. Анапа. 19. Триод. 21. Маяковский. 22. Яровизация. 23. Синоптик. 25. Геллер. 24. «Влтава». 28. Венгерка. 29. Арсеньев. 30. «Петрушка».

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Кедр и Судьба прибыли на репетицию «Ивана Сусанина».

Прогулка по Подмосковью.

ВЫЕ

ропы, у него почти не было соперников до самого последнего времени. Но случилась беда: умер наездник, и Приятель затосковал, не раскрыл свою лошадиную душу никому другому. Он и сейчас еще участвует в заездах, но это уже не прежний рекордсмен. Однако то, что он сделал, дало ему полное право еще при жизни занять место в музее.

Если вы были до сих пор равнодушны к лошадям, то, выйдя из музея, удивитесь: как можно не любить такое животное?

Вот наш ответ на заявление дедушки Федора Никаноровича Горина о том, что в большом городе не увидишь никаких других скакунов, кроме бронзовых. Есть в Москве лошади. И всегда будут, и бронзовые и живые!

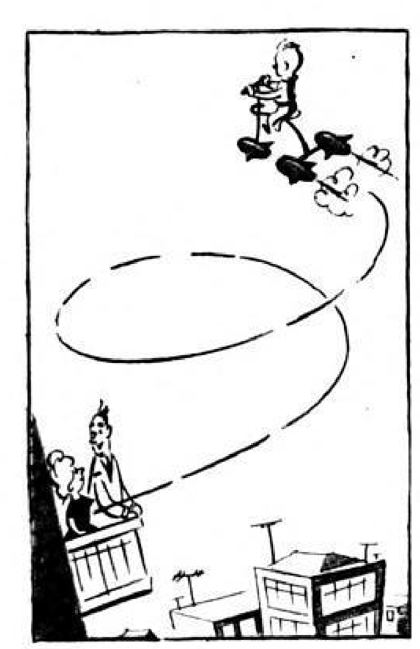

В музее коневодства.

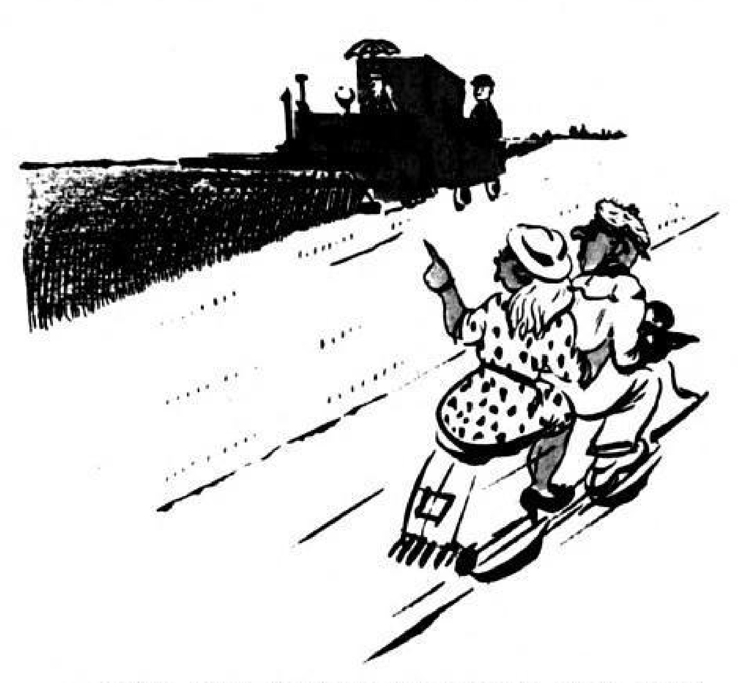

Снимается «Гусарская баллада».

— Когда он подрастет, мы ему купим настоящий.

Рисунки И. Массины.

— Какие здесь большие машины для стрижки газонов!

Рисунок В. Воеводина.

Последнее слово взяточника:
— Граждане судьи, прошу: дайте как можно меньше.

Рисунок К. Зарубы Киев.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00193. Подписано к печати 8/XI 1962 г. Формат бум. 70×108[1]/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1682. Заказ 2979

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.